

С. И. Николаев

ИМЯ НА ДЕРЕВЕ

*ЭТЮДЫ ПО МИКРОИСТОРИИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
XVII – XVIII вв.*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

С. И. Николаев

ИМЯ НА ДЕРЕВЕ

*ЭТЮДЫ ПО МИКРОИСТОРИИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
XVII – XVIII вв.*

Альянс-Архео
Москва — Санкт-Петербург
2024

Николаев С. И. *Имя на дереве. Этюды по микроистории русской литературы XVII–XVIII вв.* — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2024. — 192 с.

ISBN 978-5-98874-214-2

Собранные в этом издании работы, очень отличающиеся по своей тематике, объединяет исследовательский подход — рассмотрение в деталях того или иного эпизода литературной жизни XVII–XVIII вв. При этом микроанализ не противостоит целостному описанию («метаповествованию») и не отменяет его. В центре внимания находятся люди прошлого, со своей особой системой ценностей, миропониманием, эмоциями, что обуславливало особенности литературных взаимосвязей, поскольку каждый разбираемый эпизод — это одновременно и восприятие на русской почве какой-либо западноевропейской литературной традиции. Методы исторической антропологии (история ментальности, история повседневности, микроистория) позволяют проникнуть туда, где методов традиционного историко-литературного исследования недостаточно.

Рецензенты:

А. Ю. Веселова, Е. Е. Дмитриева

Альянс-Архео

© Зарегистрированный в России товарный знак,
свидетельство № 743093

ISBN 978-5-98874-214-2

© С. И. Николаев, 2024

© Альянс-Архео™, 2024

ОТ АВТОРА

Собранные в этом издании работы, очень отличающиеся по своей тематике, объединяет исследовательский подход — рассмотрение в деталях того или иного эпизода литературной жизни XVII–XVIII вв. При этом микроанализ не противостоит целостному описанию («метаповествованию») и не отменяет его. Как подчеркивал Карло Гинзбург, «микро-» относится к *пристальности взгляда*, а не к масштабу исследуемого предмета: «Приблизженный взгляд позволяет нам уловить конкретику, которая ускользает от панорамного обзора, и наоборот».¹ В описании общих тенденций

¹ См.: Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. Сб. статей. М., 2004. С. 303. Ср.: Ретина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М, 2011.

конкретный человек или деталь иногда теряются, а могут и вообще остаться незамеченными или даже неверно интерпретированы. Так, «имя на дереве» — это минимальный текст, но если это вензель или даже один инициал, то из-за краткости проанализировать его традиционными литературоведческими методами невозможно, необходимо и неизбежно привлечение иных методов, в том числе материалов исторической психологии. Как объяснить, что курочка протопота Аваакума чудесная без обращения к истории яйценокости? Все особенности рассказа Иоганна Корба в его официальном дневнике пребывания в Москве объясняются громадными отличиями повседневного западноевропейского и русского быта и т. д. По этим причинам для всех включенных в издание этюдов характерно стремление к преодолению размежевания филологических дисциплин, сближение с соседними дисциплинами (лингвистика, семиотика, история искусства, антропология, фольклористика, национальные стереотипы и т. д.) с тем, чтобы обеспечить возможность целостного взгляда на свой предмет. В центре внимания находятся люди прошлого, со своей особой системой ценностей, миропониманием, эмоциями, что обуславливало особенности литературных взаимосвязей, поскольку каждый разбираемый эпизод — это одновременно и восприятие на русской почве какой-либо

западноевропейской литературной традиции. Методы исторической антропологии (история ментальности, история повседневности, микроистория и т. д.) позволяют проникнуть туда, где методов традиционного историко-литературного исследования недостаточно.

ИМЯ НА ДЕРЕВЕ

(Из истории идилического мотива)

Герои поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», добравшись до села Клин, оказались в запущенной помещицкой усадьбе:

Бродили долго по саду:
«Затей-то! горы, пропасти!
И пруд опять... Чай, лебеди
Гуляли по пруду?..
Беседка... стойте! с надписью!...»
Демьян, крестьянин грамотный,
Читает по складам.
«Эй, врешь!» Хохочут странники...
Опять — и то же самое
Читает им Демьян.
(Насилу догадались,
Что надпись переправлена:
Затерты две-три литеры,

Из слова благородного
Такая вышла дрянь!)¹

Что это была за надпись, где именно (над входом или на одной из стен беседки) и как она была выполнена (написана краской или вырезана) — неизвестно. В определенном смысле эту сцену можно рассматривать как травестию картины Никола Пуссена «Et in Arcadia ego».² Герои Некрасова, конечно, не аркадские пастухи — по своему настрою этот эпизод сопоставим скорее с картиной И. Е. Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Сцена из поэмы Некрасова любопытна не только этой напрашивающейся параллелью. Это своего рода историко-культурный палимпсест, который сохранил следы трех этапов жизни надписи. Сначала кто-то ее написал (или вырезал). Известно только, что это было некое «благородное» слово. Второй этап — кто-то не без известной изобретательности переправил надпись («затерты две-три

¹ Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений: В 15 т. Л., 1982. Т. 5. С. 123–124. — При собирании материала мне помогли советы и справки коллег. Выражаю сердечную признательность А. Ф. Белоусову, А. Ю. Веселовой, Е. В. Душечкиной, Н. Д. Кочетковой, Н. П. Морозовой, В. П. Степанову, И. Х. Черняку, В. И. Эрлю.

² См.: Панофский Э. Et in Arcadia ego: Пуссен и элегическая традиция // Панофский Э. Смысл и толкование изобразительного искусства. СПб., 1999. С. 335–362.

литеры»), в результате чего «из слова благородного такая вышла дрянь!». Наконец, третий этап истории восприятия надписи — хохочущие странники. Они смеются, конечно, не столько над «благородным» словом, сколько над той ловкостью, с которой неведомый насмешник осквернил чьи-то возвышенные чувства. Сама же «барская затея» — надпись на беседке — им чужда и непонятна, их искренний смех отмечает завершение длительной истории одного идиллического мотива, появившегося впервые в европейской литературе как раз в среде упомянутых аркадских пастухов и пастушек.

Надпись на беседке в поэме Некрасова — это лишь один вид из вереницы разнообразных надписей, которыми начиная с античности и вплоть до XIX в. украшались сады.³ В античной буколической поэзии таким

³ См.: Общее замечание г. Гиршфельда о надписях. (Взято из его сочинения о садах) // Экономический магазин. 1787. Ч. 29, № 23. С. 363–367; Лихачев Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982. С. 209–212. См. описания разнообразных надписей в парке Эрменонвиля под Парижем (*Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 308–312) и надписей в саду Сухопутного шляхетного корпуса во второй половине 1780-х гг.: *Глинка С. Н.* Записки. СПб., 1895. С. 72–74. В рукописном сборнике А. Т. Болотова «Собрание мелких сочинений в стихах и прозе» сохранились проекты надписей в стихах 1797 г., которые предполагалось разместить в саду на специальных

«приятным местом» (*locus amoenus*) и предшественницей сада была роща⁴ и именно в ней появляется первая надпись такого рода. Естественное природное окружение и простодушно-наивный характер далеких от цивилизации героев буколической поэзии определили место надписи — кора дерева и, как следствие определенной сложности исполнения, ее кратчайший тип — имя возлюбленной или возлюбленного. Герои буколической поэзии далеки не просто от цивилизации, а именно от городской цивилизации, а это весьма существенная черта природы этого жанра.⁵ Как отмечал Й. Хейзинга, «по-настоящему наивной и естественной буколика не была никогда. У самого Феокрита она предстает плодом усталости от городской жизни, бегством от культуры».⁶ Пастухи и пастушки пишут

дощечках у пруда, скамьи и дерева, см.: *Веселова А. Ю.* Стихотворения А. Т. Болотова: хорошая физика, но плохая поэзия // *Slavic Almanach. The South African Year Book for Slavic, Central and East European Studies.* 2000. Vol. 6, N 9. P. 166–168.

⁴ См.: *Curtius E. R.* Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern; München, 1984. S. 202–206.

⁵ См.: *Poggioli R.* The Oaten Flute. Essays on Pastoral Poetry and the Pastoral Ideal. Cambridge, Mass., 1975. P. 1–41. Ср.: *Hauzer A.* Społeczna historia sztuki i literatury / Przekład J. Ruszczycówny. Warszawa, 1974. T. 2. S. 16–18.

⁶ *Хейзинга Й.* Об исторических жизненных идеалах. London, 1992. С. 100.

на дереве не только потому, что им не на чем больше писать — недолговечная и очень личная пастушеская надпись на дереве противопоставлена рассчитанным на вечность официозным надписям на камне и металле.

Этот мотив — имя на дереве — есть уже у классиков буколической поэзии, у Феокрита и Вергилия. П. Ю. Львов так перевел в 1796 г. соответствующее место из 18 идиллии Феокрита: «Никогда не изыдешь ты из памяти нашей. Сердца наши стремятся к тебе, как агнцы ко матери своей. Лotosовые венцы повесим мы на тенистом яворе. В серебряных сосудах принесем масло ароматное, излием его по капле на кору древа сего и дорическими словами (да чтет мимоидущий) начертаем мы на нем: «Чтите меня, смертные, я древо, Елене посвященное».⁷ В начале XIX в. появился и стихотворный перевод этой идиллии:

На завтра, как заря настанет
Мы в луг пойдем собирать цветы,
И каждая из нас вспомнит,
Что с нами разлучилась ты.
Мы скажем: «Нет Елены с нами»,

⁷ Эпиталам на брак Елены. Из Теокрита. Идиллия 18 / Пер. П. Львов // Приятное и полезное препровождение времени. 1796. Ч. 12. С. 207. Ср.: *Феокрит. Мосх. Бион. Идиллии. и эпиграммы*. М., 1958. С. 86.

И станем все ее искать;
Как агнца ищет меж кустами
О нем скучающая мать.
Украшим после их венками –
Приятен сей нам будет труд.
Своими утвердим руками
На ветвях сребряный сосуд.
На дереве изображенны
Слова, что нежность начертит:
«Прохожий! дерево Елены
В тебя почтенье да вселит!»⁸

Перевод соответствующего места из 5 эклоги Вергилия вызвал расхождения у русских переводчиков. А. Ф. Мерзляков в 1807 г. перевел это место достаточно точно:

Унылая свирель, пусть звук твой раздастся!
В жилище ужасов, где лютый тигр пасется,
Там должно мне свое отчаянье скрывать,
На нежной древ коре любовь изображать.
Растите, деревья, расти, любовь несчастна!
Забытому судьбой пустыня не ужасна!⁹

⁸ Феокритова идиллия XVI <так! — С. Н.>. Епиталамия Елены // Друг просвещения. 1806. Ч. 4, № 10. С. 28.

⁹ Эклоги П. Вергилия Марона, переведенные А. Мерзляковым. М., 1807. С. 91–92. Ср. перевод С. Шервинского: «И, надрезая стволы, доверять им любовную нежность» (Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1971. С. 60).

При переиздании своих переводов в 1826 г. в приведенном отрывке Мерзляков исправил только этот стих: «И токмо древ коре любовь свою вверять».¹⁰ Поскольку у Вергилия вырезание имени не упоминается, а лишь подразумевается (*tenerisque meos incidere amores arboribus*), то нет его и в переводе А. Ф. Воейкова 1819 г.:

Я побреду к пастухам сицилийским; наигрывать стану
Песни на голос сладкий поэта калцидского песен.
Жить поселюся в лесах: терпеть от зверей не столь горько.
Там на юных древах любовь вырезывать стану;
Скоро древа возрастут, и любовь моя вырастет с ними.¹¹

Из этих первых запечатленных в буколической поэзии случаев вырезания имени на древесной коре недвусмысленно явствует, что надпись на дереве носит только посвятельный характер и не связана с какими-либо ритуальными или магическими действиями.¹²

¹⁰ Мерзляков А. Подражания и переводы и греческих и латинских стихотворцев. М., 1826. Ч. 2. С. 265.

¹¹ Новости литературы. 1825. Кн. 13. Сентябрь. С. 181. — Пер. с лат. А. Ф. Воейкова (Дерпт, 1819).

¹² Надо отметить, правда, что М. Комаров в посвящении сборника «Разные письменные материи» (М., 1791) кн. В. А. Хованскому писал: «В прошедшие времена древних лет жители некоторой части земли начертывали на плодоносящих древах и листьях имена тех богов, которым они веровали, для того чтоб оные лучший и изобильнейший плод приносили; а писатели сочинения

Не связана она и с чрезвычайно развитым культом поклонения деревьям, в том числе с распространенным мотивом превращения в дерево (так, например, только в «Метаморфозах» Овидия насчитывается более 20 превращений людей в деревья).¹³

Психологическая и эмоциональная атмосфера самого момента создания надписи связана с болью разлуки с любимым или его утратой, невозможностью быть вместе или томлением по утраченному или несбывшемуся счастью. Суть этого эмоционального состояния тонко пояснил Т. Тассо в «Освобожденном Иерусалиме» при описании страданий Эрминии, оказавшейся в лесной хижине пастухов. К. Н. Батюшков отметил этот эпизод поэмы и пересказал его в очерке «Петрарка»,¹⁴ а вот как он был переведен в 1772 г. М. И. Поповым: «Почасту во время дневного жара, сидящая под тению буков, писала она на древесной коре имя обожаемого ею Князя. Она присовокупляла

свои приписывали разумным, добродетельным, человеколюбивым и обо всем здраво рассуждающим людям или своим благотворителям».

¹³ См.: *Кагаров Е.* Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб., 1913. С. 191–192; *Зеленин Д.* Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.; Л., 1937. С. 72–75.

¹⁴ См.: *Батюшков К. Н.* Опыты в стихах и прозе. М., 1977. С. 163.

к тому свое: начертала она там повесть своя любви. «Растите, любезные древа, — вещала она по сем, — сохраните невредимо вверяемый мною вам залог. Если когда-нибудь некий верный любовник придет опочинуть под вашу тень, возвестите ему мои напасти, понудьте его пожалети о моем злосчастии. Да речет он, узря мои злополучия: «Возможно ль, чтоб любовь поступила толико жестоко с толь нежною и верною Царевною?»».¹⁵

Мотив имени на дереве встречается и в другой знаменитой итальянской поэме XVI в. — «Неистовом Роланде» Л. Ариосто. Если К. Н. Батюшков пересказал этот мотив в «Освобожденном Иерусалиме» про-

¹⁵ Освобожденный Иерусалим, ироическая поэма италиянского стихотворца Тасса, переведена с французского М. Поповым. СПб., 1772. Ч. 1. С. 264. Ср. этот фрагмент в украинском стихотворном переводе конца XVII — начала XVIII в., выполненном с польского перевода П. Кохановского (1618 г.): Українська поезія. Середина XVII ст. Київ, 1992. С. 520:

Частокроть, егда овец в время полуденно
Под сени высоких дров в прохладу отгнала,
В высоком буце или древо яворинно
Имя свое преславно ножем рысовала,
Всех своих милостей и бед неизменно
На корах розных древес повырезовала
И, гды оные писма охочо читала,
Всегда кровавыми лзами вся ся обливала.

зой, то А. С. Пушкин перевел стихами соответствующий отрывок из XXIII песни «Неистового Роланда» Л. Ариосто («Из Ариостова „Orlando furioso“, 1826 г.), начиная с описания locus amoenus:

Ott. 100

Пред рыцарем блестит водами
Ручей прозрачнее стекла,
Природа милыми цветами
Тенистый берег убрала
И обсадила древесами.

101

Луга палит полдневный зной,
Пастух убогой спит у стада.
Устал под латами герой —
Его манит ручья прохлада.
Здесь мыслит он найти покой.
И здесь-то, здесь нашел несчастный
Приют жестокой и ужасный.

102

Гуляя, он на деревьях
Повсюду надписи встречает.
Он с изумленьем в сих чертах
Знакомый почерк замечает;
Невольный страх его влечет,
Он руку милой узнает...
И в самом деле в жар полдневный
Медор с китайскою царевной
Из хаты пастыря сюда
Сам-друг являлся иногда.

Орланд их имена читает,
Соединенны вензелом;
Их буква каждая гвоздем
Герою сердце пробивает.
Стараясь разум усыпить,
Он сам с собою лицемерит,
Не верить хочет он, хоть верит,
Он силится вообразить,
Что вензеля в сей роще дикой
Начертаны все — может быть —
Другой, не этой Анджеликой.

И далее:

И здесь их имена кругом
Древа и камни сохраняли;
Их мелом, углем иль ножом
Везде счастливы написали.¹⁶

¹⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1948. Т. 3, ч. 1. С. 14–15, 16. В Штукатурном покое Китайского дворца в Ораниенбауме с 60-х гг. XVIII в. хранится картина «Анджелика и Медор» итальянского художника XVII в. Д. Чиньяролли, на которой изображены и деревья с надписями, см.: Ключарианц Д. А. Художественные памятники города Ломоносова. Л., 1980. С. 104–105. Возможно, А. С. Пушкин видел эту картину, когда 1 июля 1818 г. вместе с Н. М. Карамзиным, В. А. Жуковским и А. И. Тургеневым присутствовал в Ораниенбауме на празднике по случаю дня рождения вел. кн. Александры Федоровны. См.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799–1826. М., 1991. С. 162.

Имена на деревьях появляются и в другом знаменитом произведении того времени — в «Дон Кихоте» Сервантеса, в рассказе козопаса о красавице гордячке Марселе, которая постоянно отвергала своих поклонников (ч. 1, гл. 12). В его повествовании упоминаются и «дюжины две буковых дерев, и на каждом вырезано имя Марцеллы, на иных же и под венцем, как будто для показания, что она достойна венца красоты. Там воздыхает пастух, здесь другой возсылает жалобы, там слышны любовные песни, а инде отчаянные речи».¹⁷

Таким образом, классические образцы дали два варианта толкования имени на дереве: два имени, обычно соединенные вензелем, означают взаимную любовь и согласие, тогда как одно имя (возлюбленной или возлюбленного) — печаль разлуки или любовное томление. В последнем случае имя на дереве — не просто посвятельная надпись, но и робкое признание влюб-

Карамзин пишет, что они были и в самом дворце, см.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 243–244.

¹⁷ История о славном Ла-Манхском рыцаре Дон Кишоте. Переведена с французского [И. А. Тейльсом]. СПб., 1769. Т. 1. С. 128–129. В переводе В. А. Жуковского это место передано кратко и несколько иначе: «Все наши деревья измараны стихами Марселле» (Дон Кишот Ла Манхский. Сочинение Серванта. Изд. 2. М., 1815. Т. 1. С. 188).

ленного аркадского пастушка,¹⁸ рассчитанное на прочтение возлюбленной, и одновременно трепетное ожидание ответа (см. далее примеры из русской литературы XVIII в., особенно сентиментальной «чувствительной повести»). Имя на дереве — это своеобразное любовное послание, которое при всей своей краткости исполнено большого эмоционального напряжения; это своего рода язык влюбленных, понятный им одним. Эмоциональную напряженность «объяснения без слов» блестяще передал Л. Н. Толстой в сцене объяснения Кити и Левина в «Анне Карениной» (ч. 4, гл. XIII). Их «разговор» ведется мелкими на зеленом сукне карточного стола, причем Кити и Левин пишут только первые буквы слов довольно сложных фраз и тем не менее безошибочно понимают друг друга.¹⁹ В идил-

¹⁸ Робость влюбленных — постоянный мотив пастушеской поэзии, см. эклогу А. П. Сумарокова «Амарилла», героиня которой

Крушится, что пастух «Люблю тебя» не скажет;

Но как сказать, когда она любви не кажет?

Со Амариллою в обширный разговор

Не смеет и войти влюбленный Полидор:

Взаимныя любви не ведая, страдают

И счастья своего с обеих стран не знают.

(Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений. 2-е изд. М., 1787. Ч. 8. С. 55).

¹⁹ — Постойте, — сказал он, садясь к столу. — Я давно хотел спросить у вас одну вещь.

лической традиции вырезанное на дереве имя призывает к столь же эмоциональному прочтению.

Надпись на дереве — далеко не главный мотив пастушеской поэзии, но он оказался удивительно живуч в дальнейшей европейской литературе, особенно поэзии буколического характера. В русской поэзии он впервые появился в анонимно напечатанной в 1757 г. идиллии В. К. Третьяковского «Нисса»:

На травке Тирс один в лачужке
Тогда лежал,
Как рассуждал
О Ниссе там пастушке
.....
«Поставлю имя по обету
В разных цветах
На всех древах,
Которых краше нету:
Пускай на них
То все читают

Он глядел ей прямо в ласковые, хотя и испуганные глаза.

— Пожалуйста, спросите.

— Вот, сказал он и написал начальные буквы: к, в, м, о: э, н, м, б, з, л, э, н, и, т? Буквы эти значили: «когда вы мне ответили: этого не может быть, значило ли это, что никогда, или тогда?» Не было никакой вероятности, чтоб она могла понять эту сложную фразу; но он посмотрел на нее с таким видом, что жизнь его зависит от того, поймет ли она эти слова. <...>

— Я поняла, — сказала она покраснев. (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. Т. 18. С. 418).

В гульбищах сих
И ту желают
Иметь в глазах».²⁰

Героиня эклоги А. П. Сумарокова «Флориза» сокрушается о своем возлюбленном («Дамета больше нет») и переживает разлуку с ним:

О Эхо! таинства Флоризина свидетель!
От возмущения и стопа моего,
Не повторяло ли ты имени его,
Как я любезнейшим Дамета нарицала,
И имя здесь его всечасно восклицала.
И вы свидетели, высоки дерева,

²⁰ Русская литература — Век XVIII: Лирика. М., 1990. С. 150. См.: Идиллия. Нисса // Ежемесячные сочинения. 1757. Март. С. 283 и сл.; без подписи. Идиллия без достаточных оснований в последнее время была приписана И. Клейном А. А. Нартову см.: *Klein J. Die Schäferdichtung der russischen Klassizismus. Wiesbaden, 1988. S. 73.* Между тем, она сохранилась в автографе «Сочинений и переводов» Тредиаковского (1752), см.: *Шишкин А. Б. К истории работы В. К. Тредиаковского над «Сочинениями» (неизданные материалы) // Русская литература. 1982. № 3. С. 140; Тредиаковский В. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою / Изд. подгот. Н. Ю. Алексеева. СПб., 2009. С. 343–345, 652–653.* В прозе имя на дереве мелькнуло еще раньше: «Имя и узол твой вырезан на корках древес рукою тех, которые красоте твоей жертвуют» (Разговоры о множестве миров господина Фонтенелла. С французского перевел и потребными примечаниями изъяснил князь Антиох Кантемир в Москве 1730 году. СПб., 1740. С. 30).

Дубровы темные, дремучие леса;
И вы, прохладные при сих горах пещеры,
Что нет любви моей к возлюбленному меры.
Вырезывала я в лесных корах: «Дамет!
Ты мил душе моей: люблю тебя мой свет»,
И именем драгим дубровы украшала,
А вас, пещеры, я слезами орошала.²¹

И. М. Долгоруков в стихотворении «Весна» признавался:

Я здесь в осьмидесятом лете
Младого кедра посадил;
На нем, чтоб он был мне в предмете,
Я вензель милой нарубил.
Мой кедр растет и зеленеет,
И уже ныне в летний день,
Когда нас солнце слишком греет,
Он мне дарит прохладну тень.²²

А заканчивается стихотворение, конечно, ностальгически:

²¹ *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений. Ч. 8. С. 48–49.

²² *Долгоруков И. М.* Бытие моего сердца. М., 1817. Ч. 2. С. 218. К первой цитированной строке он сделал примечание: «Т. е. в лето 1780 года, а не на моем 80 году от рождения, как некоторые подумали было, читая сии стихи в первом издании. О! нет, я надеюсь, что Бог избавит меня скуки дожидаться столь поздней кончины» (Там же).

А я, любя ее всех боле,
Приду и завтра тосковать,
Отрадой чтя в моей злой доле
Дражайший вензель лобызать.²³

Примечательно, что ни в этих стихах, ни в других известных нам оригинальных русских сочинениях авторы предпочитают не указывать, чем именно вырезывается имя или надпись. Только в эклоге А. П. Сумарокова «Феламира» появляется нож, причем не столько как «орудие письма», сколько оружие в руках отчаявшегося влюбленного:

Любовник падает пред нею на колени:
«Я пеней никаких тебе не говорю,
Лишь только мучуся и в пламени горю;
И если я с тобой в сей час не соглашуся,
В сей час и жизни я перед тобой лишуся.
Чем имя здесь твое на корках я черчу,
Сей нож я кровию свою омочу!»²⁴

Второй раз «орудие письма» — и довольно необычное — названо в панегирической идиллии Сумарокова на день рождения наследника Павла Петровича 20 сентября 1761 («Сицилийски нимфы пети...»), и это вовсе не предполагаемый нож, а игла:

²³ Долгоруков И. М. Бытие моего сердца. Ч. 2. С. 220.

²⁴ Там же. С. 63.

Вы, пастушки, собирайтесь,
У потоков чистых вод,
И сошедшись разыграйтесь,
Составляя хоровод:
Воспевайте и пляшите,
Имя Павлово пишете,
Вы иглой на древесях!
Пойте в поле нежну младость,
Пойте, пойте нашу радость,
При водах и при лесах!²⁵

Помимо оригинальных идиллий мотив имени на дереве появляется, конечно, и в переводной идиллии. Например, он есть у образцового идиллического автора Саломона Геснера. Милон, герой его идиллии «Ликас и Милон», говорит: «В последний раз при восходе Авроры я украсил место сие гирландами, кои висели прицепленные от куста на куст, и обвиты были вокруг всякого дерева: место сие казалось святилищем весны или любезной Венеры. Я хочу, сказал я тогда, я хочу еще вырезать наши имена на сей пихте. Я спрячусь по том в какой ни будь кустарник, от куда узрю ее усмехающуюся, и услышу что она скажет. Рекши сие, я начал вырезать на коре древесной; как вдруг почувствовал венюк охвативший чело мое. Приятное

²⁵ Там же. С. 175. В этой части книги есть сбой в пагинации; указывается фактическая страница.

осязание тот час принудило меня оглянуться, и я увидел усмехающуюся Дафну».²⁶

XVIII век хорошо знал и помнил о связи надписи на дереве с классической пастушеской поэзией. Н. М. Карамзин, описывая в «Письмах русского путешественника» разнообразные надписи в парке Эрменонвиля под Парижем, отметил и надписи на деревьях: «Прежде всего поведу вас к двум густым деревьям, которые сплелись ветвями, и на которых рукою Жан-Жака вырезаны слова: *любовь все соединяет*. Руссо любил отдыхать под их сению, на дерновом канаве, им самим сделанном. Тут рассеяны знаки пастушеской жизни; на ветвях висят свирели, посохи, венки, и на диком монументе изображены имена сельских певцов: Теокрита, Виргилия, Томсона».²⁷ На «древнем, густом вязе» другая надпись:

Под сению его я с милой изъяснился;
Под сению его узнал, что я любим!

И далее Карамзин пишет: «Вы ищите глазами Юлиана имени, и видите его — на камнях и деревьях».²⁸

²⁶ Идиллии и пастушьи поэмы господина Геснера. Переведены с подлинника Васильем Левшиным. М., 1787. С. 27.

²⁷ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 308. Здесь и далее курсив принадлежит цитируемым авторам.

²⁸ Там же. С. 309. С этим парком связана еще одна любовная история. Героиня Исмена нашла письмо своего возлюбленного

Как видно, надпись на дереве — это обычно штрих, психологическая деталь идиллии. Но уже в 80-е годы XVIII века надпись на дереве становится темой стихотворения. Юный П. И. Голенищев-Кутузов в 1785 г. написал «Стишки к дереву, на коем вырезано имя Е.»:

Как имя на дереве сем
Моей драгой изображенно,
И в сердце так моем
Прелестное лице любезной впечатленно.²⁹

В начале XIX в. в печати появилось развернутое стихотворение, целиком посвященное только этому мотиву — «Имя на клену», но в нем речь идет уже о печали разлуки:

Прелестны некогда места прохлады милой!
Скажите, отчего ваш ныне вид унылый?
Где прежняя твоя приятность, друг наш, клен?
Под коим отдыхал со мною мой Филен?
Ах! сколь болит удар нам от руки любезной!

Гиласа, и оно тронуло ее: «Гилас был любим, Гилас был счастлив; и воспоминание о сих постоянных любов-никах, вырезанное на ближнем дубу, еще видно» (О составлении ландшафтов, или о средствах украшать природу округ жилищ, соединяя приятное с полезным. Сочинение Р. Л. Жирардена, владельца и строителя Эрменонвиля. Перевел Александр Палицын. СПб., 1804. С. 36).

²⁹ Голенищев-Кутузов П. Стихотворения. М., 1804. Ч. 3. С. 109.

Мне все противно здесь, все вид имеет слезный.
Сей голос соловья, сей томный шум ручья
С пременою в душе иначе слышу я.
Почто ж я горести мои усугубляю,
И вас в участии с изменником пеняю?
Пусть сей пушистый дерн, сей нежный ветерок,
Дадут неверному и за меня упрек.
Ты, клен, свидетель был всех наших восхищений,
Будь зрителем моих лишь горестей, мучений;
Я смою на тебе потоком слез сей знак;
Которым некогда заметил он наш брак...
 Но легче имя истребить
 На мягкой сей коре древесной,
 Чем перестать того любить,
 Чей в сердце вид ношу прелестной.³⁰

Автор опубликованного в «Улье» стихотворения был установлен сравнительно недавно — это польский поэт Циприан Годабский (1765–1806).³¹ Примечательно, что в оригинале стихотворение, впервые опубликованное в 1803 г.,³² названо «*Suфра na jaworze*», т. е. «Вензель на яворе». Замена весьма показатель-

³⁰ Улей. 1811. № 1. Январь. С. 73–74.

³¹ См.: *Dworiski A. Z dziejów zbliżenia kulturalnego rosyjsko-polskiego na początku XIX wieku — polonica w czasopiśmie «Улей» // Spotkania literackie. Z dziejów powiązań polsko-rosyjskich w dobie romantyzmu i neoromantyzmu. Wrocław, 1973. S. 168, 180.*

³² См.: *Zabawy przyjemne i pożyteczne. 1803. T. 1. S. 53; Godabski C. Dzieła wierszem i prozą. Warszawa, 1821. T. 2. S. 438.*

ная — неизвестный переводчик посчитал более уместным поставить в заглавие «имя», возможно, как более привычное не только в литературной традиции, но и в быту, поскольку именно имя одного возлюбленного на коре дерева соответствует трагической ситуации расставания. Вырезанные и соединенные в надписи два имени, правда, не на дереве, а на пастушьем посохе, встречаются в другой идиллии, опубликованной также в «Улье» и тоже переведенной с польского — самой знаменитой польской идиллии эпохи сентиментализма, «Лаура и Филон» Францишека Карпинского (1741–1825):

Но страстью никогда, клянуся, не пленялся...
Ужели тот влюблен, кто бровью лишь мигнет?..
Вот посох тот, на нем слова изображенны
С раскраскою моей рачительной резьбой;
Ты наши имена здесь видишь сопряженны
Вверху цветочною вязанкой меж собой.³³

Два имени на дереве могут пробудить и воспоминание о минувшей любви, ср. стихотворение «К вязу,

³³ Улей. 1812. Ч. 4, № 22. Октябрь. С. 318. Это стихотворение было переведено самим издателем журнала, В. Г. Анастасевичем, еще в 1802 г., см.: Николаев С. И. А. Нарушевич и Ф. Карпинский в «Чужой музе» В. Г. Анастасевича // Русская литература. 1988. № 4. С. 143.

на коре которого начертаны были вместе два имени.
(Из Парни)»:

О верный вяз! зачем ты мне напоминаешь
Два сердца, кои рок давно уж разлучил?
Завидую тебе! ты счастлив, ты не знаешь,
Что мой Аминт уже другуюлюбил.³⁴

Вырезанное на коре дерева имя возлюбленной встречается, конечно, далеко не в каждой идиллии XVIII — начала XIX в.³⁵ и даже не у каждого образцового автора, так, этого мотива нет ни в идиллиях г-жи Дезульер в переводе А. Ф. Мерзлякова,³⁶ ни у В. И. Па-

³⁴ Украинский журнал. 1825. № 23 и 24. С. 357. Подпись: «. . . вь». Из восьми строк оригинала неизвестный переводчик перевел только первое четверостишие. Ср. два перевода В. Брюсова этого восьмистишия из сборника Э. Парни «Любовные стихотворения» (кн. 4, элегия 3): Зарубежная поэзия в переводах Валерия Брюсова. М., 1994. С. 180–181, 822. В 1912 г. Брюсов перевел четверостишие римского поэта Флора «О том, какова жизнь», в котором разработан разбираемый мотив:

Грушу с яблоней в саду я деревцами посадил,
На коре наметил имя той, которую любил.
Ни конца нет, ни покоя с той поры для страстных мук:
Сад все гуще, страсть все жгучей, ветви тянутся из букв.
(Античная лирика. М., 1968. С. 481).

³⁵ Хронологический перечень русских идиллий и эклог XVIII века см. в кн.: *Klein J. Die Schäferdichtung der russischen Klassizismus.* S. 187–199.

³⁶ См.: *Дезульер А. Идиллии.* М., 1807.

наева.³⁷ Отзвук мотива находим уже в романтическую эпоху в стихотворении В. Г. Бенедиктова «К А. П. Г<артонг>» (1839 г.). Страдающий от любви герой стихотворения сообразно с модой времени переживает свою печаль уже не в идиллической роще, а в более романтических горах, на Чатырдаге в Крыму:

Там, среди природы колоссальной,
На высях гор, на ребрах скал,
Оставил я мой след печальный
И ваше имя начертал,
И после — из долин метались
Мои глаза на высоты,
Где мною врезаны остались
Те драгоценные черты.

Герой, впрочем, надеется, что его возлюбленная когда-нибудь окажется в этих местах:

И вы найдете те скрижали,
Где, проясняя свой удел
И сердца тайные печали,
Я имя ваше впечатлел.
Быть может, это начертанье —
Скалам мной вверенный залог —
Пробудит в вас воспоминанье
О том, кто вас забыть не мог!³⁸

³⁷ См.: Панаев В. Идиллии. СПб., 1820.

³⁸ Бенедиктов В. Г. Стихотворения. Л., 1983. С. 204–205.

Бенедиктов не обратил внимания на очевидное противоречие между романтическим ландшафтом и сентиментальным поведением героя, мысли и действия которого повторяют схемы пастушеской поэзии. Материал для вырезания имени непременно должен быть недолговечным и потому связан с живой природой. Русской литературе XVIII — первой трети XIX вв. известны и более эфемерные, чем древесная кора, материалы, на которых начертывалось (или грезилось вырезанным) имя возлюбленной.

На цветах и травах:

В луга, в долины, в рощи, горы
Ты, Эхо, песни разнеси,
Ты имя хвальное Лидоры
И ей любезного гласи!
Силен приятною свирелью
И соловей различной трелью,
Пусть их стократ изобразят
Цветы, кустарники, дубравы,
Листы древес, и мягки травы
Пусть на себе их имя зрят.³⁹

На плодах:

Тебе сии слова, любезнейшая, новы,
Но слышали стократ то здешния дубровы,

³⁹ Идиллия. Лидора // Модное ежемесячное издание. 1779. Ч. 2. С. 30.

Как я именовал несклонную, стена;
И имя здесь твое на тыквах у меня.
Как осенью мороз во тыквы только резнет,
И имя тут мое со тыквами исчезнет;
Минется время тыкв, исчезнут тыквы те,
Исчезнет тут на них и имя красоте.⁴⁰

На лепестке:

На листочке алой розы
Я старалась начертить
Милу другу в знак угрозы,
Что не буду ввек любить.⁴¹

На листочке:

Отнесите, ветры,
К ней сухие листья.
Пусть прочтет на каждом:
«Так он, бедный, вянет;
Так в нем сохнет сердце,
От любви тоскуя!»⁴²

⁴⁰ *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений. Ч. 8. С. 57. Надпись на тыкве не является изобретением Сумарокова — она встречается, например, в стихотворении немецкого поэта Б.-Г. Броккеса (1680–1747) «Тыква» („Der Kürbis“), см.: *Фолькельт И.* Современные вопросы эстетики. СПб., 1900. С. 212.

⁴¹ *Костров Е. И.* Клятва // Русская литература — Век XVIII: Лирика. С. 284; Поэты XVIII века. Л., 1972. Т. 2. С. 155.

⁴² *Глинка Ф.* Сетование. (С богемского) // Новости литературы. 1825. Кн. 13. Июль. С. 55.

Материал может быть не указан, но надпись явно недолговечная:

На месте я твоём пред олтарем сижу,
И, тщетно ждя тебя, на все страны гляжу.
Везде пишу твоё дражайшее название...
И ах! Слезами то смываю начертанье...⁴³

На покрытом инеем стекле:

«Теперь прости, милая Элиза, до радостного вечера, в который я тебя увижу. — Я видел чей-то вензель на окошке — усыянный блестками серебристого мороза. — Я не хочу жив быть, если это не его вензель... Тайна, кажется, открылась. Предчувствие меня не обмануло».⁴⁴

Именно к этой идиллической традиции восходит самая знаменитая в русской литературе надпись на «отуманенном» стекле:

Татьяна пред окном стояла,
На стекла хладные дыша,
Задумавшись, моя душа,
Прелестным пальчиком писала
На отуманенном стекле
Заветный вензель *О да Е*.
(«Евгений Онегин», гл. 3, XXXVII).⁴⁵

⁴³ Модное ежемесячное издание. 1779. Ч. 1. С. 13.

⁴⁴ *Галинковский Я.* Часы задумчивости. М., 1799. Ч. 1. С. 52–53. Герой оказался прав, героиня, действительно, любит другого.

⁴⁵ В. В. Набоков указывает любопытный «случай сходства: более раннее появление этой же лелеемой монограммы в „Избирательном сродстве“ Гете <...>, где описывается стакан, на котором

История имени на коре дерева не заканчивается, однако, вместе с историей русской стихотворной идиллии. Ближайшей наследницей этого жанра стала сентиментальная «чувствительная повесть», которая унаследовала от идиллии и характеры персонажей, и язык, и другие черты,⁴⁶ в том числе *locus amoenus* сентиментализма — рощу. Более того, «чувствительная

видны „...die Buchstaben E und O in sehr zierlicher Verschlingung eingeschnitten“» (*Набоков В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 338). Это, конечно, случайное совпадение, так как Татьяна не вырезает, а именно пишет «на отуманенном стекле», причем пишет не свои инициалы, а вензель из первых букв имени и фамилии того, в кого она влюблена, т. е. здесь точно повторяется ситуация, описанная Я. Галинковским. Это стало чертой бытового поведения, так, С. А. Порошин, воспитатель великого князя Павла Петровича, записал, как 11-летний наследник престола «после стола, как Никита Иванович изволил уйти к себе, Государь Цесаревич, стоя у окна, дыхнул на стекло и выписал имя той фрейлины, которая больше всего ему нравится. Как подошли кое-кто к окошку, то он тотчас стереть изволил» (*Порошин С.* Записки. СПб., 1881. Стб. 412). Наконец, ср. у И. Бродского в стихотворении «Сан-Пьетро» (1977): «Так, дохнув на стекло, выводят инициалы / тех, с чьим отсутствием не смириться» (*Бродский И.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2011. Т. 2. С. 50).

⁴⁶ См.: *Скипина К.* О чувствительной повести // Русская проза. Л., 1926. С. 31–41; *Hammarberg G.* The Idyll as Prototype for Sentimentalist Fiction // *Russia and the World of the Eighteenth Century.* Columbus (Ohio), 1988. P. 316–331. См. также: *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 373–384.

повесть» прямо продолжила идиллию: «Нежная любовная сцена, или ряд сцен, маленький сюжетный узелок — и идиллия превращается в повесть».⁴⁷ При этом превращении не потерялась и надпись на дереве, но она претерпела незначительное с виду, но существенное изменение. Если в идиллии надпись на дереве по преимуществу только характеризовала психологическое состояние влюбленного героя или героини, то в «чувствительной повести» она уже влияет на сюжет и из минимального по объему текста (одно имя) вырастает до развернутого письменного сообщения, а подразумеваемое эмоциональное содержание надписи раскрывается в повествовании и становится объектом подробного описания и психологического анализа.

Герой повести В. В. Попугаева «Аптекарский остров, или Бедствия любви» (1800), некий Н..., был поражен красотой героини повести Маши, но не смог заговорить с ней и скрылся. Позднее он вернулся, «приближается к дереву, у коего она стояла, лобызает его, и просит в исступлении, чтоб ему сказало, кто *его возлюбленная?* Но вскоре опаматывается, дивится сам своему забвению и впадает в глубочайшую задумчивость. <...> Встает и, начертав на корке дерева следующие стихи, — *уходит*.

⁴⁷ Скипина К. О чувствительной повести. С. 36.

Бейся, бейся, сердце страстно!
С вздохом, томна грудь, теснись
Утро дней моих ненастно,
Смерть, разить меня стремись.
Я лишился век покоя,
Мне *счастливым* не бывать;
Нежным взором мила Клоя
Мне велела вздыхать.

Ах! всегда, всегда спокоен
Я дотоле пребывал.
Лучше, лучше б взор я Клоин
Никогда бы не видал.
Я не зрел бы сих терзаний,
Не горел бы, как горю,
Не пускал б о той страданий,
Коей, может, не узрю.⁴⁸

На следующий день Маша возвращается к дереву. «Сердце ее забилося, неизвестная сила влекла ее к оному. Едва она туда вышла, стихи, начертанные на дереве, поражают глаза ее; она их прочитывает и, приведена в смущение, не знает, кем то сделано, но сердце ей сказало, кто оные написал».⁴⁹ Спустя месяц Маша вновь пошла на тот самый луг. «Робким шагом, трепеща, идет она на оный, приближается

⁴⁸ Ландшафт моих воображений: Страницы прозы русского сентиментализма. М., 1990. С. 143.

⁴⁹ Там же. С. 144.

к дереву, где видела стихи, их ищет и не находит. Кора, на которой они были начертаны, совсем облупились и не оставила даже знаку. Сие ее смущает, и она в задумчивости ходит по лугу. По случаю глаза ее обращаются на предстоящее дерево, примечают надпись. Любопытство или, лучше сказать, скрытая какая-то причина побуждают ее прочесть. Что ж она видит? Это рука Н... Несчастный, томимый страстию, бывал часто на лугу и, отчаявшись наконец видеть сам, решился написать следующее. *Давно я вас не вижу и уже лишаюсь надежды иметь счастье сие. Я боле не приду, опасность вовлечь вас в бесславие мне то запрещает. Когда вы меня любите и желаете видеть, в пять часов на Аптекаарском острове верно найдете.* Все чувства ее приходят в восторг, когда прочитывает строки сии».⁵⁰

Далее возлюбленные встречаются и начинается их недолгое счастье. Надпись на дереве, таким образом, превращается в развернутое признание в любви и приобретает сюжетобразующую функцию. Ни автор, ни герои не обращают, правда, внимания на одну очевидную несообразность — надписи на коре дерева чрезмерно обширны, само их исполнение достаточно трудоемко; недаром автор предусмотрительно выбрал

⁵⁰ Ландшафт моих воображений. С. 145.

глагол «начертать», а не «вырезать». Подобная обширная надпись, однако, не была отечественным изобретением в жанре сентиментальной повести. В том же 1800 г. был опубликован перевод повести А. Г. Ю. Лафонтена «Адель или Несчастье». Рассказчик встречается в рощице с рыдающим «чувствительным пастухом» Гиласом. Гилас ведет рассказчика к ручью. «На берегу ручейка стояла древняя ива, Гилас подбежал к ней, пал на колени, бледность покрыла лицо его, тяжкие вздохи вырывались из его груди, он плакал. Это положение растрогало меня, я поднял его и старался утешить. «Видишь, — сказал он, — я еще не много плакал, но это уже прошло... Адель видела меня, ... а я... я... я ее не видел. Посмотри на эту иву, сколько раз она была свидетельницей моего несчастья! Адель и я!... теперь я один прихожу стенать сюда... Видишь ли ты эти слова? Я вырезал их!

Итак, лишился я любезной,
Увы! быть может, навсегда!
Теперь по ней я ток лью слезной,
А с ней блаженствовал тогда.
Когда весной гроза сберется,
Польется дождь из облаков,
Прекрасна роза блекнет, гнется —
И упадет без листков;
Мое от злой так сердце скуки
Всечасно сохнет, как она.
Ах, скоро ль, скоро ль кончив муки,
Паду и я — мне жизнь скучна!

Я скоро в гроб нисшедши тесный,
С Аделью соединюсь своей,
Коль вечен дух ее небесный,
Льзя ль кончиться любви моей?»⁵¹

В конце повести «чувствительный пастух» скончался на руках рассказчика, который похоронил его подле Адели и на коре рядом стоящего дерева вырезал довольно длинное стихотворение.⁵²

Переписка на коре дерева становится приемом. Н. П. Брусилов в «Истории бедной Марьи» (1805) избежал стихов: «Однажды Марья, ходя в роще, увидела на дереве, под которым любила сидеть и предаваться размышлениям, сии слова: люблю тебя! Марья вздохнула, как невинный ребенок задумалась, для которого язык любви был еще нов, непонятен, и на той же коре робкою рукою написала несколько слов в ответ. На завтра невольное чувство влекло ее в рощу. Она входит, бежит к любимому дереву и видит розовую гирлянду над ее словами. Марья затрепетала, испугалась, хотела бежать — вдруг является молодой прекрасный человек».⁵³

⁵¹ Адель или Несчастье. Пер. с франц. [П. Война-Куринского]. М., 1800. С. 14–16.

⁵² См.: Там же. С. 98–99.

⁵³ Ландшафт моих воображений. С. 229. При перепечатке в книге «Русская сентиментальная повесть» (М., 1979) «История бедной Марьи» по недоразумению приписана Н. П. Милонову.

П. И. Шаликов в повести «Темная роща, или Памятник нежности» (1819) тоже благоразумно избежал длинных посланий. Героиня повести Нина влюблена в Эраста. «Когда Эраст не мог быть у своей Нины, то Нина находила удовольствие бродить с образом Эраста в темной любимой своей роще, примыкающей дикими своими аллеями к самому их дому. Романтические воображения мешались с мыслями о предмете любви, занимавшей всю душу Нины; чувства ее настроивались к неизъяснимой сладости мечтаний. На каждой гладкой коре дерева она вырезывала милое, бесценное ей имя».⁵⁴ В разлуке с возлюбленной в рощу направляется и Эраст, он «не знает сам, что происходит в душе его, — целует каждое дерево, твердит бесценное ему имя Нины и находит на коре одного дерева свое и его имя, соединенные гирляндой, с подписью: «Симпатией и Небом!». «Это ее рука вырезала! — закричал он в совершенном исступлении. — Здесь, подле этого дерева должно умереть мне!» — повторил он несколько раз — и упал в сильном обмороке на землю».⁵⁵

Несколько изменив свой характер, надпись на дереве в «чувствительной повести» все же сохранила

⁵⁴ Ландшафт моих воображений. С. 87.

⁵⁵ Там же. С. 97.

свою связь с идиллией. Не вполне уместная — хотя бы по трудности своего исполнения — переписка на коре дерева в дальнейшем перешла в более убедительно мотивированный сюжетом обмен письмами, оставляемыми в роще в дупле дерева — именно так обмениваются посланиями влюбленные в «Барышне-крестьянке» и «Дубровском» А. С. Пушкина.

В первой трети XIX в. история имени на дереве в русской поэзии завершается вместе с постепенным изменением статуса пастушеской поэзии, которой в новой иерархии жанров было отведено периферийное место. Между тем именно у надписи на дереве — далеко не основного и даже побочного мотива буколической поэзии — есть своя внелитературная история, причем эта вторая жизнь имени на дереве непосредственно связана с литературной традицией, в русских условиях — с традицией, идущей от эпохи сентиментализма. Следует оговорить то обстоятельство, что надписи на дереве, рассматриваемой в ряду разнообразных других надписей (на камне, металле и т. д.), явно не повезло в истории эпиграфики, поскольку по понятным причинам недолговечности ее можно изучать только по литературным источникам,⁵⁶ —

⁵⁶ Так, например, рассматриваемая надпись на дереве (имя) не упоминается в обстоятельном исследовании: *Sparrow J. Visible*

по мемуарной и художественной прозе. Надписи на деревьях можно также изучать и по живописным полотнам XVI–XIX вв.⁵⁷ Необходимо подчеркнуть, что для народной культуры надписи на деревьях не характерны. Не было на Руси и самостоятельного культа поклонения деревьям,⁵⁸ хотя известны «заповедные рощи»⁵⁹ и посвящение дерева члену семьи («загадывание дерева»). Примечательно, что этот обычай отмечен как

Words: A Study of Inscriptions in and as Books and Works of Art. Cambridge, 1969. Мне известны только две небольшие статьи, непосредственно посвященные этому предмету: *Bystroń J. S. Napisy na drzewach // Bystroń J. S. Łańcuch szczęścia i inne ciekawostki. Warszawa, 1938. S. 129–132; Mikulski T. Napisy na drzewach. (Z motywów pasterskiej sielanki) // Mikulski T. Rzeczy staropolskie. Wrocław, 1964. S. 324–327. В этих работах, впервые опубликованных в 1927 и 1928 гг., приведен ряд примеров имени на дереве из польской поэзии XVI–XIX вв.*

⁵⁷ См.: *Lee R. W. Names on Trees: Ariosto into Art. Princeton, New Jersey, 1977.*

⁵⁸ См.: *Агапкина Т. А., Топорков А. Л. Материалы по славянскому язычеству. (Древнерусские свидетельства о почитании деревьев) // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С. 234.*

⁵⁹ См.: *Невский А. А. Заповедные рощи Вологодского края // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1931. № 11–12. С. 61–62; Зеленин Д. К. Тотемический культ деревьев у русских и у белорусов // Изв. АН, 7-я сер., Отд-ние обществ. наук. 1933. № 8. С. 591–629.*

в императорской семье,⁶⁰ так и в северной русской деревне.⁶¹ Таким образом, встречающаяся уже не в литературе, а в быту надпись на дереве (имя) — это явление чисто литературного, книжного происхождения.

Восприятие жизни сквозь призму литературы, ориентация на литературные образцы и следование им в быту — эти явления свойственны разным эпохам и культурам, и русский XVIII век вовсе не является здесь исключением.⁶² Необыкновенно красноречивое подтверждение существования имени на дереве в быту уже в XVIII в. сохранилось в «Записках» С. Н. Глинки. Рассказывая о своем дяде А. И. Глинке, он вспомнил, как «лишась первой супруги своей, он уныло бродил

⁶⁰ В Павловском парке, например, была посажена «семейная роща, состоящая из молодых берез. К каждому дереву привязана жестяная дощечка, с именем одного из членов императорского дома и с означением года рождения, а на некоторых и года бракосочетания» (Путеводитель по саду и городу Павловску, составленный П. Шторхом, с двенадцатью видами, рисованными с натуры В. А. Жуковским, и планом. СПб., 1843. С. 45).

⁶¹ См.: *Логинов К. К.* Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993. С. 113.

⁶² См.: *Лотман Ю. М.* 1) Очерки по истории русской культуры XVIII — начала XIX в. // Из истории русской культуры. Т. 4. (XVIII — начало XIX в.). М., 1996. С. 106–123 (раздел «Литература и читатель: жизнь по книге»); 2) Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII в. // Там же. С. 537–563.

по рощам и дубравам и вырезывал на деревьях имя ее». Тут же С. Н. Глинка привел и характеристику дяди, вполне объясняющую его поведение: «Он плакал, читая романы Феодора Эмина, и заливался слезами, читая и перечитывая Маркиза Г..., переведенного Елагиным. Теперь этих книг нет и в помине; теперь не только не плачут, но и не читают трагедий Сумарокова; а было время, что при дворе императрицы Елисаветы были для них и рукоплескания, и слезы, и вздохи. На все время, и все на время».⁶³

После появления повести «Бедная Лиза» (1792) пруд около Симонова монастыря стал местом паломничества «чувствительных» поклонников Н. М. Карамзина. И здесь не обошлось без надписей на деревьях. Свидетельством тому является появившаяся уже в 1796 г. гравюра Н. И. Соколова, на которой был изображен «Лизин пруд», «окруженный деревьями». Под гравюрой помещен довольно обширный текст, в котором, в частности, говорится: «На каждом почти из оных дерев любопытные посетители на разных языках изобразили чувства своего сострадания к не-

⁶³ Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895. С. 12. Этот эпизод отмечен в кн.: Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма. (Эстетические и художественные искания). СПб., 1994. С. 219. См. также раздел: «Чтение в жизни „чувствительного“ героя» (Там же. С. 156–189).

счастливой красавице и уважения к сочинителю ее повести. Наприм<ер>, на одном дереве вырезано:

В струях сих бедная скончала Лиза дни;
Коль ты чувствителен, прохожий! воздохни». ⁶⁴

Вторая приведенная Соколовым надпись посвящена уже самому Карамзину, примечательно, что в ней четвертый стих заменен точками, а ниже в скобках следует помета Соколова: «многова нелзя разобрать, стерлось». Надписи на деревьях у пруда стали появляться, таким образом, сразу после появления повести. Замечание Соколова о стершейся части надписи является и красноречивым подтверждением недолговечности надписи на древесной коре.

На переднем плане гравюры видны две маленькие фигуры: одна, женская, стоит перед деревом, прижимая левой рукой платочек к лицу, а правой касаясь дерева; вторая, мужская, сидит у другого дерева и правой рукой так же касается дерева. Нет сомнений, что и женщина, и мужчина вырезают на древесной коре

⁶⁴ Ровинский Д. А. Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. СПб., 1895. Т. 2. Стб. 955. Текст уточнен по экземпляру гравюры, хранящемуся в Государственном Русском музее (инв. номер: Гр. 28017; ср. эту же гравюру на фронтисписе издания «Бедной Лизы» без выходных данных экземпляра БАН, шифр: 1797/87).

какие-то надписи, что явствует и из подписи под гравюрой.⁶⁵ Гравюра была использована для фронτισписа первого отдельного издания повести в 1796 г. и двух последующих перепечаток в XVIII в.⁶⁶

Но в те же самые годы появляется и ироническое отношение к подобным надписям. Так, в 1799 г.

⁶⁵ См. воспроизведение гравюры в кн.: *Топоров В. Н.* «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения. М., 1995. С. 246. В. Н. Топоров приводит обширную выписку из «Нового путеводителя по Москве» (1833), автор которого, описывая «Лизин пруд», в частности, пишет: «Рассмотрите растущие здесь деревья и подивитесь: нет ни одного, на котором не было бы написано каких-нибудь стихшков, или таинственных букв, или прозы, выражающей чувства. Можно, кажется, поручиться, что это писали влюбленные и, может быть, столь же несчастные, как Лиза» (Там же. С. 304). В. Н. Топоров цитирует также (Там же. С. 244–245) путеводитель по Москве начала XX в., который подтверждает, что память о «томных поклонниках» Карамзина, которые стекались к пруду и «проливали слезы над бедной Лизой и вырезывали на коре прибрежных деревьев сердца и вензеля Лизы и Эраста», сохранялась очень долгое время, см.: По Москве: Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям. М., 1991. С. 363. (Репринтное воспроизведение издания 1917 г.).

⁶⁶ В. Н. Топоров считает, что гравюра и предназначалась для фронτισписа изначально (см.: *Топоров В. Н.* «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения. С. 359–364). Между тем очевидно, что гравюра не является иллюстрацией к повести, а размеры ее доски (15,5×21,5 см) явно превосходят размер возможного фронτισписа для издания формата в 4-ку. Скорее всего, гравюра появилась раньше первого издания и независимо от него.

И. А. Иванов описывал А. Х. Востокову, однокласснику по Академии художеств, свои впечатления о прогулке вокруг Симонова монастыря и Лизинога пруда: «Ныне пруд здесь в великой славе, часто гуляет около него народ станицами и читает надписи, вырезанные на деревьях вокруг пруда, и я читал их, но ни одной не нашел путной, везде Карамзина ругают: везде говорят, что он наврал, будто здесь Лиза утонула, никогда не существовавшая на свете. Есть, правда, из них и такие, кои писаны *чувствительными*, тронутыми сею жалкою историею: но они — *жалки*⁶⁷ и писаны, кажется, петиметрашками...».⁶⁸ Через несколько дней Иванов напомнил еще раз о надписях на деревьях, «отличив как достойные насмешки те, «которые кажутся писаны Комаровым или кем-нибудь из его шайки»; не забыл сказать и о приезде вечером гостей к пруду: «Приехали два кузова, сиречь линейка и карета, полные шевальеров и дам, которые начали читать надписи, один из них написал свое имя на дереве, и я было вздумал написать, но было уже поздно».⁶⁹ Некоторые из надписей «у Лизина пруда» воспроиз-

⁶⁷ Может быть, следует читать «жалки»? (С. Н.).

⁶⁸ Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского. СПб., 1873. С. VIII–IX.

⁶⁹ Там же. С. IX.

вел в 1797 г. в своем дневнике А. И. Тургенев, например, „O pulcherrima Lisa quae a te dementia coerit“, „Coeurs sensibles arretez vous ici“, «Анна <Полянская> (не разобрал), обманутая Карамзиным», «Крайне жалко, что большая часть людей пустяками занимается». ⁷⁰ Здесь чрезвычайно важно то обстоятельство, что в самой повести Карамзина «Бедная Лиза» никто из героев имен на дереве не вырезает, поэтому поведение паломников у Лизиного пруда определяется не столько этой повестью, сколько сложившимся стереотипом поведения «чувствительного» читателя.

Свидетельства мемуаристов подтверждают безусловную связь имени на дереве с литературным климатом эпохи и одновременно фиксируют появление иронического к ним отношения. Вместе с тем насмешки А. И. Иванова или скептицизм последнего утверждения С. Н. Глинки в отношении надписи на дереве не оправдались — она осталась в обиходе, хотя со временем разнообразные по жанрам, тематике и по технике исполнения граффити и стали постепенно вытеснять в быту вырезание имени на дереве. Менялось и место надписи — с исчезновением из культурного ландшафта «сентиментальной» рощи имя с дерева перекочевало на беседки и садовые скамейки,

⁷⁰ ИРЛИ, ф. 309, № 276, л. 71 об. В латинской фразе сделана конъектура, в рукописи читается «Lisa quae te dementa».

а затем и на школьные парты. Много времени спустя В. В. Набоков вспоминал свою юношескую влюбленность в имении под Петербургом: «В начале того лета, и в течение всего предыдущего, имя Тамара появлялась (с той напускной наивностью, которая так свойственна повадке судьбы, приступающей к важному делу) в разных местах нашего имения. Я находил его написанным химическим карандашом на беленой калитке, или начерченным палочкой на красноватом песке аллеи, или недовырезанным на спинке скамьи, точно сама природа, минуя нашего старого сторожа, вечно воевавшего с вторжением дачников в парк, предупреждала меня о приближении Тамары».⁷¹ Несмотря на буколическую ностальгию этого фрагмента воспоминаний Набоков отдавал себе отчет в том, что отношение к имени на дереве уже не было столь трогательным или экзальтированным как в XVIII веке, оно могло быть безжалостно осмеяно и опошлено. Герой его романа «Машенька» (1926), размышляя о давних встречах с возлюбленной «на высокой площадке над рекой», где «стояли под липами скамьи и железный круглый стол с дыркой посередке для стока дождевой воды», вспоминал, как «однажды, когда они встретились там в солнечный вечер после бурного ливня, на садовом столе оказалась хулиганская надпись. Де-

⁷¹ *Набоков В.* Другие берега. М., 1989. С. 114–115.

ревенский озорник соединил их имена коротким и грубым глаголом, безграмотно начав его с буквы «и». Надпись была сделана химическим карандашом и слегка расплылась от дождя». ⁷²

Осквернение выраженных в надписи возвышенных или благородных чувств началось давно (ср. хотя бы фрагмент из поэмы Некрасова), при этом о поэтической генеалогии имени на дереве никто из читателей надписей не вспоминал. Имя (написанное или вырезанное) растворилось в ряду других надписей на деревьях, по отношению к которым сложилось стойкое представление как об обывательской пошлости. ⁷³ В защиту надписей выступил старичок-сенатор из небольшого рассказа И. А. Бунина «Надписи» (1924), ⁷⁴ который возражал своим собеседникам: «А я думаю, господа, что ваше остроумие над пошлостью этого

⁷² *Набоков В.* Истребление тиранов: Избр. проза. Минск, 1989. С. 61–62. Осквернение надписи могло стать и темой анекдота, см.: *Курганов Е.* Анекдот как жанр. СПб., 1997. С. 121.

⁷³ Одна из институток первой половины XIX в. вспоминала, как однажды во время прогулки воспитанниц в саду классная дама поучала их: «Прошу не брать примера со старших — строчить на деревьях всякий вздор! Только бы найти эту дрянь, завтра же здесь не будет! И не смейте у меня подходить читать этот вздор!» (<Водовозо>-ва <Е. Н.>. Из заметок старой пансионерки // Голос. 1866. № 16. 16 (28) января. С. 1).

⁷⁴ См.: *Бунин И. А.* Соч.: В 3 т. М., 1982. Т. 2. С. 304–308. Далее в скобках указываются страницы этого издания.

обывателя гораздо пошлее, не говоря уже о вашем бессердечии и — о лицемерии, ибо кто же из вас тоже не расписывался в том или другом месте и в той или иной форме?» (304). Перечисляя различные виды надписей (в том числе «изодранные перстнями, точно паутиной покрытые зеркала в кабацких кабинетах» — 307), старичок-сенатор не забыл и «тысячи имен и инициалов на старых деревьях и на скамейках в усадьбах и городах, в Орле и Кисловодске, в Царском Селе и в Ореанде, в Нескучном и в Версале, в Веймаре и Риме, в Дрездене и Палермо» (305). Логика его защитительной речи такова: «Пошлость, цыганщина? Но разве важно, отчего именно счастлив или несчастлив человек? Все слезы одинаковы, все они капли одной и той же влаги!» (307). Старичку-сенатору понятна эмоциональная напряженность надписи: «Нет, надписи на зеркалах меня ужасно всегда трогали! Трогали и инициалы на скамейках и деревьях, вырезанные тоже по случаю того, что когда-то «была чудесная весна» и «хороша и бледна, как лилея, в той аллее стояла она...». Тут опять то же самое: не все ли равно, чьи имена, чьи инициалы, — Гете или Фрица, Огарева или Епиходова, Лизы из «Дворянского гнезда» или ее горничной? Тут главное все-таки в том, что была «до ланит восходящая кровь» и заветная скамья, что «шиповник алый цвел» (и, конечно, отцвел в свой срок), что блаженные часы проходят и что надо, необ-

ходимо (почему, один Бог знает, но необходимо) хоть как-нибудь и хоть что-нибудь сохранить, то есть противопоставить смерти, отцветанию шиповника. Тут вечная, неустанная наша борьба с «рекой забвения». И что ж, разве эта борьба ничего не дает, разве она уже совсем бесплодна? Нет, тысячу раз нет!» (308).

За патиной обывательских представлений персонаж Бунина пронизательно разглядел психологическую сторону и самую суть надписи: для пишущего или вырезающего ее этот момент «есть час его великой скорби или радости» (308).⁷⁵ В своей страстной речи старичок-сенатор никак не затронул вопроса о связи надписей с литературой, более того, его занимает в первую очередь их бытование именно в реальной жизни. Говоря об именах или инициалах на дереве, старичок-сенатор никак не выделил их из других видов надписей — очевидно, что к XX в. связь надписи на дереве с идиллической традицией уже не осознавалась и была утрачена окончательно.

⁷⁵ Ср. признание Вяч. Иванова в автобиографическом письме С. А. Венгеру (1917 г.): «Я сгорал в то лето какою-то лихорадкою дерзновения и счастья, писал с каждою почтой своей будущей жене и ее брату и получал от них письма, бродил ночами по лесу и вырезал на деревянной стене своей комнаты строки из «Фауста» (Русская литература XX века. 1890–1910 / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1918. Т. 3, кн. 8. С. 89).

КУРОЧКА ПРОТОПОПА АВВАКУМА И ВЫДРА ЯНА ПАСЕКА

«Житие» протопопа Аввакума, им самим написанное, в типологическом плане сопоставлялось с русскими автобиографическими сочинениями XVII века, с «Житием» Софрония Врачанского и даже с «Дон Кихотом» Сервантеса.¹ Богатейшая мемуарная литера-

¹ См.: *Мечев К.* Протопоп Аввакум и Софроний Врачанский // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 358–366; *Cant C. B.* The Archpriest Avvakum and his Scottish Contemporaries // *The Slavonic and East European Review*. 1966. Vol. 44. P. 381–403; *Илюшин А. А.* Опыт типологического сопоставления (на литературном материале XVII века) // *Советское славяноведение*. 1969. № 4. С. 63–71; *Gogol J. M.* The Archpriest Avvakum and Quirinus Kuhlmann: A Comparative Study in the Literary Baroque // *Germano-Slavica*. 1973. Vol. 2. P. 35–48; *Боева Л.* 1) Образът на автора в житията на протопоп

тура Польши XVII в. никогда к сопоставлению не привлекалась, хотя хронологически и географически она ближе к Аввакуму, чем Софроний Врачанский или Сервантес, а также Мартин Лютер или Шэнь Фу.

Самые знаменитые польские мемуары XVII в. — это «Записки» Яна Хризостома Пасека (ок. 1636–1701), шляхтича-рубаки, авантюриста, скандалиста и сутяги, блестящего рассказчика и стилиста; в Польше они

Авакум и Софроний Врачански. (Опит за типологическо сравнение) // Старобългарска литература. 1977. Кн. 2. С. 182–200; 2) Типологический рельеф автобиографической повести в славянских литературах. (Протопоп Аввакум, Досифей Обрадович, Софроний Врачанский) // Славянска филология. София, 1978. Т. 16. С. 89–101; *Лихачов Д. С.* Автобиографии на Софроний Врачански и Авакум Петров. (Опит да се обяснят техните различия) // Литературна мисль. 1978. Кн. 10. С. 89–95; *Андрушкевич О. В.* Аввакум и Шэнь Фу: Две автобиографии // Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы и доклады. М., 1983. Ч. 2. С. 216–224; *Бронникова С. П.* М. Лютер и Аввакум: к вопросу о типах религиозно-исторического сознания и действия // Духовная культура: Проблемы и тенденции развития. Всероссийская научная конференция. 11–14 мая 1994 г. Тезисы докладов. Секция 1–3. Сыктывкар, 1994. С. 43–45; *Калугин В. В.* «Псы» и «зайцы»: (Иван Грозный и протопоп Аввакум) // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). М., 1994. С. 44–63; *Венцовская О. В.* Некоторые моменты из сравнительной характеристики взглядов протопопа Аввакума и украинского полемиста Ивана Вишенского // Материалы Февральских чтений гуманитарного факультета. Сыктывкар, 1997. С. 3–4.

издавались десятки раз и переведены на несколько иностранных языков. Русского перевода, к сожалению, до сих пор нет, и Пасек более известен русскому читателю по восторженным отзывам Адама Мицкевича, который посвятил «Запискам» две из своих парижских лекций по славянским литературам в 1841 г. Охарактеризовав литературный стиль Пасека как «подлинно классический», Мицкевич сделал меткое наблюдение: «Пасек, если можно так сказать, предугадал жанр исторического романа».²

Первые русские известия о «Записках» Пасека появились двадцать лет спустя после открытия оригинальной рукописи: в 1842 г. в «Москвитянине» был напечатан обширный очерк С. П. Победоносцева о двух изданиях «Записок» на польском языке. Кратко изложив биографию Пасека, «этого замечательного беллетриста того времени», Победоносцев писал: «Записки Пасека оживлены духом простосердечия, веселости и какой-то остроты, какого-то врожденного юмора. Помираешь со смеху, читая некоторые строки, особенно описания иностранных земель и тамошних обычаев, на которые он смотрел глазами ревностного католика и польского шляхтича того времени. ... Слог

² *Мицкевич А.* Собрание сочинений. М., 1954. Т. 4. С. 307.

его чист, иногда кудряв и читается везде гладко».³ Рецензент отвел несколько страниц фрагментам из «Записок» в своем не всегда удачном переводе и выразил надежду на появление русского перевода «Записок», поскольку, по его словам, «мы, русские, найдем в них много любопытного для нас самих».⁴ К сожалению, «Записки» Пасека до сих пор доступны только специалистам: на русский язык были переведены (еще в XIX в.) только небольшие отрывки, например, о потасовке в королевских покоях Пасека с Мазепой, будущим украинским гетманом.⁵ Правда, для широких

³ *Победоносцев С.* Записки Пасека // Москвитянин. 1842. Ч. 1, № 2. С. 618–627. (Цит. С. 619).

⁴ Там же. С. 618.

⁵ См.: Мазепа. (Из Записок Яна Хризостома Пассека) / Предисл. Х. // Русский архив. 1878. Кн. 3, вып. 11. С. 343–347. См. также: *Обар И.* Новые книги: Мемуары Ивана Златоуста Пасека. СПб., 1860 // Библиотека для чтения. 1860. Т. 160, № 12. Современная летопись. С. 1–28; *Лунатов А. В.* Формирование польского романа и европейская литература: Средневековье. Возрождение. Барокко. М., 1977. С. 221–226; *Тананаева Л. И.* Сарматский портрет: Из истории польского портрета эпохи барокко. М., 1979. С. 19–21; *Николаев С. И.* Театральный эпизод «Записок» Я. Х. Пасека по статейному списку В. М. Тяпкина // Советское славяноведение. 1989. № 2. С. 95–99; *Муравьева Е. Н.* Поляк XVII в. и его соседи (по мемуарам Я. Х. Пасека) // Из истории и культуры Средневековья. СПб., 1991. С. 165–172.

читательских кругов это отчасти «знакомый незнакомец»: Пасек оказал заметное влияние на развитие польского исторического романа, например, Генрик Сенкевич зачитывался его «Записками», и многие страницы знаменитой исторической трилогии пропитаны образами и фразеологией Пасека.⁶

На страницах «Записок», действительно, неоднократно упоминается Москва и русское государство. Так, Пасек принимал участие в польско-русской войне 1660 г. и красочно описал ее, а в 1662 г. Стефан Чарнецкий отправил Пасека в Вязьму с важным поручением — он должен был встретить русское посольство, которое отправлялось на сейм в Варшаву для мирных переговоров. На что Пасек ответил: «Готов по приказу не то что в Вязьму, но и в Астрахань отправиться».⁷ Пасек благополучно встретил русское посольство и после ряда недоразумений, связанных с придиричностью русских к тонкостям посольского обычая и некоторой разницей в бытовой жизни, между нашими дипломатами и Пасеком установились довольно дружелюбные отношения. Некоторые недоразумения но-

⁶ См.: *Krzyżanowski J. Pasek i Sienkiewicz. (Do źródeł „Trylogii“)* // *Krzyżanowski J. W kręgu wielkich realistów.* Kraków, 1962. S. 138–156.

⁷ *Pasek J. Pamiętniki / Wstępem i objaśnieniami opatrzył W. Czapliński.* Wrocław, 1979. S. 262. (BN I 62).

силы и комический характер, так, на следующий день после встречи русские дипломаты пригласили Пасека на банкет. С приглашением пришел сын посланника Афанасия Ивановича Нестерова, Михаил: «Car, Osudar Wieliki Biłojej i Czornyjej Rusi, Samoderżca i Obladatel, tebe ster pryjatela swoiho prosit zajutra na biłużyne koleno i na lebedyje huzno». — «Что это еще за мода, — удивляется Пасек, — приглашать кого-нибудь на колено и на гузно, да к тому же я еще и не ведал, что такое эта белуга. Хотел было сказать: «Ешьте сами это гузно», но решил промолчать».⁸ Потом уже переводчик посольства разъяснил Пасеку особенности русской кухни и церемониала.

Но в целом отношения между Пасеком и русскими дипломатами были хорошими: «Очень довольны были москвичи, что меня им назначили приставом, и говорили: «Kakże ster Hospod Boh pobłagosławił: peredom wodiw stary Pas, teper bude nas wodyty mołody Pasek». А дело тут в том, что дядя мой, смоленский судья, всегда их сопровождал и комиссаром к ним ездил; его там в столице, почитай, и дети малые знали и все там сохраняют о нем *dulcem recordationem*. Даже когда я им поведал о своей беде, как меня чуть было в плен

⁸ *Pasek J.* Pamiętniki. S. 295. В «Записках» речь Михаила передана в транскрипции. См. русский перевод этого отрывка: *Обар И.* Новые книги: Мемуары Ивана Златоуста Пасека. С. 25–26.

не взял один москаль в схватке с Долгоруким, так они мне сказали, что «в столице бы тебя встретили с уважением, а за заслуги твоего дяди перед нашим народом наверняка и без выкупа бы отпустили». — «Нет уж, благодарствуйте, отвечал я им».⁹

Действительно, дядя Пасека, тоже Ян Пасек, неоднократно сопровождал в 40–70 годы XVII в. польские посольства в Москву. Тут у него были обширные знакомства (и не только среди русских),¹⁰ а летом 1678 г. он даже угодил в скверную историю — слободские караульщики застали его в одном доме в «веселой компании» с девицами и выпивкой, возникло дело, которое долго разбиралось, сам Пасек оправдывался, что якобы зашел навестить знакомых, девицы говорили, что заглянули к родным «не для воровства какого, только для повиданья» и т. д. Пасек даже представил в Посольский приказ обширное «Оправдание моей невинности». После публикации в конце XIX в. «расспросных речей» по этому делу из архива Посоль-

⁹ *Pasek J.* Pamiętniki. S. 298. Здесь снова в польском оригинале слова русских посланников переданы в транскрипции.

¹⁰ См.: *Щапов Я. Н.* Альбом Гармана Грамана (Рукопись из собрания А. С. Норова) // Записки отдела рукописей [ГБЛ]. М., 1955. Вып. 17. С. 93. — Я. Н. Щапов приводит в переводе на русский язык запись Яна Пасека 1645 г. в альбоме Гармана Грамана с благодарностью «за спасение моих глаз».

ского приказа¹¹ об этой истории неоднократно вспоминали польские историки.¹²

Таким образом, мемуарист Ян Пасек хоть в самой Москве и не бывал, но русские люди и само Московское государство, в том числе его география, были ему знакомы, кое-как понимал он и русскую речь, судя по всему, не прибегая к помощи толмача.

И для протопопы Аввакума Польша вовсе не была неведомой «заморской страной», с поляками он сталкивался в русском быту и у него даже были покровители среди них. Так, в 1665–1666 гг. более года он прожил в Мезени, где воеводой тогда был принявший православие выезджий поляк Алексей Цехановицкий. Аввакум духовно окормлял его жену Евдокию, которая держалась старого обряда, и он же похоронил ее. И сам воевода, и его жена относились к Аввакуму с большим почтением.¹³ Описывая свои московские

¹¹ См.: *Таннер Б.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году / Пер. с латинск., примеч. и прил. И. Ивакина // ЧОИДР. 1891. Кн. 3. Отд. 3. С. 194–200.

¹² См.: *Kraushar A.* Stryj Jmci P. Paska. (Przyczynek do rodowodu Pasków) // Ateneum. 1896. Т. 81, № 1. С. 184–186; *Pigoń S.* Relacja Imć Pana Jana Paska z poselstwa do Moskwy 1671–1672 r. // Pamiętnik Literacki. 1954. № 1. С. 199–204.

¹³ См.: *Jakubowski W.* Polscy przyjaciele protopopu Awwakuma // Ruch Literacki, 1963, № 4. С. 183–189; *Żywot protopopu Awwakuma przez niego samego nakreślony i wybór innych pism / Przełożył oraz*

страдания в Москве в 1666 г., Аввакум писал, в частности: «И бороду враги божии отрезали у меня! Чему быть? Вольки то есть, не жалеют овцы! Оборвали, что собаки, один хохол оставили, что у поляка на лъбу».¹⁴ Одним словом, и у Аввакума были вполне определенные представления о поляках и Польше. Можно добавить, что Аввакум знал «Церковные летописи» Барония и «Великое Зерцало» скорее всего по фрагментам, восходящим к польской традиции.¹⁵ Нелишне упомянуть, что в языке протопопа Аввакума встречаются и обычные тогда в русской речи полонизмы, хотя польского языка он, по всей видимости, не знал.

Дело, конечно, вовсе не сводится к общим проблемам культурной диффузии (хотя не учитывать ее и списывать со счета было бы опрометчиво),¹⁶ просто два самых выдающихся славянских автора своих жизне-

wstępem i komentarzem opatrzył W. Jakubowski. Wrocław, 1972. S. 242–246.

¹⁴ Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 380.

¹⁵ См.: Демкова Н. С. Сочинения протопопа Аввакума и публицистическая литература раннего старообрядчества. СПб., 1998. С. 180, 184.

¹⁶ Ср.: Бычкова М. Е. Поляки в Москве во второй половине XVII в.: влияние польской культуры на традиции русской жизни // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. Związki kulturalne między Polską a Rosją XI–XX w. М., 1998. С. 77–83.

описаний в XVII в., протопоп Аввакум и Ян Пасек — современники и близкие соседи. Несмотря на все громадные отличия — культурные и бытовые, конфессиональные и интеллектуальные — во времени и пространстве Аввакум и Пасек находятся почти-почти рядом. Это, как кажется, и дает некоторые основания рассмотреть один эпизод «Жития» Аввакума на фоне «Записок» Пасека.

Рассказ о «черненькой курочке» хорошо известен, он неизменно упоминается почти в каждой характеристике художественного своеобразия жития Аввакума. Во время скитаний Аввакума по Сибири происходит известный эпизод с падением его жены Настасьи Марковны, которая поскользнулась на льду и не могла подняться, а потом пеняла протопопу: «Дольго ли муки сея сея, протопоп, будет?» и я говорю: «Марковна, до самыя до смерти!» Она же, вздохня, отвечала: «Добро, Петрович, ино еще побредем».¹⁷ Сразу после этого Аввакум рассказывает о курочке.

«Курочка у нас черненька была, по два яичка на день приносила — робяти на пищу божиим повелением, нужде нашей помогая; Бог так строил. <...> Ни курочка, ништо чюдо была: во весь год по два яичка

¹⁷ Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 2. С. 368.

на день давала. Сто рублей при ней — плюново дело, железо!». ¹⁸ «Чудо», как кажется, объясняется необыкновенной, говоря техническим языком, яйценоскостью курочки, недаром Аввакум в небольшом отрывке трижды кряду говорит о том, что она «по два яичка на день давала». В среднем яйценоскость куриц (по данным, правда, XX в.) колеблется от 140 до 220 яиц в год, только курицы-рекордсменки дают до 365 яиц в год. «По два яичка на день» может давать только чудесная курочка, ее историю и излагает Аввакум и ее нечаянную смерть он искренне оплакивает: «На нарте везучи, в то время удавили по грехом. И нынеча мне жаль курочки той, как на разум приидет». ¹⁹

И Ян Пасек оплакивает свою замечательную ручную выдру, которой он посвящает несколько страниц своих записок — почти всю запись за 1680 г. ²⁰ В этом году приехал к Пасеку посланец от короля Яна Собеского пан Страшевский с письмом, в котором король просит Пасека подарить ему прирученную выдру. Как ни отнекивался Пасек (сначала, изобразив непонимание, он даже предложил шкурку выдры), деваться некуда, пошел он показывать посланцу свою выдру,

¹⁸ Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 2. С. 369.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: *Pasek J. Pamiętniki*. S. 511–521.

которой как раз в тот момент случилось пойти на прогулку. Вышли они на лужайку, Пасек позвал ее по имени (Robak), выдра выскочила сразу из камышей и стала ластиться к хозяину. Страшевский изумлен, а Пасек: это еще что, и велит выдре: для гостя рыба нужна, давай в воду. Выдра прыгнула в пруд и приносит плотвицу, Пасек вновь командует, и она приносит щуренка, а затем щуку. Хозяин говорит гостю: «Если нужно ведро рыбы — ведро и наносит, ее снасть ничего не стоит». Затем Пасек перечисляет другие ее достоинства: спит с ним в кровати, но такая чистюля — никогда не нагадит ни в кровати, ни под кроватью, а есть у нее специальная посудинка, только туда по нужде и ходит. Далее, сторож необыкновенный: когда хозяин спит — лежит у него на груди и никого не подпустит (однажды случился пожар, так она добудилась подвыпившего хозяина и тем самым спасла ему жизнь). Затем: поручи ей что-нибудь стеречь — никто не посмеет тронуть, лучше любой собаки. Выдра была славна на всю округу и, что примечательно, это не вымысел Пасека. В 1721 г. (т. е. спустя много времени после описываемых событий и за сто лет до открытия рукописи записок Пасека) в Сандомире вышла книга Габриэля Жончинского «*Historia naturalis curiosissima*», в которой упоминалась ученая выдра, которую некий мазовецкий шляхтич по фамилии Пасек подарил королю Яну Собескому: «У знатного мужа

Пасека из Краковского воеводства она [выдра] была настолько обучена, что, наподобие собаки, охраняла повозку, имущество, лошадей, по команде доставала из воды разных рыб, вместе с собаками выходила на охоту, поплыв, приносила охотнику уток, подбитых дробью».²¹

Пасек все-таки был вынужден подарить выдру королю, соорудил для ее перевозки клетку и написал подробную инструкцию по уходу. Король и королева сразу выдру полюбили, но недолго ей радовались. Как-то под утро во время своих прогулок по окрестностям выдра попала на глаза какому-то драгуну, который и убил ее бердышом, не ведая ни ее достоинств, ни кому она принадлежит, а шкурку продал. Узнав об этом, Пасек горевал, горевал и король — целый день не ел и ни с кем не разговаривал. Драгуна с известным трудом разыскали, король поначалу велел его расстрелять, но затем заменил наказание — неза-

²¹ «Apud Nobilem Virum Pasek Palatinatus Cracoviensis sic facta cicur, ut more canis, curru, rebus, equis invigilaret, jussa varios pisces efferret ex aquis, simul cum canibus prodiret ad venationem, plumbeis globis anates tactas nando porrigeret jaculatori» — *Rzeczyński G. Historia naturalis curiosa Regni Poloniae Magni Ducatus Litvaniae annexarumq[ue] provinciarum in tractatus XX divisa. Sandomiriae, 1721. P. 222. Ср.: Tazbir J. Spotkania z historią. Warszawa, 1979. S. 51.*

дачливого драгуна прогнали сквозь строй и засекли до смерти.²²

Изображение животных в средневековой литературе, в том числе древнерусской, обычно преследовало цели аллегорической интерпретации их нравов и свойств в духе христианской экзегезы.²³ Но в данном случае нет надобности обращаться к популярным теологическим сочинениям в духе «Физиолога» или к экзотическим «монстрам», известным как польским хроникам (например, Мартина Бельского), так и русской хронографии.²⁴ Для сравнения достаточно обратиться к другому современному русскому сочинению, к «Вертограду многоцветному» (1678) Симеона Полоцкого. Он с равным основанием может быть назван не только музеем раритетов (И. П. Еремин), но и зоо-садом или бестиарием: мы встретим тут и слонов, и агнцев, и «козлищ», и «волка мысленного», и «врана Ноева», и «голубя евхаристического», и ехидну, и скорпиона, и «жаб послушливых», и множество других ве-

²² См.: *Kukulski L. Pośmiertna rehabilitacja wydry pana Paskowej // Ruch Literacki. 1964. № 2. S. 75–76.*

²³ См.: *Дурново Н. К истории сказаний о животных в старинной русской литературе. М., 1901. Вып. 1–2.*

²⁴ Ср.: *Монстры русской хронографии / Публ., предисл. и примеч. Е. Г. Водолазкина // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России. СПб., 2000. Вып. 2. С. 245–251.*

домых и неведомых животных, в том числе стихотворения, в которых фигурируют курица и петух: «Кокош себе Христос» и «Петел оживе».²⁵ Вот два выбранных наудачу небольших стихотворения о птицах:

Славий

Славий не леп перием, сладко воспевае,
во дне и в ноци Богу славу возсылае.
Иноци, учитеся худоризни быти,
выну гласом уст ваших Господа хвалити.

Сокол

Сокол аще под небо крилы возлетает,
на глас носителя си к рукам прилетает.
Грешник егда во гордость умом возносится,
на глас пастырк со плачем к нему да вратится.²⁶

Вопреки названиям в стихотворениях речь идет вовсе не о соловье или соколе: у Симеона любое животное и его свойства толкуются только в духе традиционной аллегорической христианской интерпретации или прямого нравоучения, с тем разве дополнением, что в средние века на животных смотрели сквозь призму «Физиолога», а в Новое время — еще и сквозь

²⁵ См.: *Simeon Polockij*. Vertograd mnogocvĕtnyj. Ed. by Anthony Hippisley and Lydia I. Sazonova. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1996–2000. Vol. 1–3.

²⁶ *Simeon Polockij*. Vertograd mnogocvĕtnyj. Vol. 3. P. 110, 175.

«Иконологию» Чезаре Рипы или другие эмблематические сочинения, которыми так богата эпоха барокко.²⁷

Фантастическую или аллегорическую зоологию и соответствующую интерпретацию мы найдем и в творчестве польских современников Яна Пасека — например, в поэзии замечательного поэта Вацлава Потоцкого и многих других.²⁸ Но Аввакум и Пасек идут не этим проторенным путем.

«Черненькая курочка» Аввакума — это не экзотическое животное, а самая настоящая курица. Нет резонов устанавливать символическое или аллегорическое значения курочки в фольклорной, литературной или христианской традиции, — их легко можно подыскать,²⁹ но вряд ли это поможет в истолковании рассказа Аввакума. Примечательно, что А. С. Демин

²⁷ См. подробную библиографию в кн.: *Kroll W. Heraldische Dichtung bei den Slaven. Mit einer Bibliographie zur Rezeption der Heraldik und Emblematik bei den Slaven (16.–18. Jahrhundert)*. Wiesbaden, 1986.

²⁸ См. например: *Kornilowicz N. Zoologia fantastyczna w «Tygodniu stworzenia świata» Wacława Potockiego // Pamiętnik Literacki*. 2002. Z. 3. S. 105–114.

²⁹ См., например: *Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции*. М., 1997; *Sokolski J. Słownik barokowej symboliki natury. Tom wstępny. Barokowa księga natury*. Wrocław, 2000; *Белова О. В. Славянский бестиарий: Словарь названий и символики*. М., 2001. С. 80, 145, 153.

в своем очерке «Древнерусская литературная анималистика» уделил «Житию» Аввакума отдельную главку,³⁰ но курочку даже не упомянул — это ведь просто курица, т. е. обычная домашняя птица! А о домашних птицах в XVII в. писали преимущественно в пособиях по домоводству для рачительного хозяина.³¹ Такому читателю требовались не чудесные рассказы, а дельные практические советы.

И все же курочка протопопа Аввакума не простая курица, а чудесная. И выдра Яна Пасека — это не «живот глаголемый инудр» древнерусского «Физиолога»,³² а самая настоящая выдра. Но не простая, а с удивительными свойствами. Оба автора — именно это и роднит их художественное сознание — не выискивают экзотическое (хотя обоим в наблюдательности и любопытстве не отказать),³³ а превращают бытовое и по-

³⁰ См.: Демин А. С. Древнерусская литературная анималистика // Древнерусская литература: Изображение природы и человека. М., 1995. С. 122–126.

³¹ См., например, раздел о содержании кур в кн.: *Haur J. K. Skład abo skarbiec znakomitych sekretów oekonomiej ziemiańskieij*. Kraków, 1689. S. 118–121. Автор, кстати сказать, не без гордости пишет, что побывавшие в 1687 г. в Кракове русские дипломаты охотно покупали предыдущее издание его книги (S. 169).

³² Физиолог / Изд. подгот. Е. И. Ванеева. СПб., 1996. С. 27.

³³ Аввакум с любопытством описывает сибирскую фауну, а Пасек с таким же нескрываемым интересом наблюдает с палубы

вседневное в чудесное и удивительное, они сами творят *mirabilia* из окружающего их мира, и уже поэтому они отошли от средневекового мировоззрения.

Но то, что они отошли от средневекового мировоззрения, вовсе не значит, что они отошли от литературной традиции вообще. Мы ошибемся, записав Аввакума и Пасека по ведомству писателей-натуралистов. Оба описывают реальных животных, но описывают их в духе классической «похвалы животным» (*Laudantur animalia*), жанре, известном европейской литературной теории и практике с античности.³⁴ И свою похвалу протопоп Аввакум и Пасек воздают по правилам: откуда взялись, как питаются, какую пользу приносят и какими удивительными достоинствами обладают их любимцы.

Нельзя не отметить и трогательную привязанность обоих авторов к своим кормильцам, которые не только радовали их, доставляя «прохладу и умиление»,

корабля неведомый ему ранее подводный мир Балтийского и Северного морей.

³⁴ См.: *Lausberg H. Handbuch der literarischen Rhetorik. München, 1960. Bd. 1. S. 134.* В восточнославянской риторической традиции «похвала животным» упомянута в риторике Феофана Прокоповича: *Feofan Prokopovič. De arte rhetorica libri X. Kijoviae 1706 / Hrsg. von R. Lahmann. Koln; Wien, 1982. S. 402; Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг / Пер. Г. А. Стратановского. М.; СПб., 2020. С. 392.*

но и приносили им пищу — яйца и рыбу соответственно. Выдра спала в постели Пасека, а у Аввакума «та птичка одушевлена, божие творение, нас кормила, а сама с нами кашку сосновую ис котла тут же клевала, или и рыбки прилучится — и рыбку клевала, а нам против того по два яичка на день давала».

В описаниях черненькой курочки и выдры есть еще одна очень важная психологическая черта. Описывая и оплакивая своих любимцев, нелепо и нечаянно погибших при трагических обстоятельствах, Аввакум и Пасек ностальгически вспоминают много времени спустя о давешнем и минувшем, о том чудесном или удивительном, что когда-то было у них и скрашивало их жизнь. «Богу вся надобно, — заключил свой рассказ о черненькой курочке Аввакум, — и скотинка, и птичка во славу его, пречистаго владыки, еще же и человека ради». Если первая часть высказывания («и скотинка, и птичка во славу его, пречистаго владыки») вполне традиционна для средневековой ментальности, то во второй («еще же и человека ради») звучит то новое, что вносил Аввакум в русское сознание XVII в.

Аввакум в сравнении с Симеоном Полоцким довольно неожиданно (но только на первый взгляд) оказывается более радикальным новатором в литературе,³⁵

³⁵ См., в частности: *Панченко А. М.* Аввакум как новатор // Русская литература. 1982. № 4. С. 142–152; *Николаев С. И.* Что такое

тогда как Симеон — скорее неутомимый строитель новой литературной культуры барочного типа. Если Симеон Полоцкий просто вышел из польского барокко, то Аввакум, конечно, вырос из византийско-славянской словесности, поэтому отмеченное типологическое сходство между Аввакумом и Пасеком, обусловленное общим стилистическим климатом эпохи, не дает материала для окончательного решения проблемы «Аввакум и барокко».³⁶ История черной курочки не просто проявление *curiosité*, столь ценимой в эстетике XVII в.,³⁷ а один из аргументов его избранности и призвания. И несмотря на это существенное отличие именно сопоставление с Пасеком позволяет наглядно увидеть новаторство Аввакума и угаданные им пути литературного развития.

«острота телесного ума» протопopa Аввакума? // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Сборник к 70-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2000. С. 71–76.

³⁶ Из последних работ по этой теме см.: *Ранчин А. М.* Проблемы барокко и сочинения Аввакума // *Филевские чтения*. М., 1994. Вып. 6. С. 83–87; *Ткачёв Ю.* Протопоп Аввакум и немецкое барокко // *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd 51 (2003). S. 5–85.

³⁷ См.: *Tatarkiewicz W.* *Estetyka nowożytna*. Wrocław, 1967. S. 438–439. (*Historia estetyki*. Т. 3).

НОВЕЛЛА В «ДНЕВНИКЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В МОСКОВИЮ» ИОАННА ГЕОРГА КОРБА

Культурные реформы Петра I включали и обновление сферы частной жизни и внесение новых, европейских стандартов бытового поведения. Гражданин в государстве должен был не только «правильно» трудиться, но и «правильно» развлекаться. Этому «правильному» отдыху обучались, в частности, на ассамблеях. Люди, собравшиеся «для своего увеселения, или для рассуждения и разговоров дружеских», вели себя в соответствии с правилами, изложенными в правительственных распоряжениях, это было развлечение по обязанности, которого избежать было невозможно.¹

¹ См.: *Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 112–137.

Развлекательные функции предполагали и особую литературу, которая не имела статуса только «полезной».² Петр I дал резкий толчок этой новой тенденции. Хотя в его собственных увеселениях литературные тексты занимают весьма скромное место,³ именно при Петре литературный текст (в том числе западноевропейский) включается в игровую ситуацию. Примером тому может служить один эпизод из хорошо известного «Дневника путешествия в Московию» Иоганна Георга Корба, секретаря в посольстве императора Леопольда I, которое было отправлено в Москву после заключения между Римской империей, Россией, Польшей и Венецианской республикой антитурецкой коалиции в 1697 г.

Корб пробыл в России с апреля 1698 по июль 1699 г., а в 1700 г. в Вене вышел его «Дневник». Сразу по выходе он возбудил атмосферу скандала. Русский посланник в Вене кн. П. А. Голицын доносил в Москву: «Истинно, как я слышал, здесь такова поганца и ругателя на московское государство не бывало; с при-

² См.: *Matek E.* «Неполезное чтение» в России XVII–XVIII веков. Warszawa; Łódź, 1992. S. 68–87.

³ См.: *Семевский М. И.* Шутки и потехи Петра Великого. (Петр Великий — как юморист) [1690–1725 гг.] // Русская старина. 1872. Т. 5, № 6. С. 845–892; *Серман И. З.* Литературно-эстетические интересы и литературная политика Петра I // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII в. Л., 1974. С. 22–27.

езду его сюда нас учинили барбарами».⁴ Гнев посланника, неудовольствие и протест русского правительства вызвал не столько сам «Дневник» в целом, сколько подробное описание стрелецкого розыска, проведенного Петром I в 1698 г. и последовавших затем казней стрельцов. Книга в конечном счете была запрещена, но не забыта. В частности, в России вскоре после смерти Петра I появился анонимный «Разговор между трех приятелей, сошедшихся в одном огороде, а именно: Менарда, Таландра и Варемунда», в котором несколько страниц посвящено Корбу. Оценка его книги однозначно дана Варемундом: «В ней много странных и неудоверительных дел внесено, и извольте вы рассудить по самому содержанию той книги, не с самой ли страсти и партикулярной какой злобы та книга сочинена».⁵ Далее следует полемический разбор сообщения Корба о «ребелянтах», т. е. восставших стрельцах, а в конце добавлен следующий фрагмент: «Что же принадлежит о многих притом описанных нескладных обстоятельствах, и то подлинно большая часть неправды и по страсти писаны, как и во всей той книге чинено, и малые богатели все к противности толкованы. Но извольте, мой господин, рассудить, что

⁴ Цит. по кн.: Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 1. С. 328.

⁵ Русский вестник. 1841. № 11–12. С. 336.

ежели бы всех дворов европейских поступки партикулярные и которые в компаниях и при банкетах и за конфиденциею случаются, толь дерзновенно и токмо без прикрытия, а не то, что с такою посяжною и пристрастием, как в той книге чинено, описать, то б много странных и более удивлению достойных дел явилось, нежели о российском дворе от того пристрастного секретаря со мною прибавкою и ложью написано».⁶

Такая «партикулярная» пирушка описана Корбом в дневниковой записи от 28 августа 1698 г.: «На сих днях несколько писцов из приказа пировали со своими женами также у одного писца; самая красивая гостья понравилась хозяину, устроившему пиршество; поэтому, замыслив в сердце обман, он постарался напоить всех, особенно женщин. Этот коварный умысел заметили остальные и с такою же хитростью стали усердно спаивать жену хозяина, у которого они пьянствовали. Когда все ослабели от вина и попадали на пол, пылавший страстью хозяин подметил, где легла красивая гостья, и тотчас затем погасил огонь под тем предлогом, что так спокойнее спать, а остальных мужчин, еще державшихся на ногах, пригласил в другую комнату на новое состязание кубками. Все, опьяненные вином, вернулись в комнату, где, как я сказал,

⁶ Там же. С. 337.

лежали женщины. Хозяин подходит к тому месту, на котором расположилась самая красивая гостья; а та уже раньше, по его глазам, выдававшим любовь и сладострастие, легко догадалась про его замыслы и, будучи плутоватее или, если угодно, нравственнее хозяина, не только покинула прежнее место, но положила на него собственную жену хозяина. Тот не мог без огня открыть обмана женщины; поэтому, полный прежних помыслов, он в неведении осыпает всяческими ласками свою жену, и, так как та отвечала на проявления его любви, он, дойдя до крайнего предела страсти, соединяется с нею. Удовлетворив свою похоть и не зная еще, что это его жена, он стал приглашать многих других к тому же самому общению. Те, обезумевшие от вина, легко согласились; по предательству или другому какому разоблачению дело и обман обнаружилось, и хозяин, потратившись на пир, был, кроме того, поднят на смех, что не только угостил товарищей кушаньями и напитками, но даже и объятиями собственной жены».⁷

В научной литературе этот эпизод никак не интерпретируется. И все же отношение к нему можно определить. Во-первых, сам Корб заключил дневниковую

⁷ *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.) / Пер. и примеч. А. И. Малеина. СПб., 1906. С. 76.

запись следующей негодующей фразой: «Так мало значит у них совершить прелюбодеяние, и они смеются над тем, что достойно плача»,⁸ во-вторых, в переводе «Дневника» на английский язык 1863 г. этот эпизод вовсе опущен,⁹ равно как и в переводе на английский язык избранных глав в 1921 г.¹⁰ Надо полагать, что для Корба, автора «Разговора между трех приятелей» и переводчиков на английский этот эпизод был изображением безнравственных, нетерпимых нравов «москвитян», т. е. никто из них не сомневался в реальности описанной ситуации. Однако трактовка дневниковой записи Корба как источника для реконструкции бытовой культуры московских семейств конца XVII в. вызывает сильные сомнения.

Действительно, современный читатель без труда улавливает в этом рассказе литературную основу — без особого преувеличения его можно назвать образцом для изучения морфологии новеллы. Тут и классическая экспозиция с типичной ложной достоверностью («на сих днях...»), ближе к кульминации повествование ускоряется, стремительно следуют одно за другим предложения в *praesens historicum*, далее следует

⁸ Там же.

⁹ Отмечено А. И. Малеиным, см.: Там же. С. X.

¹⁰ См.: *Scenes from the Court of Peter the Great*. New York, 1921.

развязка и неожиданная чисто новеллистическая пуанта — все смеются над таким необычным угощением.¹¹ Один мотив «подменной жены» с головой выдает литературное происхождение всего эпизода, здесь же он вставлен в сюжет «муж сводник своей жены», хорошо известный по европейской новеллистике: 4-й новелле дня VII «Декамерона», 206-й новелле Франко Саккетти, 8-й новелле «Гептамерона», 238-й новелле Поджо Браччолини, по сборнику «Сто новых новелл», фаблио и др.¹²

¹¹ В XVIII и XIX вв. заключительная фраза рассказа «*Hospes post convivii sumptus risu explosus est, quot non solum ad cibum et potum, sed et propriae uxoris amplexus socios invitasset*» (*Korb J. G. Diarium itineris in Moscoviam. Vienhe Austrial, 1700. P. 71*) переводилась несколько иначе. В Посольском приказе, где «Дневник» был переведен сразу по его получении в Москве, она передана так: «Гость после пиру начал смеяться, что не толко к еже и питию, но и ко власной жене своей зазвал, и тому блюду зело все смеялись» (РНБ. F.IV.321. Л. 40; полностью этот эпизод в переводе начала XVIII в. см. в Приложении I); так же перевел и М. И. Семевский: «Когда обман был выдан и совершенно обнаружился, хозяин первый же покатился со смеху от того, как он не только предложил гостям кушанья и питья, но еще пригласил их и в объятия своей жены» (*Korb И. Г. Дневник путешествия в Московское государство. М., 1867. С. 85*).

¹² См.: Боккаччо Д. Декамерон. М., 1970. С. 480–484; Саккетти Ф. Новеллы. М.; Л., 1962. С. 295–299; Маргарита Наваррская. Гептамерон. Л., 1967. С. 43–48; *Les Facéties de Pogge / Traduites*

Этот сюжет известен и русской литературе. Еще в XVII в. он встречается в стихотворении Симеона Полоцкого «Мечь или отмщение»,¹³ в переведенной с польского языка «Повести о семи мудрецах»,¹⁴ в первой половине XVIII в. — в «Повести о российском кавалере Александре»,¹⁵ а в наиболее отточенном виде — в «Повести „В чужом пиру похмелье“» из «Пересмешника» (1766) М. Д. Чулкова.¹⁶

Если литературная основа рассказа очевидна, то описанный Корбом эпизод вызывает сомнения в другом отношении — в его соответствии русской действительности конца XVII в. Хотя дневниковая запись невелика по объему и в ней почти нет внефабульного материала (к тому же речь идет о самом конце XVII в. — эпохе резкого культурного и бытового перелома), можно все же полагать, что такая пирушка маловероятна для русских обычаев.

en français avec le texte latin. Paris, 1878. Т. 2. P. 176–177; *Rotunda D. P.* Motif-index of the Italian novella in prose. Bloomington, 1942. P. 8 (D 659.7), 98 (K 1223.2, K 1223.2.1, K 1223.2.3), 113 (K 1544), 126 (K 1843.2, K 1843.2.3).

¹³ См.: Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. третья. М., 1994. С. 104–105.

¹⁴ См.: Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. первая. М., 1988. С. 227–230.

¹⁵ См.: Русские повести первой трети XVIII в. / Исслед. и подгот. текстов Г. Н. Моисеевой. М.; Л., 1965. С. 272–273.

¹⁶ См.: Чулков М. Д. Пересмешник. М., 1988. С. 43–47.

Итак, описывается пирушка «подъячих» — именно так перевели *scriba* оригинала переводчики Посольского приказа, среди которых был и Николай Спафарий. Спафарий был старейшим и опытным переводчиком Посольского приказа, и на его знание соотношения латинской и русской номенклатуры можно положиться. Подъячий, конечно, не принадлежит к бюрократической верхушке, но он и не «кабацкий ярыжка», он служащий, «чиновный» человек. Это единственное, что можно сказать о социальном лице героев новеллы. Однако в чиновной среде так в гости не ходили. Сохранилось много описаний приема гостей в русских домах той поры. Все иностранцы единодушно свидетельствуют, что женщины (в том числе хозяйка) только вначале выходили к гостям, а затем удалялись на свою половину, к женам гостей. Прочитируем англичанина Джона Перри, который приехал в Россию, как и Корб, в 1698 г.: «В России всегда существовал обычай во всех общественных увеселениях не допускать женщин до разговоров с мужчинами; они даже не должны были показываться им; жилища всех знатных почетных людей строились с особым входом для женщин, которые содержались только в своих отделениях. В виде исключения существовал обычай, по которому хозяин дома, если приезжал к нему гость, которого он хотел особенно почтить, выводил жену свою из этих покоев через заднее крыльцо. Она появлялась

в сопровождении своих служанок, приветствовала гостя и подносила ему и всему обществу чарку водки, после чего женщины обыкновенно удалялись снова в свои покои и их уже больше не видели». ¹⁷

Современная исследовательница нравов и быта Петровской эпохи так суммирует многочисленные наблюдения: «В старой Руси чиновные люди жили замкнуто и лишь по праздникам принимали у себя гостей своего круга, преимущественно родню. Встреча гостей была раз и навсегда установленной церемонией: на мужской половине обедали мужчины, на женской — женщины. Исключение делалось для тех случаев, когда собирались самые близкие родственники». ¹⁸ Развлечения стали общими позднее. Примечательно, что сам же Корб в марте следующего (1699) года отмечает в своем дневнике: «Этот день сильно ослабил суровость обычаев русских, которые не допускали доселе женский пол на общественные собрания и веселые пиршества, теперь же некоторым позволено было принять участие не только в пиршестве, но и последовавших затем танцах». ¹⁹

¹⁷ Цит. по кн.: Русский быт по воспоминаниям современников: XVIII век. М., 1914. Ч. 1. С. 56.

¹⁸ Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. (Первая половина XVIII в.). Л., 1982. С. 200.

¹⁹ Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию. С. 131. Это изменение в обычаях стало общим местом при характеристике

Приведенные соображения доказательной силы, конечно, не имеют, вместе с тем очевидно, что описанный Корбом эпизод не только полностью соответствует литературным нормам и образцам западноевропейской новеллистики, но и по содержанию своему является сколком купеческо-бюргерского быта все той же европейской новеллы, а не документальным изображением старомосковского «жизья-бытья».

Как, однако, эта новелла попала в «Дневник» Корба? Вряд ли он сочинил ее сам, это противоречит и всему характеру его дневника и не объясняет искреннего негодования по поводу писанного. Присутствовать на какой бы то ни было пирушке подъячих он просто не мог по своему дипломатическому статусу. Следовательно, ему этот случай рассказали. Так как русского языка он не знал, то это могло произойти только при помощи переводчиков Посольского приказа. И как раз обращение к деятельности посольских переводчиков помогает объяснить весь эпизод из «Дневника» Корба, поскольку есть свидетельства того, что и в XVI

Петровской эпохи, ср. в трактате Н. М. Карамзина «Записка о древней и новой России» (1811): «Вельможи стали жить открытым домом; их супруги и дочери вышли из непроницаемых теремов своих; балы, ужины соединили один пол с другим в шумных залах» (*Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 34).

и XVII вв. переводчики рассказывали всякие были и небылицы иностранным посланникам. Самым известным является рассказ Д. Герасимова, записанный в 1525 г. Павлом Иовием: «Посол Димитрий, отличающийся веселым и остроумным характером, рассказывал при громком смехе всех присутствующих, что в недавнее время один поселянин, живший по соседству с ним, прыгнул сверху для отыскания меда в очень большое дуплистое дерево, и глубокая медовая пучина засосала его по грудь; два дня он питался одним только медом, так как голос мольбы о помощи не мог в этих уединенных лесах достигнуть до ушей путников. Напоследок же, когда он уже отчаялся в спасении, он по удивительной случайности был извлечен и выбрался оттуда благодеянием огромной медведицы, так как этот зверь случайно, подобно человеку, спустился туда поесть меду. Именно: поселянин схватился руками сзади за крестец медведицы, та перепугалась от этой неожиданности, а он заставил ее выпрыгнуть как тем, что потянул ее, так и тем, что громко закричал».²⁰

В этом рассказе примечательно то, что сюжет, известный по целому ряду литературных обработок XVI–

²⁰ *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. *Павел Иовий Номоканонский.* Книга о московском посольстве / Введ., пер. и примеч. А. И. Малеина. СПб., 1908. С. 66–67.

XVII вв. и фольклорным записям,²¹ Герасимов излагает как случай, происшедший с его соседом. Почти в те же годы Герасимов рассказал другому иностранцу, С. Герберштейну (и опять-таки с авторитетной ссылкой на своего отца), об одном растении, из семени которого, зарытого в землю, вырастает ягненочек «в пять пядей вышиною». Герберштейн не был вполне уверен в правдивости услышанного: «Хотя этот рассказ о семени и растении я считаю за вымысел, однако и прежде приводил его, так как слышал его от людей отнюдь не пустых».²²

Приведем и другие примеры. В 1578 г. Иоганн Бох слышал в России рассказ о том, что зимою на Днепре слова путешествующих людей замерзают, а весной оттаивают — мотив, известный античным писателям, встречающийся у Рабле, Б. Кастильоне и др. Таковы, наконец, анекдоты об Иване Грозном, записанные врачом царя Алексея Михайловича С. Коллинзом, в основе которых лежат опять-таки западные источники.²³ И всякий раз для придания небылицам пушей достоверности они рассказываются со ссылкой на авторитет, речь в них идет о «соседе нашем ближнем».

²¹ См.: *Krzyżanowski J. Paralele: Studia porównawcze z pogranicza literatury i folkloru. Warszawa, 1977. S. 169–179.*

²² *Герберштейн С. Записки о московитских делах. С. 159.*

Имена переводчиков Посольского приказа, которые общались с Корбом, известны: это Семен Лаврецкий и Иван Тяжкогорский. Оба являлись не просто сотрудниками Посольского приказа, но и деятельными литераторами. В особенности это относится к Семену Федоровичу Лаврецкому, который, в частности, еще в 1675–1677 гг. перевел более трехсот «прикладов» из «Великого Зеркала» и с техникой новеллы был, безусловно, знаком. Он неоднократно ездил в зарубежные «посылки», а по сообщению самого Корба, «был родом поляк и принадлежал к ордену св. Доминика, но потом отступил от своей веры и принял русскую». ²⁴ Одним словом, пути ознакомления Лаврецкого, как и других переводчиков, с западноевропейской новеллой вовсе не ограничивались только теми книжками, что бытовали в читательском обиходе в Москве.

Учитывая ситуацию, в которой балагурил Д. Герасимов, можно полагать, что новелла, поведенная Корбу кем-то из переводчиков, носила чисто рекреативный

²³ См.: Алексеев М. П. 1) К анекдотам об Иване Грозном у С. Коллинза // Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. Л., 1983. С. 43–48; 2) Юрий Крижанич и фольклор московской иноземной слободы // Там же. С. 58–63; *Krzyżanowski J. Paralele*. S. 643–650.

²⁴ Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию. С. 46. См. также: Письма и донесения иезуитов о России. СПб., 1904. С. 32, 237.

характер. Педантичный Корб принял рассказ за чистую монету, и усилия рассказчика пропали даром, если он, конечно, не собирался просто подшутить над доверчивым дипломатом. Подшутить над доверчивостью иностранца, вообще-то, очень русская привычка, ср. запись в «Старой записной книжке» П. А. Вяземского: «За границую из двадцати человек, узнавших, что вы русский, пятнадцать спросят вас, правда ли, что в России замораживают себе носы? Н. Н. уверял одного из подобных вопросителей, что в сильные морозы от колес под каретою по снегу происходит скрип и что ловкие кучера так повертывают каретою, чтобы наигрывать или наскрипывать мелодии из разных народных песней. — Это должно быть очень забавно, заметил тот, выпуча удивленные глаза».²⁵

С точки зрения истории русской литературы, бытование такой новеллы в устной культуре вполне уместно. Как раз на рубеж XVII–XVIII вв. приходится формирование новеллистической поэтики: вслед за переводом с польского «Фацеций» появляются и оригинальные новеллы — литература училась смеяться, смеяться безудержно, без оглядки на мораль.²⁶ Появляется и своя терминология: «издевки смехотворны

²⁵ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8. С. 482.

²⁶ См.: История русской литературы: В 4-х т. Л., 1980. Т. 1. С. 369–384 (раздел написан А. М. Панченко).

московски»²⁷ или «старорусская врачка».²⁸ Шло художественное освоение быта новеллой. Но процесс был двусторонним, и в этом отношении свидетельство Корба драгоценно: новелла не только осваивала, но сама входила в быт и теснила в жанрах устной культуры привычный фольклорный репертуар.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Отрывок из «Дневника» И. Г. Корба в переводе начала XVIII в.

Диариум или повседневное описание путешествия к Москве ясновелможного господина Игнатия Христофора шляхтича Деквардиен и Ралл <...> описанное от Иоанна Георгия Корба, секретаря посланничества цесарского.

Сими днями некоторой подьячей ис приказу так же у некоторого подьячего з женами своими были на пиру. Понравилася ¹⁻самая лутчая⁻¹ зело гостю, которой иным пир при-

²⁷ Державина О. А. Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XVII в. М., 1962. С. 104.

²⁸ Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М., 1975. С. 477.

¹⁻¹ *Доб., в ркп. нет.* В тексте явный пропуск: либо при переводе пропущено слово *pulcherřima* («самая лутчая», как переведено далее), либо оно опущено в данном списке.

пасал, то с обмана, которой всегда на сердце держал, зело принуждал всех жен к питию. Усмотрили некоторые обманчивой совет, и гостеву жену, у которого пили, ровною обманною великими стаканами перепивали. Все вином напився и на земли легли, перво гость любовию запален, где любимая легла, усматривал, там бы лутче и он место могл имети. Свечю погасил и иных лишних мужей в ыную комнату и еще вина довольно им дал. Все пьяни пошли спать, где женской пол лежат. Гость на то место пошел, где самая лутчая легла, которая очми его желание и думу исполняла. И он глупый гость первого места не прошел, но власную жену вместо гостиной, на то место положил. Гость без свечи ничего жене не делал, первого намерения наполнен, жену свою не ведая, всякими обманами принудил, последнюю любовь явив, волю свою с нею сотворил. Не зная, что ево жена, многих и иных к тому блюду понудил, что в пьянстве ни во что вменили. Гость после пиру начал смеяться, что не толко к еже и питию, но и ко власной жене своей зазвал, и тому блюду зело все смеялись.

РЫЦАРСКАЯ ИДЕЯ В ПОХОРОННОМ ОБРЯДЕ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

В 1846 г. П. А. Вяземский с сожалением заметил в записной книжке, что у нас «нет слова *patriotisme*, *patriote*».¹ Но Вяземский сокрушался напрасно. Слово «патриот» в русском языке встречается со времен Петра I, причем обычно оно пояснялось столь знаменательным для русской культуры сочетанием «сын отечества». Уже первая фиксация этого сочетания не оставляет сомнений в его смысловом наполнении: в 1717 г. П. П. Шафиров в «Рассуждении, какие законные причины е. ц. в. Петр Первый <...> к начатию войны против Короля Карола 12 шведского 1700 году имел» к словам «верных патриотов» сделал глоссу «сынов

¹ *Вяземский П.* Записные книжки. М., 1992. С. 250.

отечества».² Из «верных рабов» Петр хотел воспитать граждан, «служение государю» заменить «служением отечеству», «общему благу» государства.³ Для воспитания «сынов отечества» (а это в первую очередь его защитники) Петр взял на вооружение, как идеал дворянина-аристократа, идею рыцарства, которая в России приняла прихотливые формы, образуя неразрывное театральное-изобразительно-литературное единство.

В делах Посольского приказа, относящихся к истории русского театра, сохранился следующий документ: «1707 г. февраля в 21 день по приказу дьяков Ивана Волкова, Михайла Родостамова отдано ис комедийной храмины латы добрые всея воинския одежды, и с наручи, и с руками, и что на главу налагают комедиянту иноземцу Артемью Фиршту для того, что велено ему

² См.: Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по истории исторической лексикологии русского языка XVIII в.: Языковые контакты и заимствования. Л., 1972. С. 133; ср.: Веселитский В. В. Из наблюдений над языком произведений А. Д. Кантемира (общественно-гражданская лексика) // Процессы формирования лексики русского литературного языка. (От Кантемира до Карамзина). М.; Л., 1966. С. 41.

³ См.: Черная Л. А. От идеи «служения государю» к идее «служения отечеству» в русской общественной мысли второй половины XVII — начала XVIII в. // Общественная мысль: Исследования и публикации. М., 1989. Вып. 1. С. 28–43.

по приказу столника Ивана Федоровича Головина привести те латы на двор к нему для действия чина при погребении отца ево, боярина Феодора Алексеевича, и те латы привести ему назад в комедию».⁴

«Иноземец Артемий Фиршт» — это золотых дел мастер Отто Фюрст, в 1704 г. ставший во главе театральной труппы публичного театра взамен скончавшегося в конце 1703 г. Иоганна Кунста. Покойный «боярин Феодор Алексеевич» — один из ближайших сподвижников Петра I Ф. А. Головин (ок. 1650–1706): вместе с Ф. Лефортом он возглавлял Великое посольство в Европу, первым из бояр сбрил бороду, был первым кавалером ордена Андрея Первозванного, первым фельдмаршалом, вторым генерал-адмиралом и т. д. и т. п.⁵ В его подчинении было несколько важнейших приказов, в том числе и Посольский, в ведении которого находились «комедиянты» Отто Фюрста.

Петр любил Головина и искренне скорбел о нем, письмо Ф. М. Апраксину с извещением о смерти Го-

⁴ Московский театр при царях Алексее и Петре / Материалы, собр. С. К. Богоявленским. М., 1914. С. 143. «Чин» в данном контексте означает церемонию.

⁵ См.: *Бантыш-Каменский Д. Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840. Ч. 1. С. 1–27; Родословная Головиных, владельцев села Новоспаского / Собр. П. К[азанским]. М., 1847. С. 179–209.

ловина он завершил словами: «Сие возвещает печали исполненный Петр». ⁶ О погребении он заботился особенно и в январе 1707 г. неоднократно напоминал Ф. М. Апраксину и Ф. Ю. Ромодановскому: «О погребении адмирала також впредь будет к вам отписано», «К погребению адмирала изволь чинить приуготовление, а когда все будет изготовлено, то немедленно о погребении указ к вам будет прислан». ⁷

Похороны Головина состоялись в Москве 22 февраля 1707 г. Словесное описание церемонии неизвестно, но узнать для чего понадобились Фюрсту «латы добрые всея воинския одежды» просто. Сохранилась гравюра того времени, изображающая всю пышную погребальную процессию, в середине которой, перед певчими, едет всадник («латник») в полном рыцарском облачении с опущенным забралом и обнаженным мечом в руках, опущенным острием вниз. ⁸

Сколь ни удивительно зрелище средневекового западноевропейского рыцаря, въезжающего в Симоновский монастырь, это не курьез петровского времени

⁶ Голиков И. Деяния Петра Великого. М., 1788. Ч. 2. С. 335.

⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1907. Т. 5. С. 33, 50.

⁸ БАН. Собр. гравюр. № 356. См.: Русская светская гравюра первой четверти XVIII в. Аннотированный сводный каталог / Сост. В. К. Макаров. Л., 1973. С. 129 (№ 18).

и вовсе не исключительный случай в русской истории петербургского периода. Рыцари неизменно появлялись на похоронах русских императоров. В описании огромной похоронной процессии 10 марта 1725 г., в котором сам гроб Петра I значился под № 140, под № 95 идет следующее описание: «В позлащенных латах из шталмейстеров Козма Теремницкой ехал на лошади со обнаженным мечем; на лошади седло шитое с богатым убором; у того латника на шлеме, также и у лошади на голове и на хрестце, плюмажные кусты из красных и белых перьев; по обе стороны ево шли два драбанта в черном платье и епанчах с алебардами». Под № 96: «В черных латах артиллерии капитан-лейтенант Вилмут шел, держа меч вниз, обвит ефес черным флором, на голове плюмажной куст из черных же перьев».⁹ В церкви оба латника стояли у изголовья гроба.

⁹ Описание порядка, держанного при погребении блаженный высокочеловечный и вечнодостоинейший памяти всепресветлейший державнейший Петра Великого, императора и самодержца все-российского <...>. СПб., 1725. Без пагинации, лист с сигнатурой Д. Ср.: Голиков И. Деяния Петра Великого. М., 1789. Ч. 9. С. 237; [Феофан Прокопович]. Краткая повесть о смерти Петра Великого, императора все-российского. СПб., 1819. С. 32. См. также акварель (свиток) 1725 г. неизвестного художника «Церемония о погребении его императорского величества Петра Первого и государыни цесаревны Наталии Петровны» (РНБ. Собр. рисунков,

Два рыцаря, в золотых и черных латах, участвовали в церемонии погребения императрицы Елизаветы Петровны,¹⁰ Петра III и Екатерины II,¹¹ Николая I,¹²

без номера) и рисунок с изображением похорон царицы Марфы Матвеевны 1715 г. (РНБ. Собр. рисунков, ф. 712, № 1220). — Эти и ряд других изобразительных материалов любезно указали мне М. А. Алексеева и В. М. Загребин, за что я им искренне признателен. См. также: *Алексеева М. А.* Изображения коронационных и погребальных церемоний XVIII в. Изданные и неизданные альбомы // *Вспомогательные исторические дисциплины*. СПб., 1998. Т. 26. С. 233, 236–237; *Логунова М.* Печальные ритуалы императорской России. М., 2011.

¹⁰ См. изображение всей церемонии: БАН. Фонд рукописных карт. Оп. 1. № 263. Отдельный лист с изображением только двух рыцарей для этой церемонии (рисунок тушью): ГРМ. Отдел рисунка. № Р38006.

¹¹ См.: БАН. Собр. Никольского. № 177. Л. 115 об.–116.

¹² См.: Описание погребения блаженной памяти императора Николая I с присовокуплением исторического очерка погребения царей и императоров всероссийских и некоторых других европейских государей. СПб., 1855. С. 95. В 1856 г. вышел альбом «Рисунки» к этому изданию; рыцари изображены на илл. XVI (№ 73, 74). В 1856 г. «Описание» и «Рисунки» были изданы в Петербурге и на французском языке. См. также: *Гендриков В. Б.* Траурные церемонии // *Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия в 3 т. Т. 1: Осьмнадцатое столетие*. 2-е изд., испр. СПб.; М., 2003. Кн. 2: Н–Я. С. 406–408; *Hughes L.* The Funerals of the Russian Emperors and Empresses // *Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter*. 2003. № 31. P. 3–8.

Александра III,¹³ а также польского короля Станислава Августа Понятовского.¹⁴

Яркое описание похорон Александра II в 1881 г. сохранили воспоминания замечательного художника и историка русского искусства А. Н. Бенуа. Он наблюдал процессию из окна Академии художеств и был ею разочарован. «Разочаровался я и в том, что ожидал с наибольшим трепетом, а именно в «рыцарях». По церемониалу, установленному еще Петром I, погребальное шествие высокопоставленных лиц (а тем паче государя) должно было, на манер того, что происходило в других европейских государствах, включать в себя и геральдическое изображение Жизни и Смерти. Жизнь была представлена закованным в золотую броню рыцарем, верхом на покрытом золотой парчой коне. Смерть же олицетворял рыцарь в черных доспехах, следовавший пешком. Эти рыцари, наконец, и появились, но золотого как-то оттиснули другие группы, так что я его заметил только тогда, когда он уже готов был исчезнуть из моего поля зрения, а черный рыцарь с опущенным забралом шел такой ковыляющей походкой, его так качало во все стороны,

¹³ См.: *Энгельгарт Б.* Воспоминания камер-пажа // Балтийский архив. Таллинн, 1997. Т. 3. С. 158–165.

¹⁴ *Огаркова Н. А.* Церемонии, празднества, музыка русского двора. XVIII — начало XIX века. СПб., 2004. С. 102–111.

он так волочил ноги, что можно было заподозрить его в крайней степени нетрезвости».¹⁵ Подробное описание того же церемониала сохранил сын Н. С. Лескова, тоже обративший внимание на рыцарей: «Шествие начиналось от Зимнего дворца ровно в полдень. Лично я созерцал его в упор, стоя в строю, в начале Английской набережной, тылом к Неве. На противоположной стороне набережной, тылом к домам, фронтом к Неве, стояли шпалерами войсковые части.

Маршрут шествия тянулся верст па шесть: Дворцовая, Адмиралтейская и Английская набережные, Николаевский мост, 1-я линия Васильевского острова, Тучков мост, Александровский парк, Иоанновские ворота крепости.

Видел я все великолепно. В процессии было немало скучноватого, но и масса очень яркого и красивого. Гвоздем ее являлся, как говорилось в церемониале, «латник», вернее же — рыцарь, ехавший на белом коне, в золотых доспехах, с белыми страусовыми перьями на золотом шлеме, с поднятым забралом и с обнаженным мечом в руке. Но еще большее, по контрасту, впечатление производил тяжело выступавший дальше «латник пеший», в черной броне, в шлеме с черными

¹⁵ *Бенуа А.* Мои воспоминания: В 5-ти кн. М., 1980. Кн. 1–3. С. 385.

страусовыми перьями, с приспущенным забралом и с опущенным долу мечом. За ним несли «печальное знамя из черной тафты» и «за оным» вели лошадь в черном уборе.

Так символизировались восшедший на престол и сошедший в могилу императоры.

Потом шел столичный магистрат, министры, герольды, небольшие отделения блестящей гвардейской кавалерии несли многочисленные короны входивших когда-то в состав России царств и княжеств, державу, скипетр, императорскую корону. Далее следовало придворное духовенство с царским духовником Бажановым. Наконец появлялась печальная колесница со стоящими у ее штангов и держащими кисти ее балдахина генерал-адъютантами и свитскими генералами.

Непосредственно за ней следовал новый венценосец.

Всеми было замечено, что черный рыцарь идет трудно. Вскоре по городу распространился слух, что ражий мелкий чиновничек, согласившийся за сотню рублей изображать императора, сошедшего в сень смертную, ошибся в своей силе, надорвался и, кое-как дойдя до крепости, свалился и, день-два спустя сам лег в могилу».¹⁶

¹⁶ Лесков А. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 142–143.

Объяснение символики возможно и другое. В середине XIX в. издатели описания церемонии похорон Петра I писали: «Белое знамя с лошадью оно, равно как всадник в позлащенных латах, выражает, что память усопшей особы не умрет и будет утешением для тех, кто оплакивает потерю ее. В белом знамени видят также эмблему воскресения из мертвых к вечной жизни; равным образом оно представляет основание законной власти государей Божиею милостию. <...> По мнению других, золотой латник исполняет собою почившего на походной лошади, а черный латник оруженосца его, следовавшего всегда за его боевой лошадью».¹⁷ Безусловно, и это объяснение не исчерпывает богатой символики рыцарей.¹⁸

Из этих описаний заметно и отличие императорских рыцарей от латника на похоронах Головина: здесь только один рыцарь и цвет лат никак не оговорен. Это не забывчивость устроителей церемонии, другие свидетельства подтверждают возможность присутствия только одного рыцаря. В 1699 г. на похоронах любимцев Петра I генерала Патрика Гордона и адмирала

¹⁷ Описание погребения... С. 45.

¹⁸ Ср.: Емвлемы и символы избранные, на российский, латинский, французский, немецкий и английский язык преложены. СПб., 1788. С. 14, 126, 128; *Vries A. de. Dictionary of symbols and imagery.* Amsterdam; London, 1974. P. 286–287.

Франца Лефорта было по одному латнику в черных латах.¹⁹ Дипломат камер-юнкер Ф. В. Берхгольц вспоминает, что в январе 1722 г. в похоронной процессии генерала Ф. М. Кантакузена «ехал на огромной и дикой лошади всадник, весь в латах».²⁰ Через несколько дней состоялись похороны генерал-поручика П. М. Голицына. Эти похороны Берхгольц уже подробно не описывает, а лишь замечает, что «процессия была та же, что и при погребении князя Кантакузена, с тою только разницею, что во избежание тесноты по обеим сторонам шли солдаты».²¹ Ясно, что и тут был рыцарь.

Таким образом, при Петре I на похоронах генералов присутствовал рыцарь. Сразу отметим, что рыцарей еще не было на похоронах царя Федора Алексеевича (на которых присутствовал и малолетний Петр),²² а также при погребении цариц и царевен,²³ духовных лиц (например, Феофана Прокоповича)²⁴ и проч. Один

¹⁹ См.: Описание погребения... С. 7; Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1865. Т. 3. С. 265.

²⁰ Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. М., 1902. Ч. 2. С. 34.

²¹ Там же. С. 37.

²² См.: Современник. 1849. № 8. С. 58–71.

²³ Например, царевны Татьяны Михайловны в 1706 г., см.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 4. С. 354–356.

²⁴ См.: Христианское чтение. 1882. № 1–2. С. 268–272.

рыцарь был только в погребальной процессии военачальников и введен такой обычай самим Петром. Право на новации подобного рода было задним числом оговорено Феофаном Прокоповичем в «Правде воли монаршей» (1722): «Может монарх государь законно повелевати народу не только все, что к знатной пользе отечества своего потребно, но и все, что ему ни понравится, только бы народу не вредно и воли Божией не противно было. <...> Сюда надлежат всякие обряды гражданские и церковные, перемены обычаев, употребление платья, домов строения, чины и церемонии в пиروваниях, свадьбах, погребениях и прочая, и прочая, и прочая».²⁵

Рыцари на императорских похоронах, как бы ни толковать их символику, это некоторая аллегория государственности, в этом отношении особенно показательно присутствие рыцарей в похоронной процессии императрицы Елизаветы Петровны. Рыцарь же на похоронах военачальников, несомненно — персонифицированное достоинство покойного. С течением времени рыцари в погребальной церемонии стали восприниматься как арабески культуры и этим вызывать жгучее любопытство у одиннадцатилетнего мальчика Бенуа.

²⁵ Полное собрание законов... Т. 7. С. 628. См.: *Николаев С.* *Ротра funebris* в Санкт-Петербурге в первой половине XVIII в. // *Europa Orientalis*. 1997. Vol. 16/1. P. 179–188.

Тем не менее, удивительна живучесть средневекового обычая, пережившего эпоху Великих реформ!

Для чего Петр ввел в похоронный обряд рыцаря? Очевидно, что в Москве начала XVIII в. рыцарь выглядел еще более дико, чем бритые подбородки или «немецкое платье». Последние были хотя бы известны по обывателям Немецкой слободы, в то время как полное рыцарское облачение никогда не входило в обмундирование русской армии, а под «латами» подразумевалась, собственно, только кираса. Правда, в Оружейной палате хранились рыцарские латы, подаренные в XVII в. русским царям иностранными послами, в «Букваре» Кариона Истомина (1694) половина буквиц изображают рыцарей, тем не менее переводчики XVII в. не всегда понимали описания турниров в переводимых ими романах,²⁶ а в Посольском приказе в 1707 г. не смогли толком назвать всю рыцарскую утварь (ср.: «что на главу налагают»), а роль рыцаря поручена «комедиянту» хоть не по призванию, так по должности.

Петр, с величайшим почтением относившийся к «печальным» процессиям и охотно в них участвовавший, ввел эту театрализацию не для забавы. Заимствуя обряд, царь вряд ли думал о средневековом рыцарстве и вряд ли имел о нем твердое понятие, но в обряде

²⁶ См.: История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 3. С. 15.

появления рыцарей на похоронах, издавна распространенном в Европе,²⁷ он прозорливо угадал идею рыцарского этоса,²⁸ возникшую еще в античности. Причем он не ошибался: само классическое Средневековье и полагало, что рыцарство родилось в античности. Кретьен де Труа в XII в. писал: «Впервые рыцарство и духовенство приобрели славу в Греции; затем рыцарственность вместе с высшей образованностью перешли к Риму, а ныне процветают во Франции, и дай Бог, чтобы они никогда ее не покинули».²⁹ О древности рыцарства вскоре мог узнать каждый и в России из переведенной с французского и изданной в Москве в 1710 г. книге А. Шхонебека «История о ординах или чинах воинских»: «Термин кавалерский, которого греки имянуют ιπλεύς, латини eques, италианцы cauallere, гишпанцы caullero, немцы Ritter, англенты knigt, галанцы Ridder, в сем сенсе токмо знаменует человека, которой служит своему государю на коне. Употребление сего есть зело древнее и было зело извычайно

²⁷ См.: Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 1988. С. 278.

²⁸ См.: Huizinga J. Men and ideas. New York, 1960. P. 77–96; Ossowska M. Ethos rycerski i jego odmiany. Warszawa, 1986; Хейзинга Й. Об исторических жизненных идеалах и другие лекции. London, 1992. С. 91–117; Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. М., 1987.

²⁹ Цит. по кн.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 119.

также и между евреями, между греками, и между древними римляны». ³⁰ К античности восходит и обычай участия в похоронной церемонии мима, изображавшего покойного. ³¹ За рыцарскими латами проглядывают римские доблести — новые образцы для подражания, входившие при Петре в русскую паренетическую литературу в переводах как античных памятников, так и их позднейших реплик и пересказов. Фактически это был один из элементов воплощавшейся Петром фундаментальной идеи средневековой теории культуры *translatio imperii* (переноса власти). ³²

Глорификация *homo militans*, человека воюющего, имела и более узкий, прикладной характер, как одно из средств создания дворянской элиты, «рыцарского сословия». В начале XVIII в. слово «дворянин» еще не носило привычного нам оттенка «благородства», поэтому в русском политическом лексиконе (в том

³⁰ История о ординах или чинах воинских, паче же кавалерских. М., 1710. С. 6–7.

³¹ См.: *Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей.* М., 1964. С. 202.

³² См.: *Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Художественный язык Средневековья.* М., 1982. С. 236–239; *Буланин Д. М. Translatio studii: Путь к русским Афинам // Пути и миражи русской культуры.* СПб., 1994. С. 87–154.

числе самого Петра) появляется, за неимением лучшего, полонизм «шляхетство». «Шляхетство» прочно входит в обиход и даже открытое после смерти Петра привилегированное учебное заведение было названо Сухопутный шляхетный корпус, сохранившее (и надолго) в обиходе название «рыцарская академия».³³ Сама же идея основания в России «рыцарской академии» (так ее называла «Europäische Fama») появилась в первые годы XVIII в.³⁴ Надо полагать, что и введенная Петром система орденских отличий тоже была одним из элементов создания «рыцарского сословия» через рыцарские ритуалы.

В России интерес к рыцарству на рубеже XVII–XVIII вв. был вовсе не шуточный. В 1698 г. два ближайших сподвижника Петра I — Б. П. Шереметев и П. А. Толстой — посетили даже настоящих рыцарей, мальтийских. Шереметев в Вене говорил, что «путь его лежит на остров Мальту, в лоно мальтийских кавалеров», «дабы, видев их храброе и отважное усер-

³³ См.: *Столянский П.* Из прошлого Рыцарской Академии // Педагогический сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. Январь 1915. Пг. 1915. С. 38–60; *Берков П. Н.* У истоков дворянской литературы XVIII века: Поэт Михаил Собакин // Литературное наследство. М., 1933. Т. 9–10. С. 424, 426; *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М., 1990. С. 8, 9.

³⁴ См.: *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 136.

дие, большую себе воспрियाи к воинской способности охоту».³⁵ Хотя истинные мотивы поездки носили более прозаический политический характер,³⁶ он с нескрываемой гордостью явился в Москву с мальтийским крестом, с которым всегда изображался на портретах. Его «кавалерство» не было забыто и после смерти. Гавриил Бужинский в надгробном слове Шереметеву говорил: «Воздаде Рим сему почествование, но, что паче, самая Малта, школа и училище кавалерское, увидевше сего благоразумие и искусство, кавалерским святаго Андреа почте саном».³⁷ А Толстой оставил в своем статейном списке подробное описание жизни и обычаев мальтийских рыцарей.³⁸

³⁵ Цит. по кн.: *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 16.

³⁶ Ср.: *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX в.). СПб., 1994. С. 290. См. также: *Андреев А., Захаров В., Настенко И.* История Мальтийского ордена. М., 1999. С. 110–124; *Погосян Е. А.* К проблеме мальтийской символики в русской культуре периода царствования Павла I // Пути развития русской литературы. (Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 883: Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение). Тарту, 1990. С. 3–18.

³⁷ Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727) / Издал Е. Петухов. Юрьев, 1901. С. 320–321.

³⁸ См.: Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699. М., 1992. С. 157–174.

Но это материалы документальные, а вот беспристрастное свидетельство массовой беллетристики. Герой Повести о российском кавалере Александре неоднократно сражается в полном рыцарском облачении с опущенным забралом в конном и пешем строю на мечах и копьях. Бывал Александр и на Мальте, одним из его спутников был «малтиский ковалер, силен и славен zelo, имянем Тигранор»,³⁹ а еще двадцать шесть мальтийских рыцарей бросаются на выручку Александру даже в Англию, где «великую ребелию учинили»⁴⁰ и т. д. и т. п. Героя другой популярной повести 1730-х гг., Францеля Венециана, ратному делу обучают тоже мальтийские рыцари.⁴¹ Дух рыцарства и рыцарские реалии в этих повестях совершенно отчетливы. Конечно, для реальной Европы начала XVIII в. приключения и рыцарские номинации героев-россиян — вопиющий анахронизм; признаться, невелико и художественное приобретение для русской литературы, уже познакомившейся к тому времени с политическими романами Фенелона и Баркляя. Но все же царивший в обществе дух рыцарства отражен в повес-

³⁹ Русские повести первой трети XVIII в. / Исслед. и подгот. текстов Г. Н. Моисеевой. М.; Л., 1965. С. 255.

⁴⁰ Там же. С. 264.

⁴¹ См.: *Пытин А. Н.* Для любителей книжной старины. М., 1888. С. 60.

тях верно. В соответствии с этим духом и пафосом вполне уместно было и отождествление Петра I с предводителем крестоносцев Готфридом Бульонским в поставленной после победоносного Персидского похода пьесе «Диалог о Гофреде, победившем сарацины» (1722). В пьесе же «Слава печальная» (1725), посвященной памяти «отца отечества», Петр уже просто именуется «российским рыцарем».⁴²

Между тем конвенциональный характер рыцарского антуража при Петре I осознавался и никого не вводил в заблуждение. На парадных портретах и сам Петр и его соратники изображены в латах, но на полотне И.-Г. Таннауэра «Петр I в Полтавской битве» (1710-е гг.) царь в первоначальном варианте был одет в латы, и лишь потом «переодет» в преображенный мундир.⁴³ Феофан Прокопович, описывая известный эпизод с пробитой шляпой Петра в слове 1709 г. «о преславной над войсками свейскими победе», говорил: «Приближилася бяше (еже не без страха и трепета воспоминаем), приближилася бяше смерть явная ко боговен-

⁴² Пьесы школьных театров Москвы. М., 1974. С. 299. Дальнейшей разработке темы посвящена глава «Рыцарская тема в литературе первой половины XVIII века» в кн.: *Люстров М. Ю.* Старинные русские послания (XVII–XVIII век). М., 2000. С. 42–50.

⁴³ См.: *Евангулова О. С.* Изобразительное искусство в России первой четверти XVIII в. М., 1987. С. 130.

чанной главе твоей, егда железный желюд пройде сквозе шлем твой».⁴⁴ Через восемь лет в «Слове похвальном о баталии Полтавской» (1717) того же Феофана этикетный «шлем» был заменен «шляпой драгоценной»: «Пишут историки, которыи Российское государство описуют, что ни на едином европейском государе не видети есть так драгоценной короны, как на монархе россияем. Но отселе уже не корону, но шляпу сию цареву разсуждайте и со удивлением описуйте».⁴⁵ Возможно, эти исправления в пользу исторической достоверности были сделаны в обоих случаях не без участия Петра. Берхгольц замечает, что в 1723 г., в годовщину Полтавской битвы, «на императоре пред обедом был опять старый синий шведский (так! — *С. И.*) мундир, который он имел в Полтавском сражении, а на кн. Меншикове кафтан и шпага, служившие ему в том же сражении, которых он не снимал и во весь день».⁴⁶ Между идеальным и реальным, между церемониалом и бытом была определенная граница, и ее смещение в эпоху «романтического императора» Павла I, который попытался воплотить в жизнь консервативно-рыцарскую утопию, имело плачевные

⁴⁴ *Феофан Прокопович.* Сочинения / Под ред. И. П. Еремина. М.: Л., 1961. С. 31.

⁴⁵ Там же. С. 57.

⁴⁶ Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. Ч. 3. С. 95–96.

последствия для самой рыцарской идеи.⁴⁷ Для национальной политической мифологии «шляпа» и «кафтан» оказались не менее важными, чем эмблематические латы парадных портретов и погребальных шествий.

Вернемся к похоронам Ф. Головина. Можно полагать, что Фюрст в латах являл собою персонифицированное рыцарское достоинство покойного фельдмаршала.⁴⁸ Какова была его роль в «действии чина при

⁴⁷ См.: *Эйдельман Н. Я.* Грань веков: Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX ст. М., 1986. С. 68–85.

⁴⁸ В данном случае речь идет о «репрезентации» как реституции («репрезентация» здесь употребляется в том же значении, что и у К. Гинзбурга в статье «Репрезентация: слово, идея, вещь» (Новое литературное обозрение. 1998. № 33. С. 5–21). Ярким примером репрезентации как реституции является, по нашему мнению, и так называемая «Восковая персоне» Б. Растрелли. До сих пор ее истинное значение окончательно не выяснено (ср.: *Шарая Н. М.* Восковая персоне. Л., 1963. С. 6–9, 21). Действительно, ее трудно назвать просто статуей в прямом смысле слова, поскольку для ее изготовления использована посмертная маска Петра I, а сама «персоне» одета в его подлинное платье, в котором он был на коронации Екатерины I. Скорее всего, здесь мы имеем дело с репликой похоронного обряда европейских королей и императоров, во время которых использовалось восковое изображение покойного (*лат. effigies*). См.: *Giesey R. E.* The royal funeral Ceremony in renaissance France. Genève, 1960. P. 145–175 (Глава «The Effigy as the King alive»). Возможно, что именно эта функция «Восковой персоне» и способствовала порождению уже в XVIII в. разных слухов и толков о «Восковой персоне», см. сводку

погребении», кроме того, что он ехал на коне в процессии? Никаких твердых показаний по этому поводу нет, не упомянута церемония и в «Уставе воинском» 1716 г. Поскольку обряд заимствованный, можно обратиться к его истории в других странах, в частности, в соседней Польше, где впервые архимим-рыцарь появился в конце XIV в.⁴⁹ На похоронах военачальников рыцарь на скаку врывается в костел, поднимал у гроба коня на дыбы, бросал оземь меч и сам падал на пол с оглушительным грохотом — это был последний взрыв жизни у смертного одра.⁵⁰ Хотя финальный эпизод всего действия — небезопасный как для рыцаря, так и для окружающих — иногда горячо осуждался, он сохранился до XIX в., а в 1820-х гг. обряд с падением рыцаря был полностью исполнен в Варшаве на панихиде по Александру I.⁵¹

Было ли что-то подобное в России, сказать трудно — источники молчат, но в любом случае не обходилось

сведений в кн.: *Блумбаум А.* Конструкция мнимости: К поэтике «Восковой персоны» Юрия Тынянова. СПб., 2002.

⁴⁹ См.: *Chrościcki J.* Pompa funebris: Z dziejów kultury staropolskiej. Warszawa, 1974. S. 86; *Łoziński W.* Życie polskie w dawnych wiekach. Kraków, 1978. S. 215; *Rok B.* Zagadnienie śmierci w kulturze Rzeczypospolitej czasów saskich. Wrocław, 1991. S. 176–182.

⁵⁰ См.: *Софронова Л. А.* Поэтика славянского театра XVII — первой половины XVIII в. М., 1981. С. 67.

⁵¹ См.: *Chrościcki J.* Pompa funebris. S. 86–87.

без курьезов — рыцарская доля была тяжела. Известно, например, что при перезахоронении Петра III в 1796 г., когда Павел I перенес его останки в царскую усыпальницу в Петропавловский собор, рыцарь порядочно потерпел от мороза.⁵² В уже цитированных воспоминаниях А. Н. Бенуа рассказ о втором рыцаре заканчивается печально: «Потом рассказывали, что, дойдя до крепости, это несчастный пеший «рыцарь смерти» свалился в беспамятстве, а по другим сведениям он даже умер, — несмотря на то, что для этой роли нашелся какой-то доброволец мясник с Сеной, знаменитый своей атлетической силой. Видимо, и сам Геркулес не смог бы одолеть весь этот бесконечный путь в пять, по крайней мере, верст, пешком, местами по скользкому снегу, коченея от холода, неся на своем теле пуда два железа и стали. Ведь его «доспехи» не были бутафорскими, а то были подлинные исторические латы XVI в., выданные на этот случай из императорского царскосельского арсенала...».⁵³

⁵² См.: Пыляев М. И. Старый Петербург. Л., 1990. С. 29.

⁵³ Бенуа А. Мои воспоминания. Кн. 1–3. С. 385.

ПРИТЧА О НЕМЦАХ, ФРАНЦУЗАХ И РУССКИХ У Н. ЛЕСКОВА

В 1862 г. Н. С. Лесков в числе первых своих беллетристических произведений опубликовал рассказ «В тарантасе».¹ Его герои ведут досужие дорожные беседы; наконец, слово получает живущий «по древнему благочестию» Анфалов. В ответ на реплику одного из путешествующих «И отчего бы это воровство было в нашем народе?», он поведал следующую историю, которую «от верных людей слышал». В некоторой «сборной стране», «в которой всех концев

¹ См.: Северная пчела. 1862. № 108. 23 апреля. Далее рассказ цитируется по кн.: *Стебницкий М.* Три рассказа. СПб., 1863. С. 43–51. Рассказ переиздан в кн.: *Лесков Н. С.* Полное собрание сочинений. М., 1996. Т. 1. С. 131–143.

люди согнаны были и вместе слову Божию поучались», ходил странник. Нечестивый царь велел схватить его, пригвоздить к доске и пронзить стрелами. По пути к месту казни он говорит всем: «Иду, говорит, смертию умрети». А они ничего, только друг на дружку озираются. И лишь когда от распятого странника стали стрелы отскакивать, «народ тут уж понял, что странник этот как есть богоугодный человек, да к нему». Англичане <...> посоветовались промеж своих, да и говорят страннику: «Господине честный! Хочешь, мы пойдем к царю и тебя у него отторгуем?» Странник покачал головой и сказал им: «Не умели отстоять, говорит, меня всем миром, теперь, говорит, мне ваша застоя некстати. Идите, говорит, торгуйте целую жизнь». Так, по его слову, как он сказал, словно невидимой силой какой завернуло этих англичан, и пошли они все из сборной страны торговать по свету. <...> Как ушли англичане, подходят это к доске, на которой мучится странник, французы. Народ разбитной, вертлявый <...> да и говорят: «Господине честный! Хочешь, говорят, мы тебя отвоюем». А он опять им в ответ: «Не умели, говорит, отстоять меня вовремя всем миром, теперь мне вашей застой не надо, идите, говорит, воюйте целую жисть». Завернулись от него французы и пошли воевать и по се два дня воюют. <...> Видемши теперь все это, наши кашинцы, что к примеру, ни отъемом он спастись не хочет, ни на откуп

тоже не нейдет, и говорят ему: «Господине честной! Давай, говорят, мы тебя уворуем?» Хотели, выходит, так сделать, чтоб никакого убийства и ничего б не было. А он им опять так же отвечает: «Миром, говорит, меня отстоять не сумели, теперь, говорит, идите и воруйте всю вашу жизнь».

«Рассказ, — замечает Лесков, — на всех произвел довольно сильное впечатление». С рассказчиком поспорили, вспомнили еще одну историю о разделении грехов между народами и пришли к выводу, что «во всяком царстве, и у немцев, и у нас теперь есть воры и блудницы, и опять во всяком звании, и в господском, и в купеческом, и в нашем». <...> «Вот это скорее похоже на правду», — сказал купец».

Самому же Лескову предание о трех народах понравилось, и через несколько лет он ввел его в драму «Расточитель» (1867), но уже в сильно сжатом виде и в книжной стилистике, а не в духе фольклорного сказа. По ходу действия зашла речь о воровстве. Один мастеровой, Челночек, утверждает, что это у нас «по благословению делается». Старый ткач Спиридон Обрезов изумляется: «От кого ж это могло быть такое благословение, чтобы красть?» — «От странника. Ходил такой странник по свету и был уловлен от двенадцати язык и пропят на древе, и никто за него не заступился. Вот как он на древе начал томиться, и начали люди приходить к нему с жалостию, чтобы

спасать его. Сунулись первые немцы, потому без них и вода не освятится, их везде спрашивают. «Господине честной, говорят, хочешь ли, мы тебя отторгуем?» Он покивал на них головою и говорит: «Ступайте, торгуйте себе целую жизнь». Так они по этому слову его завернулись и пошли, и все торгуют, и до века всем торговать будут. Тут сейчас французы, народ этакой верткий. «Господине честной, давай, говорят, мы тебя отвоюем». — «Ступайте, говорит, воюйте себе целую жизнь». Таки они всё и будут целый век воевать, и все без толку. Тогда уж наши русаки, — как они против немцев и французов, разумеется, обстоятельней, то видят, что не хочет он ни торговлею, ни отъемом спасаться. «Господине честной, давай, говорят, мы тебя уворуем». А он нам и брякни: «Ступайте, говорит, воруите себе целую жизнь».²

Как и в рассказе, действующие лица драмы возмутились. «О брехун, брехун!» — возгласил один из них.

Этим эпизодом возмутились и рецензенты драмы, причем не только Лесковым, но и бездействием цензуры, которая допускает такие оскорбления публики со сцены Александрийского театра.³ Лишь критик

² Лесков Н. С. Собрание сочинений: В 11 т. М., 1956. Т. 1. С. 461–462.

³ См.: С.-Петербургские ведомости. 1867. № 306. 5 (17) ноября; Петербургский листок. 1867. № 164. 4 ноября. Ср.: Горелов А. А. Н. С. Лесков и народная культура. Л., 1988. С. 169–170.

«Отечественных записок» вступился за Лескова, довольно своеобразно его оправдывая: «Говорить публике, что они «воры», конечно, нехорошо, и публика может за это обидеться. Но разве наша публика в первый раз слышит подобный комплимент себе? Разве ей не говорят решительно каждый день, что она с кругу спилась? А пьянство ведь едва ли лучше воровства».⁴

И все же персонажей Лескова и его критиков понять можно — сведение образа народа «к обрекающе-тотальной однокачественности»⁵ может задеть. Однако наделение народов каким-то одним качеством (не всегда самым лучшим) существовало задолго до Лескова. Само возникновение этнических стереотипов относится к глубокой древности — еще античные мыслители считали, что каждый народ имеет свои собственные национальные черты, свои достоинства и свои недостатки. И в средние века и в Новое время по Европе кружило множество стишков, пословиц, историй и анекдотов, перечисляющих самые разные достоинства, а чаще всего недостатки разных народов.⁶ В XIX–XX вв. литературные и особенно фольк-

⁴ Отечественные записки. 1867. Т. 175. Отдел «Современные заметки». С. 73.

⁵ Горелов А. А. Н. С. Лесков и народная культура. С. 122.

⁶ Материал из литератур Восточной Европы представлен в широком контексте в кн.: *Kot S. Polska złotego wieku a Europa. Studia i szkice*. Warszawa, 1987. S. 693–873.

лорные воплощения *nationum proprietates* стали предметом изучения, появились исследования о них и даже словари этнофаулизов,⁷ причем отраженные в этих текстах этнические стереотипы, а также национальные антагонизмы живы и по сей день.⁸

В русской литературе подобные малые прозаические формы отмечены со второй половины XVII в. Целый ряд их встречается у Юрия Крижанича, например: «Вугрин — волк, влах — хитрец, немчин — свинья, поляк — фат, словенец — не человек», «Краль хиспанский — краль хлапский, краль французский — краль болярский, краль ляшский — краль королевский, царь немецкий — господарь всему свету».⁹ В «Арифмологии» Николая Спафария, переведенной в 1672 г. из энциклопедии Иоанна Альштеда (1620),¹⁰ есть любопытное и поучительное рассуждение на эту тему: «Да никто же убо от читателей чтуще сия помышляет,

⁷ См.: *Roback A. A. A dictionary of international slurs (ethnophaulisms) with a supplementary essay on aspects of ethnic prejudice.* Waukesha, 1944.

⁸ Из работ последнего времени выделяется кн.: *Kępinski A. Lach i Moskal. Z dziejów stereotypu.* Warszawa; Kraków, 1990.

⁹ Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен Алексея Михайловича. Открыл и издал П. Бессонов. М., 1859. С. 23, 95 (приложение к № 2 «Русской беседы»).

¹⁰ См.: *Белоброва О. А. Об источниках «Арифмологии» Николая Спафария // Русская литература.* 1980. № 2. С. 131–134.

яко мы ради укоризны или поношения последующая написали есмы. Ниже убо нам угоджает род того поносительный, иже славу благуу вредит, обаче ученаго есть познати свой грех: познай тебе самого, древле есть притча. Ибо ни един человек и ни один род или град обретается весма без погрешения и некоего порока. <...> Мужем ученым, яже немалую пользу воздадут комуждо, да познати возможет рода своего порок или радоватися будет, понеже видит, яко род его от того порока очищен есть или аще есть род его от того порока тщанием своим и искусством оправдися». Далее Спафарий приводит примеры подобных сопоставлений народов: «Италияне мудрии суть прежде дела. Французы во деле. Немцы после дела. Та же фразцуз егда поет, яко коза кричит; немец вопиет; италиан сам поет». Затем следует раздел «Странам неким и родом свойство»:

1. Немцы — храбрии, простим, благотворители <...>
2. Итали — гордии, отмстители, остроумнии.
3. Испаниоли — пренебрегатели, советницы, возхитители.
4. Французы телесы красными украшени, невоздержнии, дерзочнии.
5. Дани и свецы — велицыи крамольницы, страшнии.
6. Енглезии — смущении, купцы, люботрудители.
7. Сармати — ядцы, гордии, тати.
8. Чехи — безчеловечнии, новым делом любители, ко совершению корысти достойнии.
9. Иллирийцы, или вандалы, — удободвижнии, злодеи, крамольницы.

10. Венгри — житие их суровое, земля их златная, — благоговейнейшии.

11. Греческий род — яко ныне есть единое слово окаянейший есть.¹¹

В 1691 г. на русский язык было переведено «Выдание о добронравии» польского моралиста начала XVII в. Яна Жабчица, где сначала дается цепочка положительных национальных черт: «По природе належит: итталианину докторство, немчину купечество, поляку воинство», а далее читается обширнейший перечень негативных черт разных народов: «В подозрении дела: гишпанская простота, италианское учтивство, полской чин, пруские шутки, датцкое государствование, аглинская волность, французской стыд, немецкое покорство, шкоцкое отдыхание, московское слово, турецкое супружество, жидовское обещание, арианская вера, цыганская и волоская правда».¹²

Подобные цепочки сравнений построены не только на национальных антагонизмах. В сборнике пословиц из библиотеки Петра I помещено присловье: «Русак до читания, казак до спеванья, поляк до сказания».¹³

¹¹ *Николай Спафарий*. Эстетические трактаты. Л., 1978. С. 100–102.

¹² *Николаев С. И.* Произведения Яна Жабчица в русских переводах XVII века // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 187, 189.

¹³ Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XIX веков. М.; Л., 1961. С. 34.

В этом присловьи по синтаксису угадывается его западнославянское происхождение, и, действительно, такой текст зафиксирован в польской паремииографии: «Rusek do czytania, Chochlak do śpiewania, Polak do opowiadania».¹⁴

Петр I, судя по «Подлинным анекдотам» о нем Я. Штелина, назначал жалованье иностранцам, исходя из знания «свойств разных наций». «Французу, — говорил государь, — всегда можно давать больше жалованья, он весельчак (*bon vivant*) и все, что получает, проживает здесь. Немцу также должно давать не менее, ибо он любит хорошо поесть и попить, и у него мало из заслуженного остается. Англичанину надобно давать еще более, он любит хорошо жить, хотя бы должен был и из собственного имени прибавлять к жалованью. Но голландцам надо давать менее, ибо они едва досыта наедаются, для того, чтобы собрать больше денег; а италианцам еще менее, потому что они обыкновенно бывают умеренны и у них всегда остаются деньги, да они и не стараются скрывать, что для того только служат в чужих землях и живут бережливо, чтобы накопить денег и после спокойно

¹⁴ Nowa Księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. Warszawa, 1970. T. 2. S. 1009.

проживать их в раю своем в Италии, где в деньгах недостаток». ¹⁵

Цепочки сравнений могли затрагивать и вопросы языка и стиля. Так, В. К. Тредиаковский в «Слове о богатом, различном и несхотственном витийстве» (1745) выстраивает ряд, куда входят «проницательнейшие англичане, благорассуднейшие голландцы, глубочайшие гишпанцы, острейшие италианцы, витиеватейшие поляки, тщательнейшие шведы, важнейшие немцы». ¹⁶ М. В. Ломоносов в посвящении «Российской грамматики» (1755) писал: «Карл Пятый, римский император, говаривал, что ишпанским языком с Богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятельми, италианским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италианского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка». ¹⁷

¹⁵ *Штелин Я.* Подлинные анекдоты о Петре Великом. Л., 1990. С. 52.

¹⁶ *Тредиаковский В. К.* Слово о богатом, различном и несхотственном витийстве. СПб., 1745. С. 71–73.

¹⁷ *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 391. Ср.: *Рак В. Д.* Возможный источник стихотворения

Зевс в поэме В. И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вакх» (1771) провозглашает:

Послушайте меня, ты Вакх, и ты Церера,
Тебе противен хмель, ему откупщики;
Но судите вы так, как частные божки,
А я сужу о всем и здраво и правдиво.
Я думаю, что вам и это будет в диво:
Почто к женам своим ревнует басурман
А жид, француз и грек способны на обман?
Почто ишпанец горд, почто убоги шведы,
И для чего у них россияне соседы?
Почто голанец груб, британец верен, тверд,
Германец искренен, индеец милосерд,
Арапы дикие сердца имеют зверски,
Итальянцы все и хитры и предерзки;
Почто поляк своим словам не господин,
И правды в век цыган не молвит ни одни?
Почто во всех вселил я нравы столько разны?
Поверьте, что мои в сем вымыслы неспраздны:
Я Трою низложил, дабы воздвигнуть Рим,
И вам ли знать конец намереньям моим!¹⁸

Наконец, русский читатель получил в популярном «Письмовнике» Н. Курганова «Опись качеств знат-

М. В. Ломоносова «Случились вместе два астронома в пиру...» // XVIII век. Л., 1975. Сб. 10. С. 218. См. также стилистически сниженный вариант рассказа Карла V в рукописном сборнике XVIII в.: *Malek E.* Указатель сюжетов русской нарративной литературы XVII–XVIII веков. Łódź, 2000. Т. 1. S. 158–159.

¹⁸ Ирой-комическая поэма. Л., 1933. С. 150.

нейших европейских народов», в которой в виде таблицы были собраны 14 черт (поведение, рост, нрав, лицо и прочее) немцев, французов, итальянцев, испанцев и англичан. За таблицей следовал небольшой текст: «Немец пьет много, а ест мало. Англичанин ест много, а пьет мало. Француз и пьет и ест хорошо. В пении испанец плачет, италианец жалуется, немец гогочет, голанец дразнится, француз свистит».¹⁹

«Письмовник» переиздавался многократно и переведенная из грамматики французского языка Ж.-Р. де Пеплие статейка была известна широкому кругу читателей. Публикация основательной «ученой» таблицы в учебной книге вполне понятна, так как идеи географического детерминизма были тогда в почете, в том числе благодаря трудам Ш. Монтескье («О духе законов»). Отзвуки этих идей заметны и в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина (ср.: «Англичанин торжествует в парламенте и на бирже, немец в ученом кабинете, француз в театре»),²⁰ однако именно ему принадлежит замечательное суждение о национальных стереотипах и антагонизмах. В одном из примечаний к статье «О тайной канцелярии» (1803) он

¹⁹ *Курганов Н.* Российская универсальная грамматика. СПб., 1769. С. 184.

²⁰ *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 241.

писал: «Надобно заметить, что всякий народе Европе ославлен с какой-нибудь худой стороны и что все обыкновенные путешественники основывают наблюдения свои на предрассудке: во Франции они ищут легкомысленных, в Италии злобных и мстительных, в Гишпании ленивых, в Англии чудаков, в Германии педантов, а в России варваров. Случаи и характеры, которые не согласны с общим предрассудком о народе, остаются неуваженными. Гораздо легче твердить за другими, нежели наблюдать и мыслить. <...> Как люди, так и народы должны презирать клевету».²¹

Мысль Карамзина вряд ли изменила общее отношение к стереотипам. Полвека спустя А. И. Герцен скептически писал в «Былом и думая»: «Я верю, что национальные особенности настолько потеряют свой оскорбительный характер, насколько он теперь потерян в образованном обществе; но ведь для того, чтоб это воспитание проникло во всю глубину народных масс, надобно много времени».²²

Притча Лескова лишь подтверждает слова Герцена. Вместе с тем теперь нам более понятно возмущение персонажей Лескова притчей и нападки его критиков.

²¹ *Карамзин Н. М.* Записки старого московского жителя. М., 1986. С. 270.

²² *Герцен А. И.* Собрание сочинений: В 30 т. М., 1956. Т. 10. С. 93.

Приведенные примеры цепочек сравнений национальных черт выявляют ожидаемую психологическую особенность текстов такого рода — свой народ наделяется безусловно положительными качествами. Лесков здесь нарушил закон жанра, пошел «против течений», чем всех и задел. Почему он так поступил? Возможны два ответа: либо Лесков преследовал какую-то цель, либо в основе притчи лежит иностранный источник. Использование заемной формулы не так уж неожиданно: большая часть приведенных примеров в той или иной степени опирается на иностранный источник либо это просто переводы. И такой источник для притчи Лескова отыскивается, причем в довольно неожиданном месте.

В самом конце XVII века, около 1695 г., польский поэт Вацлав Потоцкий составил огромный сборник «Сад фразек», куда вошло около двух тысяч эпиграмм и шуточных стихотворений. В четвертой части сборника (хронологически она была написана первой, в 1672–1677 гг.) помещено стихотворение «Изображение наций» («Kron narodów»):

Kiedy w jerozolimskiej ciemnicy Pan siedział,
Każdemu jego własny przymiot opowiedział,
Kto go kolwiek nawiedził. Więc Polacy wprzody,
Przyszedzsy cicho z swojej w północy gospody:
«Odbijemy Cię, Panie, wszystkich środków ruszym;
Każeszli, wysieczemy ciemnicę z ratuszem».

Podziękował im, a wraz za oną ochotę
Dał męstwo, serce, dzielność, bohatyrską cnotę.
Niemcy w tropy za nami: «Choćby i najdrożej,
Odkupim Cię, wszystko się na to Rzesza złoży,
Chociaż by we dwójnasób, niż Cię Judasz sprzedał».
Także podziękowawszy, Pan im odpowiedział,
Że mu trzeba i siedzieć, i umrzeć w tej kunie,
A jako tego wdzięczon, rozkaże fortunie,
Gdziekolwiek pójdą morzem lub po ziemi niskiej,
Żeby niosły sowite ich towary zyski.
Przyszli też Ruś i Węgrzy: «Panie, bez hałasu,
Bez kosztu wykradziemy z tego Cię tarasu».
«Idźcie, ludzie nieczyści, i posługi takiej
Nie płacę wam inaczej, na pale, na haki».²³

«Сад фрашек» Потоцкого был полностью издан только в начале XX в., однако как раз четвертая часть сборника была издана в 1747 г. В это издание вошло и интересующее нас стихотворение,²⁴ поэтому теоретически оно могло стать известно Лескову, но трудно представить, как бы это могло произойти практически. Тем не менее стихотворение Потоцкого представляет для нас несомненный интерес: сюжет, использованный и Лесковым, зафиксирован в литературе уже

²³ *Potocki W. Dzieła / Opr. L. Kukulski. Warszawa, 1987. T. 1. S. 252.*

²⁴ См.: *Potocki W. Jovialitates, albo Żarty i fraszki rozmaite. (S. 1.), 1747. S. 2–3 (второй пагинации).*

в XVII в. Более того, стихотворение позволяет приблизительно локализовать место действия. Но прежде приведем еще одно стихотворение Потоцкого, на этот раз из его гербовника 1696 г. («Poczet herbów») — «Русская проповедь о святом Николае» («Kazanie ruskie o świętym Mikule»):

Miał pop kazanie na dzień świętego Mikuły,
Kędy dawszy mu wszystkie niebieskie tytuły,
Tym skończył na ostatek mowę, że: «Koliby
Boh stary zmarł, Mikuła Bohom bez pohyby».
Stojąc dyak opodal: «Leda szto pop hwary,
Bo nykoli umierać Boh ne może stary».
A pop: «Leda szto dyak breszczy za porohem.
Ne zemre Boh? ne buty i Mikule Bohem».²⁵

Поверье, что когда Бог умрет, то святой Николай займет его место — русское по происхождению; оно неоднократно фиксировалось иностранцами в XVII в., в том числе поляками.²⁶ Между тем у разговора попа с дьяконом несомненная украинская огласовка. Объясняется это тем, что польское *ruski* подразумевает не столько «русский», сколько «восточнославянский», а более узко — «украинский». Таким образом, в «Изображении наций» Потоцкого действуют поляки, немцы,

²⁵ *Potocki W. Dzieła. T. 3. S. 448.*

²⁶ См.: *Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 38–39.*

украинцы и венгры. Памятуя о том, что сравнения наций старшей поры отражают в первую очередь пограничные симпатии и антагонизмы, можно предположить, что в стихотворении Потоцкого отражена демографическая ситуация юго-восточной Польши, окрестностей Львова, то есть тех территорий, что во времена Лескова назывались Галицией. Как выяснилось, именно фольклору Галиции этот сюжет хорошо знаком. Он известен в нескольких вариантах, зафиксированных в XIX–XX вв. Приведу перевод текста, опубликованного в начале XX в. — «Почему поляки любят сражаться, русины красть, а армяне — богачи?»²⁷ («Dlaczego Polacy lubią się bić, Rusini kraść, a Ormianie są bogaczami?»):

«Когда иудеи схватили Иисуса и бросили в тюрьму, собрались поляки, русины и армяне на совет, чтобы спасти Иисуса из тюрьмы. Поляки говорили: «Пойдемте его отобьем», армяне: «Давайте выкупим его», а русины говорили: «Лучше всего выкрасть». Но Иисус за грехи человеческие должен был умереть, потому что сам так хотел. После воскресения он сказал им: «Вы, поляки, хотели отбить, поэтому будете сражаться до кончины мира; вы, армяне, хотели меня выкупить,

²⁷ Присутствие в галицийском фольклоре армян объясняется тем, что во Львове была большая армянская колония.

поэтому будете богачами; а вы, русинки божии, хотели меня выкрасть, так будете ворами до кончины мира» (ср. искаженный польский язык в заключительной фразе: „budete otże złodijamu rokon wika»).²⁸

Есть и другие варианты сюжета, который не зафиксирован в восточнославянском фольклоре.²⁹ С. Томпсон также не фиксирует его, хотя в его указателе встречается сюжет из цыганского фольклора, в котором воровство не считается грехом, а в литовском — о воровстве русских. Оба они связаны с попытками спасения Христа, причем литовский, несомненно, является отзвуком разбираемой легенды.³⁰

²⁸ *Siewinski A.* Bajki, legendy i opowiadania ludowe zebrane w powiecie sokalskim // *Lud.* Lwów, 1903. Т. 9, nr. 3. S. 69. Ср.: *Haltrich J.* Zu Volkskunde der Siebenbürger Sachsen. Wien, 1885. S. 131; *Lück K.* Der Mythos von Deutschen in der polnischen Volksüberlieferung und Literatur. Posen, 1938. S. 82; *Krzyżanowski J.* Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. Wrocław, 1963. Т. 2. S. 110; *Kot S.* Polska złotego wieku a Europa. S. 821–825.

²⁹ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979.

³⁰ См.: *Thompson S.* Motif-Index of Folk-Literature. Copenhagen, 1955. Vol. 1. P. 247; Gadeja. Materiał do poznania górali tatrzańskich. Zebrał W. Brzega, uwagami i słownikiem zaopatrzył F. Krček // *Lud.* Lwów, 1910. Т. 16, nr. 3. S. 301; *Petrovič A.* Contributions to the Study of the Serbian Gypsies // *Journal of the Gypsy Lore Society.* 1935. Vol. 14. P. 22; *Balys J.* Lietuviu liandies sakmes. Kaunas, 1940. S. 34.

Теперь уже очевидно, что Лесков обработал легенду, жившую в польской устной традиции более двух веков. Скорее всего, он услышал ее от своих польских друзей во время жизни в Киеве до переезда в Петербург. Сам он позднее писал, что провел «половину юности в польском кружке».³¹ Обработка легенды свелась лишь к замене персонажей, и то неполной. Появление «странника» вместо Спасителя объясняется, вероятно, опасениями Лескова перед возможными возражениями духовной цензуры, хотя черты первообраза сохранены. Замена народов более принципиальна: вместо локальных антагонизмов Галиции Лесков дает ряд крупных европейских народов. В обеих версиях — и в рассказе, и в драме — есть русские, и, конечно, в этом ряду это не жители Галиции, а уже великороссы. Таким образом, независимо от польского материала и вполне самостоятельно Лесков наделил русских таким прискорбным свойством.

В каждой отдельной цепочке *nationum proprietates* те или иные стереотипные иронические представления (чаще всего негативные) об одном народе уравниваются столь же негативными чертами другого

³¹ Цит. по кн.: Горелов А. А. Н. С. Лесков и народная культура. С. 33. О польских связях Лескова см. обобщающую статью: *Szyszko T. Mikołaj Leskow i literatura polska // Przegląd Humanistyczny*. 1992. N 4. S. 87–95.

народа. Но одно звено, вырванное из такой цепочки, с неизбежностью приобретает резко выраженный публицистический и даже оскорбительный характер. Ср.: «Воровство — порок, неотделимый от русского управления, и коренится он в национальном характере, в испорченности нравов, недостатке честности и общественного самосознания» (1802 г.).³²

Безусловно, воровство — порок, который всегда порицался, а постоянство его обличений удручает. Еще до карамзинского «Крадут»³³ Д. И. Фонвизин в «Рассуждении о истребившейся в России совсем всякой формы государственного правления, и от того о зыблемом состоянии как империи, так и самих государей» (начало 1780-х гг.) дал такую формулу: «Кто может — грабит, кто не может — крадет».³⁴ Но ни Фонвизин, ни Карамзин не посчитали воровство конститутивным свойством нации, особенно в сравнении с дру-

³² *Массон Ш.* Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I / Перевод Н. Н., исправленный Е. Э. Ляминой и Е. Е. Пастернак. М., 1996. С. 13.

³³ П. А. Вяземский отметил в «Старой записной книжке»: «Карамзин говорил, что если бы отвечать одним словом на вопрос: что делается в России, то пришлось бы сказать: «крадут» (*Вяземский П. А.* Полное собрание сочинений. СПб., 1883. Т. 8. С. 113).

³⁴ *Фонвизин Д. И.* Избранные сочинения и письма. М., 1947. С. 179.

гими, на что пошел Лесков. Трудно ответить на вопрос, почему он это сделал. Но размышляя о притче Лескова, необходимо помнить его неоднократные заявления: «Мне непристойно ни поднимать народ на ходули, ни класть его себе под ноги», «Не могу принять без возражения укоры за желание принизить русский народ или польстить ему».³⁵ Пути излечения социальных болезней различны: иногда, действительно, «больному дать желудку полезно ревеню». Это один из примеров провокативной морали Лескова, о которой писал Д. С. Лихачев в связи с рассказом «Бесстыдник».³⁶ Притча странника сильно задевает национальную мегаломанию, для национального же здоровья могла быть полезна. Но случилось так, что в общем контексте творчества писателя 1860-х годов она была сочтена лишь оскорбительной выходкой.

³⁵ Цит. по кн.: *Горелов А. А.* Н. С. Лесков и народная культура. С. 7, 8.

³⁶ См.: *Лихачев Д. С.* Литература — реальность — литература. Л., 1984. С. 131–137.

МОТИВ «ПОСОХ С ДЕНЬГАМИ» В ПСКОВСКОМ ПРЕДАНИИ

В 1861 г. Ф. И. Буслаев опубликовал в своих двухтомных «Исторических очерках русской народной словесности и искусства» небольшую, но яркую статью «Замечательное сходство псковского преданья о горе Судоме с одним эпизодом Сервантесова „Дон-Кихота“».¹ Само псковское предание Ф. И. Буслаев изложил по этнографической статье К. Д. Кавелина, который привел его в следующем виде: «Г. Сырохнов, учитель Вербиловского села (Себежского уезда) говорит, что в Порховском уезде (Псковской губернии)

¹ *Буслаев Ф. И.* Замечательное сходство псковского преданья о горе Судоме с одним эпизодом Сервантесова «Дон-Кихота» // Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1. С. 464–469. Статья переиздана в: *Буслаев Ф. И.* О литературе. М., 1990. С. 126–131.

есть гора Судома, о которой сохранилось следующее поверье. Над горой висела с неба цепь. В случае споров или бездоказательных обвинений соперники приходили на Судому и каждый поочередно должен был достать цепь рукою, а цепь позволяла себя взять только праведной руке. Однажды сосед у соседа украл деньги и засыпал их в толстую палку, выдолбленную в середине. Обокраденный как раз попал подозрением на виновного. Оба пошли на Судому, причем вор вместо путевой дубинки взял свою палку с деньгами. Сперва цепь достал хозяин, торжественно складывая вину покражи на своего товарища. Потом вор отдал хозяину подержать свою палку и, доставая цепь, сказал: „Деньги у тебя“. Цепь и ему далась, но с тех пор неизвестно, как и куда исчезла». ² Это предельно краткое изложение предания не стало единственной его публикацией, но важнее, что это была далеко не первая его публикация.

В 1830 г. в трех номерах «Северной пчелы» была опубликована «русская легенда» «Судома». ³ Легенда

² *Кавелин К.* Некоторые извлечения из собираемых в Императорском Русском Географическом Обществе этнографических материалов о России, с заметками о их многосторонней занимательности и пользе для науки // Географические известия. 1850. Вып. 3. С. 327–328. Статья переиздана в: *Кавелин К.* Сочинения. М., 1859. Ч. 4. С. 204–205.

³ *А. И.* Судома, русская легенда // Северная пчела. 1830. 30 авг., № 104; 2 сент., № 105; 4 сент., № 106. Под псевдонимом «А. И.»

тут изложена очень витиевато, с пространными отступлениями. После длинного вступления с пейзажными зарисовками и точным указанием местоположения горы Судома автор переходит к описанию ее замечательных особенностей: «В незапамятные времена Судома была священным местом *суда и правды*». Описав замечательные и безошибочные свойства свисавшей с неба золотой цепи, которая давалась в руки только невиновному, автор переходит к конкретному случаю тяжбы двух задушевных друзей. Добрый Анкудин выручил из беды Мартына, дав ему в долг немалую сумму. Затем сам Анкудин впал в бедность и просил Мартына вернуть долг. Но коварный Мартын отрекся и сказал, что долг давно вернул. Бывшие друзья в со-

в «Северной пчеле» печатался А. Е. Измайлов (см.: *Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1956. Т. 1. С. 41*), но этого произведения нет ни в «*Полном собрании сочинений*» (М., 1890. Т. 1–3) А. Е. Измайлова, ни в списке его произведений (см.: *Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1904. Т. 6. С. 92–108*). Автор был, по-видимому, жителем Псковской губернии, поскольку рассказ посвящен «Софье Ал. Чечен...й», то есть С. А. Чеченской, дочери владельца с. Савкино Опочецкого уезда Псковской губернии (см.: *Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Изд. 2-е, доп. и перераб. Л., 1988. С. 488*), написан же рассказ в «с. Лобаново», а село с таким названием было в соседнем уезде той же губернии.

провожении свидетелей идут на гору, Мартын дает свои рукавицы, шапку и палку подержать Анкудину, берется за цепь и клянется, что долг вернул. Свидетели берут его сторону и осуждают Анкудина, но тут цепь «ужасно заколебалась, зазвенела, вырвалась и быстро понеслась на небо с грозным шумом и треском», святотатец же пал за смертью. После осмотра палки обнаружили в ней деньги. «Все изумились, всем стало ясно, что Мартын, скрыв в палку деньги, отдал ее с шапкою и рукавицами Анкудину подержать и после сего уверял в возврате долга, клял невинного и так смело взялся за священную цепь». Нет сомнений, что это художественная обработка предания.

Несколько лет спустя в «Псковских губернских ведомостях» появилось краткое, но наиболее дельное изложение предания с точной географической привязкой горы и несколько отличной концовкой: «Раздраженный истец бросил палку и все открылось».⁴ Предание, как кажется, прочно вошло в устный репертуар псковской словесности и в 1845 г. в «Трудах воспитанников учебных заведений» было напечатано сочинение ученика псковской гимназии Васильева «Гора

⁴ См.: *Бутырский И.* Рассказы о горах Душилихе и Судоме // Псковские губ. ведомости. 1839. 25 окт., № 43. Прибавление. С. 358–360.

Судома. (Псковское предание)».⁵ Особых отличий в этой версии легенды нет: бедняк Симон украл много денег у богача Петра, а когда цепь после клятвопреступления поднялась на небо, Симон упал замертво, «а подле него лежали в куски раздробленная палка и деньги». Можно полагать, что в исходном варианте предания персонажи были безымянными, а их социальный облик не был обозначен.

В 1851 г. предание было опубликовано дважды: по публикации К. Д. Кавелина только легенда о горе Судома была перепечатана в «Журнале Министерства народного просвещения»,⁶ а в «Москвитяине» Н. Куприянов качестве Р. С. к своей этнографической статье заметил: «Не знаю, известно ли ученым следующее народное предание, слышанное мною на днях от одного любителя древностей» и привел текст псковской легенды.⁷ Свое изложение Н. Куприянов завершил наблюдением: «Это предание, не лишенное поэзии, может служить новым примером русских преданий,

⁵ См.: Прибавления к Журналу Министерства народного просвещения. СПб., 1845. Кн. 3. С. 54–57 (Раздел «Труды воспитанников учебных заведений»).

⁶ См.: Журнал Министерства народного просвещения. 1851. Ч. 70. Раздел 6. С. 11.

⁷ См.: Куприянов Н. // Москвитянин. 1851. № 17. Внутренние известия. С. 56–57.

бывших на Руси в первые веки христианства, а может быть, и раньше». Уже по публикации Н. Куприянова легенда попала в неоднократно издававшуюся «Практическую русскую грамматику» П. Перевлесского.⁸

Небольшой этюд Ф. И. Буслаева никак не помешал победному шествию предания по русской этнографической и учебной литературе. Между тем, Санчо Панса рассудил тяжбу двух стариков в полном соответствии с легендой о горе Судоме, с тем разве отличием, что в этом эпизоде «Дон-Кихота» нет ни волшебной цепи, ни горы, а роль судьи Санчо взял на себя.⁹ Ф. И. Буслаев был уверен, что «и тому, и другому был один общий источник в средневековых юридических преданиях. Смешно было бы предполагать, что псковское поверие составилось в народе под влиянием „Дон-Кихота“». ¹⁰ И далее Буслаев привел ветхозаветную легенду со схожим сюжетом, сохранившуюся в мусульманском фольклоре. Но указание на использование

⁸ См.: *Перевлесский П.* Практическая русская грамматика. 4-е изд. СПб., 1861. С. 65–66. В предыдущих изданиях грамматики этой легенды не было.

⁹ См.: *Сервантес Сааведра М. де.* Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. М., 2003. Т. 2. С. 252–254, 751.

¹⁰ *Буслаев Ф. И.* Замечательное сходство... // Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. С. 467.

бродячего сюжета в псковском предании было высказано еще в 1839 г. псковским краеведом и собирателем фольклора И. П. Бутырским. Приведя текст предания о горе Судома, публикатор заметил: «Удивительно, впрочем, то, каким образом греческое предание о палке, в которую в подобных же обстоятельствах были вложены деньги или влито золото, перешло на север Руси».¹¹ Далее он ссылается на имевшиеся в его распоряжении две греческие книжки, названия которых приведены на русском языке. У одной из них не было титульного листа («Из Посселиевых греко-латинских апофегм»), зато вторую — «Конона повествование» — можно идентифицировать по указанным названию, месту и году издания (Лейпциг, 1794). Это «Повествования» древнегреческого писателя Конона (I в. до н. э.). Действительно, приведенный И. П. Бутырским в русском переводе рассказ совпадает с псковским преданием.¹² Таким образом, нет сомнений, что

¹¹ Бутырский И. Рассказы о горах Душилихе и Судоме. С. 359. Знание И. П. Бутырским (1805–1879) греческого языка объясняется тем, что он закончил Псковскую духовную семинарию, затем учился в Петербургской духовной академии, после которой более десяти лет преподавал греческий язык в Великолукском духовном училище. За справку о И. П. Бутырском благодарю Т. Г. Иванову.

¹² См.: *Conon. Narrationes Ptolemaei Historiae Ad Variam Eruditionem Pertinentes Parthenii Erotica Graece Cum Notis Variorum*

в основе псковского предания лежит бродячий сюжет, зафиксированный еще в древнегреческой литературе.

Сказочный сюжет «посох с деньгами» (961 В) о нечестном должнике известен фольклору разных стран, европейских и восточных.¹³ Однако в восточнославянском фольклоре он не встречается.¹⁴ Здесь стоит вернуться к тяжбе, которую разбирал Санчо Панса. Объясняя, как он догадался, что деньги спрятаны в трости, Санчо сказал, что «священник их села рассказывал ему про один случай в роде этого, а у него, Санчо, отличная память». Священник, надо полагать, привел в своей проповеди *exemplum*, подходящий к случаю. Сборники *exempla* доставляли проповедникам иллюстративный материал к самым разнообразным житейским ситуациям или нравственным коллизиям. И в этом обширном репертуаре отыскивается соответствующий псковскому преданию сюжет «посох с деньгами», известный в литературе по меньшей

Et Suis Emendationibus / Ed. L. H. Teucherus. Lipsiae, 1794. P. 33–34; Höfer U. Konon, Text und Quellenuntersuchung. Greifswald, 1890. S. 20–21.

¹³ См.: Aarne A., Thompson S. The Types of the Folktale: A Classification and Bibliography. Helsinki, 1961. P. 341; Uther H.-J. The Types of International Folktales: A Classification and Bibliography: Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson. Helsinki, 2004.

¹⁴ См.: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979. С. 247.

мере с XII в.¹⁵ Попал этот рассказ и в «Великое Зерцало примеров» на латинском языке,¹⁶ есть он и в издании на польском языке.¹⁷ «Великое Зерцало» было переведено на русский язык с польского в 1675–1677 гг., но в русском переводе этого «приклада» нет.¹⁸ Нет этого «приклада» и во втором русском переводе, выполненном позднее.¹⁹ Тем не менее, в 1670-х гг. сюжет «посох с деньгами» дважды отразился в восточнославянских литературах.

В 1676 г. в Киеве был издан обширный сборник проповедей украинского проповедника Антония Радивиловского. В одной из проповедей, посвященных

¹⁵ См.: *Tubach F. C. Index Exemplorum: A Handbook of Medieval Religious Tales.* Helsinki, 1969. P. 261 (№ 3352), 270 (№ 3469); *Hansen W. Ariadne's Thread: A Guide to International Tales Found in Classical Literature.* Ithaca, 2002. P. 279–284. У. Хансен не учитывает упомянутого ранее рассказа Конона.

¹⁶ См.: *Magnum speculum exemplorum.* Coloniae, 1653. P. 422–423.

¹⁷ См.: *Wielkie zwierciadło przykładów.* Kraków, 1624. S. 989–990 (№ 1420); *Wielkie zwierciadło przykładów.* Kraków, 1633. S. 912 (№ 1536).

¹⁸ См.: *Владимиров П. В.* Великое Зерцало: Из истории русской переводной литературы XVII в. М., 1884. Приложение 2. С. 45; *Walczak-Sroczyńska B.* «Wielkie Zwierciadło Przykładów» — dzieje tekstologiczne // *Slavia Orientalis.* 1976. № 4. S. 493–508.

¹⁹ См.: *Державина О. А.* «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965.

св. Николаю Чудотворцу, проповедник приводит следующий рассказ: «Пишет святой Мефодий патриарха, же един христианин у жыда немалую суму грошей позычил, а кгда не мел, кто бы ся за него ручил, на олтару святого Николая поприсягл (на что и жыд оный призволил), же мел ему отдати, кгда ся своего часу назначенного упомнит. Выйдет рок един, выйдет другой и третий позыченным грошам. Упоминается жыд, абы отдал. А он под присягою твердит, жем я уже тебе отдал. Что ж чинит жыд? Позывает его до уряду и правне з ним ся розправует. Суд, выслушавши контроверсий албо спору обои стороны, наказует присягу христианину. Тут же слушайте, якои здрады ужил христианин хитрий? Идучи до присяги, палицу наполнил златом, и, присягаючи, жыдови отдал, мовячи, же ему болш, нежели был винен, отдал. По сконченю присяги палицу знову до себе взял. А кгда повернул з суду, на розтаню дорог, сном змореный, упал. Которого воз з великим пудом, наихавши, забил, палицу зламал и злато, которое в ней было, высыпал. Послышавши о том, жыд, злякшися, придет, зраду обачит. И кгда ему много радило, абы злато взял, не хотел, аж бы умерлый молитвами и заслугами святителя Николая ожил, твердячи, же если бы тое было, теды мел крещение святое принять. Скоро тое жыд вырек, зараз умерлый ожил, а жыд, видячи тое, окре-

стился».²⁰ Хотя Антоний не ссылается на «Magnum speculum exemplorum» и даже указывает Мефодия патриарха как свой источник, очевидно, что его «приклад» соответствует латинской версии популярного сборника.

Два года спустя, в 1678 г. Симеон Полоцкий завершил работу над своим огромным стихотворным сборником «Вертоград многоцветный». Сюжет «посох с деньгами» изложен в стихотворении «Клятва во лжу»:

Купецъ нѣкто богатый во градѣ живяше,
но, расточивъ богатство, зѣло обнищаше.
Сей, пришедъ к жидовину, у него просиль есть
взаимъ сребра на куплю, жидъ не отвратилъ есть
Лица от просящаго, токмо ему рече:
«Дажь ми залогъ на сребро, добрый человекѣ».
Купецъ отвѣща ему: «Не имамъ что дати,
но споручника дамъ ти, ты изволи взяти,
Споручника же велми честна и благаго,
дамъ Николая тебѣ, отца пресвятаго».
Жидовинъ рече: «Слышу того мужа быти
праведна, ни обыкша никого же лстити;
Споручению его хошу вѣру яти
и тебѣ взаимъ сребра яко требѣ дати».

²⁰ Огородок Марии Богородицы. Киев, 1676. С. 703; *Креко-
тень В. І.* Оповідання Антонія Радивиловського. З історії україн-
ської новелістики XVII ст. Київ, 1983. С. 225. Текст приводится
в упрощенной орфографии.

Совѣщавшася убо в монастырь идоста,
в храмъ свята Николая оба приидоста.
И внегда пред образомъ его има стати,
купецъ онъ христианинъ яль есть глаголати:
«Олтарь, пред ним же стою, и отца святаго
Николая даю ти, яко праведнаго
Споручника за сребро, — яко ти воздати
имамъ в день нареченный, а никако лгати».
Жидь на глаголы сия сребра ему даль есть,
онъ тѣмъ благополучно куплю содеял есть;
Пособиемъ Божиимъ богатъ сотворися,
скоро нужда нищеты бывшия забыся.
Пришедшу же дни, в онже долгъ нужда воздати,
моли купецъ овъ жида, еже еще ждати.
Жидь три краты оному время продолжаше,
а онъ в сердци лукавый умысль соблюдаше.
Напослѣдокъ, егда жидь оному стужал есть,
онъ со клятвами рече, яко долгъ отдал есть.
Жидовинъ пред судии онаго призваше
и суда правдиваго на лживца прошаше.
Судии жидовина судомъ оправдиша,
да купецъ сребро отдасть, чинно присудиша,
Или да клятву дѣеть, яко долгъ отдал есть.
Онъ сие средство, точнѣ и жидь, восприял есть.
В день убо уреченный мнози ся стекоша,
с купцемъ и с жидовиномъ в монастырь идоша.
Купецъ же злокозненный жезль свой издолбаше
и во нь цѣну во златѣ за долгъ вложил баше.
Егда убо нужда бѣ клятву содѣяти,
даль купец жидовину жезль свой подержати,
Да тако правда будет, яко отдалъ ему,
яко взаимъ дателю что долженъ своему.

Жидовинъ жезль со златом в руках си держаше,
о козни купца того ниже помышляше.
Оному, жезль держащу, клятву сотворил есть
купецъ, пред Николаемъ лютѣ согрѣшил есть.
По клятвѣ паки жезль свой от жида прияше,
такое не во лже клятву быти непщеваше;
И с многимъ веселиемъ в дом свой возвратися,
но не долго о лести своей веселися, —
Ибо жидъ онъ к святому рече Николаю:
«Рабе Божий, азъ тебе споручника знаю,
Не лживому азъ купцу яхъ вѣру, но тебѣ;
буди убо правъ нынѣ, воздаждь еже требѣ».
А в то время купецъ той в дом ся возвращаше
и, на пути бывъ, тяжким сном одолен бѣше,
Егоже не претерпѣвъ, спати положися
на распутии, ничто того устранися.
Тогда же колесницу волове тягнуша
тяжку зѣло и спяща мужа не минуша.
Нашедше на нь бременемъ, лестца умертвиша
и жезль, при немъ лежавший с златом, сокрушиша.
Онъ окаянно издше, злато источися, —
то видѣти путникомъ многимъ прилучися,
Иже судиямъ града вѣстно сотвориша.
Тии, пришедше к трупу, зѣло ся дивиша
Скорой мести Божией и злато то взяша,
жиду таможь притекшу все цѣло отдаша.
Жидъ абие в монастырь путь скорый прияль есть,
святому Николаю благодарство далъ есть,
Глаголя: «Отче правый, благодарю тебѣ,
яко правду сотворилъ во моей потребѣ:
От споручения ты нынѣ свободенный,
ибо долъ ми тобою цѣло возвращенный.

Имамъ ты яко раба азъ Господня чтити
и правдотворение повсюду славити.
Аще же ину милость можеша явити,
со всѣмъ азъ домом имамъ христианинъ быти, —
Аще того мертвеца жива сотвориши,
во Христа мя вѣрити чудомъ наставиши».
Сия ему изрекшу, люди приидоша,
о востании мертва вѣсти принесоша.
По нихъ и самъ оживый с многими слезами
пришедъ паде святому отцу пред ногами,
Пред образомъ онаго усердно рыдая,
прощения лжеклятвы от Бога желая.
Плакавъ довольно, с жидом онѣмъ примирился,
о лукавомъ дѣлѣси явѣ обличился.
Жидъ тѣмъ чудодѣйствомъ бывъ удивленны,
потщася со всѣмъ домомъ си быти крещенны.
И тако единого мужа падение
другому устройся Богомъ в спасение,
Иже убо, якоже в жидовствѣ твердъ бѣше,
такъ во христианствѣ доблестно живяше,
Имѣя в защитника Николая себѣ,
ему ся поручая во всяцѣй потребѣ.²¹

Считается, что источником этого стихотворения была «Золотая легенда» (ок. 1260 г.) Иакова Ворагинского.²² И Антоний Радивиловский, и Симеон Полоц-

²¹ Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 3. М., 1994. С. 96–98.

²² См.: *Simeon Polockij. Vertograd mnogocvĕtnyj* / Ed. by A. Hippisley and L. I. Sazonova. Köln; Weimar; Wien, 1999. Vol. 2. P. 590.

кий были выучениками Киево-Могилянской коллегии, поэтому их знакомство с латинскими сборниками *exempla* не удивительно. Стихотворение Симеона Полоцкого было издано только в XX в.,²³ а вот «Огородок Марии Богородицы» Антония Радивиловского имел хождение и в России, судя по читательским записям на экземплярах.²⁴

Таким образом, разыскание в области сюжета «посох с деньгами» показало, что в основе псковского предания о горе Судома лежит сюжет, издавна известный фольклору и литературе многих стран и народов, с XII в. входивший в репертуар рассказов, которые проповедники использовали в своих проповедях. В XVII в. этот сюжет отмечен и в восточнославянских литературах. Что касается конкретной привязки этого сюжета к псковскому краю, то здесь уместно привести мнение В. Л. Комаровича, который в самом начале своего исследования о «Китежской легенде» писал:

Тут же приведен латинский текст соответствующего *exemplum* Иакова Ворогинского.

²³ См.: *Симеон Полоцкий. Избранные сочинения* / Подгот. текста, ст. и примеч. И. П. Еремина. М.; Л., 1953. С. 47–50.

²⁴ См.: Украинские книги кирилловской печати XVI–XVIII вв. Каталог изданий, хранящихся в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина / Сост. А. А. Гусева, Т. Н. Каменева, И. М. Лонская. М., 1981. Вып. 2. Т. 1. С. 21.

«В противоположность обычно подразумеваемым под устной легендой народным пересказам библейско-христианских апокрифов, — произведений книжных и в этом смысле ничем не отличающихся и в устной передаче от других жанров средневековой литературы, — местная легенда имеет то разительное отличие, что, по образному выражению Ключевского, „цепляется“ за урочище, то есть своим сюжетом непременно всегда связана с тем или иным, почему-нибудь примечательным местом или предметом: городищем, руиной, могильником, патрональным храмом, пещерой, ключом, горой, деревом, камнем, бродом, колодезем и т. п. И на вопрос: что притянуло к урочищу легендарный сюжет, — ответ не всегда может быть найден легко и просто, по крайней мере, адептами сравнительно-исторической школы. В самом деле, что из того, что в местной псковской легенде о горе Судоме обнаружен (еще Буслаевым), в качестве ее сюжета, тот же апокриф („суды Соломона“), что и в одном из эпизодов Сервантесова „Дон-Кихота“: повод к местному его приурочению лежит совсем в другой плоскости, чем постулируемая сравнительно-исторической школой простая смена заимствований перехожего сюжета. Повод этот надо искать или, как в указанном случае, в так наз. „народной этимологии“ соответствующего местного названья, то есть в фактах языка и, особенно, топонимики с скрывающимися за ними этнолого-со-

циологическими реалиями; или, — когда урочищем служит памятник материальной культуры, — в данных археологии».²⁵ С выпадом автора против сравнительно-исторической школы трудно согласиться, учитывая приведенные ранее многочисленные примеры из истории сюжета, в том числе в восточнославянских литературах. Но упоминание народной этимологии заслуживает внимания. Этимология топонима «Судома» (гора и река) до сих пор не выяснена, народная же этимология возводит это слово к «суду». На это указывал уже первый публикатор легенды, а затем И. П. Бутырский и Ф. И. Буслаев.²⁶ На сегодняшний день это наиболее убедительное объяснение привязки старинного сюжета к конкретному урочищу на Псковской земле.

История псковской легенды о горе Судома не завершилась в XIX в. на страницах этнографической и учебной литературы и там не затерялась. Л. Н. Толстой в 1875 г. издал «Русские книги для чтения», куда вошла и маленькая сказка «Судома»:

²⁵ *Комарович В. Л.* Китежская легенда (Опыт изучения местных легенд). М.; Л., 1936. С. 1.

²⁶ См.: *А. И. Судома*, русская легенда // Северная пчела. 1830. 30 авг.; *Бутырский И.* Рассказы о горах Душилихе и Судоме. С. 358; *Буслаев Ф. И.* Замечательное сходство... // Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. С. 468.

В Псковской губернии, в Пороховском уезде, есть речка Судома, и на берегах этой речки есть две горы, друг против дружки.

На одной горе был прежде городок Вышгород, на другой горе в прежние времена судились славяне. Старики рассказывают, что на этой горе в старину с неба висела цепь и что кто был прав, тот до цепи доставал рукой, а кто был виноват, тот не мог достать. Один человек занял у другого деньги и отперся. Привели их обоих на гору Судому и велели доставать до цепи. Тот, кто давал деньги, поднял руку и сразу достал. Пришел черед виноватому доставать. Он не отпирался, а только отдал свой костыль поддержать тому, с кем судился, чтобы ловчее было руками достать до цепи; протянул руки и достал. Тогда народ удивился: как, оба правы? А у виноватого костыль был пустой, и в костыле были запрятаны те самые деньги, в каких он отпирался. Когда он отдал в руки костыль с деньгами поддержать тому, кому он должен был, он с костылем отдал и деньги, и потому достал цепь.

Так он обманул всех. Но с тех пор цепь поднялась на небо и больше не спускалась. Так рассказывают старики.²⁷

Предполагается, что Толстой взял это предание из учебника П. Перелесского,²⁸ хотя к этому времени легенда была напечатана в разных изданиях.

Не забыта легенда и в наше время, тем более что гора Судома считается памятником природы Псковской области. Но легенду вспоминают не только в краеведческой литературе. Она попала даже в число «та-

²⁷ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. М., 1957. Т. 21. С. 154–155.

²⁸ См.: Там же. С. 636.

инственных мест России». В одном из справочников о горе Судома говорится следующее: «Название свое гора заслужила не случайно. Сюда приходили вершить суд, разрешать споры. Однажды пришли два крестьянина, каждый из которых обвинял другого в том, что тот присвоил его имущество. Они знали — кто дотронется до золотой цепи, тот и прав. Тот, который говорил правду, без труда коснулся ее. Тогда вор подпрыгнул — и тоже смог дотронуться! С тех пор цепь исчезла. Но аборигены до сих пор ходят на гору решать спорные вопросы. Иногда решают их мирным путем, иногда — дракой. Говорят, Судома-гора помогает отыскать правду. Скорее всего, речь идет об особой энергетике горы, которая воздействует на сознание и поведение людей».²⁹ Удивительным образом из этого изложения исчез сюжет «посох с деньгами». Составителей подобных «энциклопедий» можно понять — в истории о нечестном и плутоватом должнике нет ничего сверхъестественного или паранормального. Правда, без «посоха с деньгами» исчезновение цепи утратило логику, а сама легенда осталась без нравоучения.

В псковском предании о горе Судоме произошла контаминация двух разных по своей природе моти-

²⁹ Супруненко Ю., Шлионская И. Новейшая энциклопедия таинственных мест России. М., 2007. С. 106.

вов. Древнейшей частью является легенда о горе, на которой вершится праведный суд.³⁰ На более позднем этапе истории предания, но не ранее XVII в., к нему был добавлен сказочный мотив «посоха с деньгами», который к тому времени прошел литературную обработку в духе и стилистике христианского *exemplum*.

³⁰ См.: *Топоров В. Н.* Гора // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 1. С. 311–315; *Левкиевская Е. Е.* Гора // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1. С. 520–521.

«СТИХОВ РОССИЙСКИХ МЕХАНИЗМ» В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ

Словосочетание «стихов российских механизм» из «Евгения Онегина» (VIII, 38) только в конце XX в. привлекло внимание комментаторов. В 1987 г. В. С. Баевский указал, что А. С. Пушкин мог встретить сочетание «механизм стихов» в одном из примечаний А. Х. Востокова к переводам из Горация.¹ Некоторое время спустя С. И. Панов в специальной статье привел много примеров употребления словосочетания «механизм стихов/стихотворства» у русских авторов

¹ См.: *Баевский В. С., Листов В. С., Вишневский А. А.* Из комментария к «Евгению Онегину» // *Временник Пушкинской комиссии.* Л., 1987. Вып. 21. С. 111–113. Ср.: *Баевский В. С.* Пушкинско-пастернаковская культурная парадигма. М., 2011. С. 259–262.

конца XVIII — начала XIX в., которые не оставляют сомнений в том, что это был распространенный стиховедческий термин. Особенно показательным и говорит само за себя приведенное С. И. Пановым название учебной книги Н. И. Язвицкого «Механизм, или Стопосложение российского стихотворства, изданный для воспитанников Санкт-Петербургской губернской гимназии» (1810).²

Стиховедческое значение словосочетания «механизм стихов» не вызывает сомнений. Но почему именно «механизм», в разных оттенках своего значения зафиксированный в словарях начала XIX в., в эпоху предромантизма и романтизма спокойно и даже естественно сочетается с «поэзией»? Недаром ведь В. С. Бавевский назвал это словосочетание «новаторской» метафорой, «странной на первый взгляд». В своей известной и исключительно богатой наблюдениями работе «Пушкин и наука его времени» (1956, 1972) М. П. Алексеев на огромном материале продемонстрировал пытли-

² См.: *Панов С. И.* Из истории русской стиховедческой терминологии конца XVIII — первой трети XIX века («механизм стихов» и «изменения») // *Quinquagenario Alexandri P'ušini oblata*. М., 1990. С. 13–16. См. также: *Ивинский Д.* «Механизм стихов», Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, князь П. А. Вяземский и Карл Вильгельм Рамлер // *Ostkraft / Литературная коллекция*. Научное обозрение. № 4–5. М., 2021. С. 5–37.

вое внимание русских писателей первой трети XIX в. к проблемам науки, в том числе и к механике.³ Эти проблемы и сама «механическая» терминология проникали и в литературные произведения. М. П. Алексеев приводит следующий фрагмент из «Театрального разезда» Н. В. Гоголя, в котором один из «любителей искусств» уподобляет театральную пьесу сложному по своему устройству механизму и утверждает, что «течение и ход пьесы производит потрясение всей машины: ни одно колесо не должно оставаться как ржавое и не входящее в дело... И в машине одни колеса заметней и сильней движутся; их можно только назвать главными; но правят пьесою идея, мысль».⁴ Таким образом, «механизм/машина» может быть приложимо как к поэзии, так и к драматическому произведению. Но впервые такие сравнения и метафоры появились в русской литературе даже не в XVIII, а еще в XVII в.

У Евфимия Чудовского одно небольшое стихотворение 1680-х, видимо, годов начинается так:

Зри, человеце, на сей орологий,
умудришися паче феологий,

³ См.: Алексеев М. П. Пушкин и наука его времени // Алексеев М. П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984. С. 22–173.

⁴ Там же. С. 109–110.

Надо признать, что это довольно необычное заявление для монаха, который ставит часы (точнее, часовой механизм) выше теологии по своему воздействию на человеческий разум. Но это такое барочное *admirare* — желание удивить и поразить читателя. Далее в стихотворении речь идет о мирской суете и тщетности жизни человеческой:

Како часами жизнь определяет,
 месяцы днями время скончает.
Дние и лета скоро мимо текут,
 юна отрока ко старости влекут.
В старости дряхлость и разслабление,
 всея крепости и сил лишение.
По сем лютая зла смерть восхищает
 и, яко траву, косою ссекает;
Богатство, славу прах быти вменяет,
 злато и сребро калу предавает.
Аще хочещи муж быти блаженный,
 помни всегда день и час совершенный,
Смерть, ад, геенну во уме содержи
 и вся суеты от себе отвержи,
Горня Сиона буди подражатель,
 и всех прелестей умный презиратель,
Да возможещи премирно пожити,
 в горних жилищах на веки почити.⁵

⁵ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 18: XVII век. СПб., 2014. С. 296. Здесь и далее произведения XVII–XVIII вв. цитируются в модернизированной орфографии.

В «Вертограде многоцветном» Симеона Полоцкого в цикл «Вера» входит небольшое стихотворение (6 строк), в котором речь идет уже прямо о часовом механизме:

Во часех зубец един аще отломиши,
всех колес течение тако удержиши.
Подобне в вере аще един член растлится,
вся, яко часы, вера унепотребится.
Тем же собори ничто велят отымати
от состав веры, точне ничто прилагати.⁶

Первое, что приходит в голову при размышлении о часах в поэзии XVII в. — что эта тема связана с бренностью и суетой жизни человеческой. И это предположение вполне справедливо — в XVIII в. будут появляться похожие стихотворения. Так, А. П. Сумароков в 1759 г. опубликовал в своем журнале «Трудолюбивая пчела» небольшое стихотворение «Часы»:

Суетен будешь
Ты, человек,
Если забудешь
Краткий свой век.
Время проходит,

⁶ *Simeon Polockij. Vertograd mnogocvĕtnyj. Vol. 1: «Aaron» — «Dĕtem blagoslovenie».* Ed. by Anthony Hippiisley and Lydia I. Sazonova. With a Foreword by Dmitrij S. Lichačĕv. Köln; Weimar; Wien, 1996. P. 193.

Время летит,
Время проводит
Всё, что ни льстит.
Счастье, забава,
Светлость корон,
Пышность и слава —
Всё только сон.
Как ударяет
Колокол час,
Он повторяет
Звоном сей глас:
«Смертный, будь ниже
В жизни ты сей;
Стал ты поближе
К смерти своей!»⁷

Затем он дал стихотворению другое название — «На суету человека». Корреляция «часы — суета человеческой жизни» вполне ожидаема. Эта тема будет постоянно присутствовать в тренической поэзии XVIII в., достаточно назвать «На смерть князя Мещерского» Г. Р. Державина:

Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает;

⁷ Сумароков А. П. Избранные произведения. Л., 1957. С. 83. Ср.: Алексеева Н. Ю. Стихотворение А. П. Сумарокова «На суету человека» // Дар дружества и муз: Сб. статей в честь Н. Д. Кочетковой. М.; СПб., 2018. С. 78–89.

Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет — и к гробу приближает.

Но в XVII в. именно тема *memento mori* была, скорее, второстепенной в силлабической поэзии. У Евфимия орологий появляется при упоминании теологии, а у Симеона — при разговоре о вере. И для того есть свои резоны.

Часы издавна были известны на Руси, а в XVII в. их число значительно умножилось.⁸ Однако до Евфимия и Симеона никаких текстов, связанных с часами и суетой человеческой жизни еще не было. Напомним, что XVII в. в Европе — это не только эпоха барокко, это век возникновения науки нового времени и технической революции.⁹ Из многочисленных механизмов часовой механизм занял важнейшее место и среди аргументов в философских рассуждениях. Как раз в XVII в. развивается и закрепляется метафора часов как модели устройства мира, а затем и Бога как великого часовщика, часы стали метафорой, одинаково важной и для богословия, и для становящейся науки. Астрономические часы в то время показывали

⁸ См.: Мельникова О. Н. Из истории часов в России. XVII — начало XX века. М., 2016.

⁹ См.: Вуттон Д. Изобретение науки: Новая история научной революции / Пер. с англ. М., 2018.

не только время, они отражали движение солнца, луны, других небесных тел и указывали дни религиозных праздников. Распространяется представление о круговом движении планет, схожим с движением шестеренок в часах. Примеров тому много, так, Декарт писал, что понимание устройства вселенной сравнимо с пониманием устройства часов.¹⁰ А Роберт Бойль, физик, химик и философ, выступая против схоластов, говорил: «Разница между их мнением о присутствии Бога в мире и тем, что предложу я, в общих чертах может быть такова: они представляют мир наподобие куклы, чье создание искусственно, и при этом почти каждое конкретное ее движение вызывается мастером, <...> тогда как, на наш взгляд, мир подобен редким часам, какие можно увидеть в Страсбурге и в которых все детали так искусно задуманы, что машина, будучи один раз приведена в движение, выполняет все действия согласно первоначальному замыслу мастера».¹¹ Все эти идеи отразились и в научно-популярной литературе XVII в. В «Рассуждении о множественности миров» (1686) Фонтенеля есть такой диалог автора с маркизой, которой он объясняет устройство мироздания. Привожу его в переводе

¹⁰ См.: Вуттон Д. Изобретение науки. С. 390.

¹¹ Там же. С. 395.

А. Кантемира 1730 г.: «Потому, — сказала маркиза, — философия уже механическа стала?» — «Так механическа, — отвечивал я, — что опасуюся, чтоб нам скоро от того стыда не было. Верят ныне, что весь мир таков есть в своем величестве, каковы часы в своей малости, и что все в нем делается чрез движение некое уставленное, которое зависит от порядочного учреждения частей его. Скажи правду, не думала ли ты когда нечто превосходнейшее о мире сем и не воздавала ли ты ему почтения, какого он не достоин? А я видел таких, которые, как его узнали, не столько стали почитать его». — «А я напротиву, — отвечивала она, — много больше его почитаю, как узнала, что он часам подобен; удивительно бо есть, что чин натуры, будучи столь дивен, а основан на так простых вещах!»¹² Автор хвалит ее и подчеркивает, что в мире нет ничего, что нельзя было бы объяснить механическими причинами.

Фонтенеля, скорее всего, в Москве тогда еще не читали, но отзвуки европейских философских и богословских споров эпохи механической философии доходили, очевидно, и до Москвы, хотя бы вместе с теми же самыми часами и мастерами часовых дел. Кстати,

¹² *Кантемир А. Д.* Соч., письма и избр. переводы. СПб., 1868. Т. 2. С. 406.

часы на Спасской башне выглядели совсем не так, как сегодня, что известно нам по рисунку барона Мейерберга 1661–1662 гг.¹³

Представляется, что стихотворения Симеона и Евфимия подтверждают предположение, что в кругах московских книжников какие-то отзвуки европейских дискуссий были на слуху. Справедливо считается, что оба монаха придерживались разных взглядов на развитие русской культуры, в том числе литературы, и они были яркими литературными противниками, а на выход «Обеда душевного» Симеона Полоцкого Евфимий откликнулся двумя злыми, но остроумными эпиграммами. Тем более примечательно их схожее отношение к часовому механизму и включение обоими орология в стихи.

Сравнения с часовым механизмом не ограничивались философией и богословием, они входят и в другие сферы, как образец идеального устройства. Так, в 1698 г. генерал Адам Вейде поднес царю Петру составленный им воинский устав, в посвящении которому писал: «Безскучные труды х каждому делу, еже намерен исполняти, потребны суть во всяких трудах,

¹³ См.: *Симонов Р. А., Хромов О. Р.* «Часы на кругу» — наиболее раннее точно датированное 1663 годом листовое издание Московского Печатного Двора // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2006. № 3 (25). С. 19–34.

также попечение и разумное надзирание первоначально к воинскому делу требуется, еже аки часы чрез удобное сложение и исправное движение колес и цепи, со всем принадлежащим к тому, при порядочном беге содержитсяся».¹⁴ В 1716 г. Лейбниц писал Петру об устройстве коллегий: «Опыт достаточно показал, что государство можно привести в цветущее состояние только посредством учреждения хороших коллегий, ибо как в часах одно колесо приводится в движение другим, так и в великой государственной машине одна коллегия должна приводить в движение другую, и если все устроено с точною соразмерностью и гармонией, то стрелка жизни непременно будет показывать стране счастливые часы. Но как по различию часов, одни требуют большего, другие меньшего количества колес, так бывают различны и государства, а потому никак нельзя установить для всех определенного числа коллегий».¹⁵

Все изложенное, пусть кратко и в самых общих чертах, дает, как кажется, контекст или фон для понимания еще одного употребления метафоры часо-

¹⁴ Воинский устав, составленный и посвященный Петру Великому генералом Вейде, в 1698 году. СПб., 1841. С. 7.

¹⁵ *Герье В.* Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871. С. 197.

вого механизма (орология) у Симена Полоцкого, на этот раз чисто литературного.

В 1681 г. был издан, уже посмертно, его сборник проповедей «Обед душевный», завершённый в 1675 г. В заключении обширного предисловия Симеон переходит к традиционной авторской топике (*captatio benevolentiae*): «Аще же что обрящется во книзе сей или за недоумение неисправно, или забвением оставлено, молю прилежно прощению тобою худости моей дароватися, яко несмь ангел, сия писавый, но человек плотию тлению, умом невежеству, памяти забвению подлежащ». Далее Симеон опять вполне традиционно просит читателя: «Ты, аще мудростию от Бога украшен еси, исправи любезно, нетщеславно, еже исправлению достойно». Далее идет оговорка: «Аще же не учился еси, не буди ти дерзати, иже ихже не веси, та хулити и исправляти, да не како благая растлиши во исправления место». А вот затем идет интересующее меня сравнение: «В писании словеса, яко во орологии колеса чинно составляются, има же обема невежда дерзновенно прикасайся, вред творит. Не дерзаеши орология исправляти вещественнаго, много паче да не прикоснешися писанию духовному, в немже по числу словес (да не реку писмен) таинства многа суть, не комуждо известна».¹⁶

¹⁶ *Симеон Полоцкий.* Обед душевный. М., 1681. Л. 9 об.–10.

Замечательный по своей редкости пример авторского представления о текстопорождении: структура текста проповеди сравнивается с часовым механизмом. Сразу возникает вопрос, особенно важный для XVII в.: а кто является часовым мастером? Ответ очевиден: сам Симеон Полоцкий и никто другой. И никто другой не может вторгаться в исключительно сложный механизм текста, прикасаться не только к словам, но даже и буквам — в этом случае механизм текста будет безнадежно испорчен («Во часех зубец един аще отлomiши, / всех колес течение тако удержиши»). Не музы продиктовали (как будет у Ломоносова или Державина), не «Бог сподобил» (как у древнерусского книжника), а сам своим самосмышлением автор создает самый сложный механизм текста.

Можно полагать, что Симеон был очарован метафорой, связанной с часовым механизмом, для XVII в. действительно новаторской, причем очарован настолько, что невольно попал в логическую ловушку, которую сам же и выстроил. Итак, Симеон настаивает, что его текст должен быть статичен и неизменен, но часовой механизм является таковым только тогда, когда он приведен в движение, иначе он становится просто набором закрепленных между собой шестеренок, т. е. перестает быть собственно часами. Сравнение с часовым механизмом замечательно подходит для рассуждений о движении небесных тел, о взаимодействии армей-

ских подразделений или государственных учреждений и проч. А вот сравнение с проповедью выглядит менее удачно.

В предисловии к «Обеду душевному» Симеон Полоцкий печатно зафиксировал еще один этап в формировании авторского самосознания в эпоху перехода от древнерусской книжности к литературе Нового времени. Итак, автор сам создает свое произведение. Создает из чего? Из слов и букв. Роль букв в истории мировой литературы всегда была велика, в том числе они имели и сакральное значение. Здесь обратимся к младшему современнику Симеона — французскому богослову и писателю Ф. Фенелону. В 1712 г. он издал богословско-философский «Трактат о Существовании Бога» (*Traité de l'Existence de Dieu*, 1712). Этот трактат стал источником большей части философского трактата А. Кантемира, получившего в науке название «Письма о природе и человеке» (1742–1743).¹⁷ Фенелон отрицает роль случая в создании гениального произведения. Вот как переводит это место Кантемир: «Напрасно, вымышляя, ищут представить искусство в том, что нечаянность должна была так сделать. Один приклад все сие изъяснить может. Положим в беско-

¹⁷ См.: *Grasshoff H.* Kantemir und Fénelon // *Zeitschrift für Slavistik*. 1958. Bd. 3, H. 2–4. S. 369–383.

нечное число совокупных литеров, которые един по единому нечаянностью собрались и можно сказать, что Илиада творение нечаянности единой; всякий, кто в ней искусство находить будет и придавать Гомеру, ошибется. Сия совокупность литер рано или поздно должна была прийти в свой порядок и составить Илиаду, действительно пришла и составила так, что человек никакого не употреблял искусства; сие доказательство толь смешно и слабо, что всякий смеяться должен». ¹⁸

Это же место перевел и В. К. Тредиаковский в своей поэме «Феоптия», которая является стихотворным переложением того же трактата Фенелона. ¹⁹ Тредиаковский также согласен с аргументами Фенелона и даже дополняет его. ²⁰

Всяк, едва на твари с примечанием воззрит,
То творцом премудрым разум свой и озарит.
Если ж кто б сказал ему: сделайте припадок,
Вдруг покажется такой сам и глуп, и гадок.
Кто когда поверит, что Гомеровы стихи,
Кои в «Илиаде», глупости где нет крохи,

¹⁸ Кантемир А. Д. Соч., письма и избр. переводы. Т. 2. С. 86.

¹⁹ См.: Лебедев Е. Н. Философская поэзия В. К. Тредиаковского // Русская литература. 1976. № 2. С. 94–104.

²⁰ См.: Серман И. З. Литературное дело Карамзина. М., 2005. С. 93–94. Тут же приведен и французский оригинал этого фрагмента.

Не великим счинены смыслом стихотворца,
Украшений и высот многих толь приборца?
Кто поверить может, что припадок всех букв смесь
В тот привел порядок и союз составил весь?
А прибрав слова к словам и сцепив стопами,
Громогласнейшими толь так воспел стихами?
Пусть в «Энеиде» счислил кто-нибудь все буквы сам,
Сколько ж *a*, *b*, прочих, будет всех и *z*-тов там;
Пусть наделает себе столько ж всех их точно
И в одну смешает их кучку все нарочно.
Пусть потом он кинет совокупно всех из рук,
Чтоб ему «Энейду» сочинить броском тем вдруг.
Верно, что не ляжет враз та «Энейда» прямо.
Пусть же мечет много крат, пусть всю жизнь упрямо:
Не укинёт трудник и ни первых всех стишков,
Не укинёт токмо и ли маленьких клочков.
А однак припадок тут есть совсем возможный:
Мы в *Виргилии* уж чем тех букв ряд неложный.
Без ума быть должно, если так то утверждать
И состав стиховный случаю то отдавать.
Цицерон «Летописей» *Энниевых* только
Об одном стишке сказал, не о всех в них столько,
Что не мог припадок сочинить там и того,
А не стихотворства совершенного всего.²¹

У *Кантемира* и *Тредиаковского*, разумеется, нет никаких сомнений, что именно сам автор и только он

²¹ *Тредиаковский В. К.* Избранные произведения. М.; Л., 1963. С. 203.

распоряжается буквами и располагает их по своему замыслу. Случай («нечаянность» или «припадок») не играет никакой роли. Дополняя Фенелона, Третиakovский упоминает Вергилия, Цицерона и Энния. Соседство двух последних позволяет предположить, что Третиakovский переложил здесь следующий фрагмент из трактата Цицерона «О природе богов»: «Не понимаю, почему бы человеку <...> не поверить также, что если изготовить из золота или из какого-нибудь другого материала в огромном количестве все двадцать одну буквы, а затем бросить эти буквы на землю, то из них сразу получатся „Анналы“ Энния, так что их можно будет тут же и прочесть. Вряд ли по случайности может таким образом получиться даже одна строка».²² Неожиданно скептицизм Фенелона обретает поддержку античного философа, у которого он, вероятно, этот аргумент и позаимствовал. Таким образом, «механическая философия», еще вполне актуальная в половине XVIII в., получает классическую подкладку.²³

Десакрализации писательского ремесла способствовало не только следование философским течениям

²² Марк Туллий Цицерон. Философские трактаты. М., 1985. С. 131.

²³ См.: Вуттон Д. Изобретение науки. С. 394–396.

XVII–XVIII вв.,²⁴ но и обыкновенная ирония. Это продемонстрировал Н. П. Осипов в своем переводе «Приключений барона Мюнхгаузена» (1797), которому он предпослал «Посвящение тридцати двум азбучным Буквам»: «Вам, сильным, удивительным, отменным, преполезным и пагубным чадам человеческого остроумия, посвящается небольшое сие маранье, содержащее в себе совершеннейшую правду, совокупно с самою несбыточною ложью. Без вашей помощи, никакая истинна изобразиться не может. Равным образом и всякая ложь вам обязана своим, если не рождением, то по крайней мере существованием. Вы производите великие дела на земном нашем шаре; руководствуете разумом и рассудком; служите твердою подпорою и неразрушаемым хранилищем нашей памяти; показываете нам очевидно все то, что происходило за несколько дюжин веков до нашего рождения; утверждаете и укрепляете мир и тишину людскую; производите вражды, несогласия и ссоры; основываете, восстанавливаете, содержите, низвергаете и разрушаете многие владения и государства; вами предписываются положительные законы честности и добродетели; от вас также проистекают неисчетные источники пороков, развратов и злодеяний; вы исправляете и развращаете-

²⁴ Ср.: *Abrams M. H. The Mirror and the Lamp. New York, 1958. P. 159–167. (Глава «The Mechanical Theory of Literary Invention»).*

те наши нравы; вами также составила и сия книга, почему вам она и посвящается, яко первой и самонужнейшей причине своего существования». ²⁵

Теперь, в литературной культуре Нового времени, именно писатель сам придает значение буквам, по своему собственному разумению располагает слова, создавая свое произведение как сложный словесный механизм, работа которого зависит только от изобретательности автора. Изменение авторской топики и ее обновление — процесс непрерывный и благотворный. Несомненно, что самый сложный этап становления нового авторского самосознания в русской литературе пришелся на рубеж XVII–XVIII вв., ²⁶ но он продолжался и весь XVIII в. Точно так же менялось и представление о природе и статусе авторского текста. Можно полагать, что определенную роль в этом процессе сыграла и невидимая на первый взгляд связь между «словесами, яко во орологии колеса» и «стихов российских механизмом», в которой отразились изменения философской картины мира XVII–XVIII вв.

²⁵ [Осипов Н. П.]. Не любо, не слушай, а лгать не мешай. Напечатано съизнова, с прибавками и в лицах. Ч. 1. Изд. 4. СПб., 1811. [Посвящение на нм. страницах]. Ср.: Веселова А. Ю. Концепция «истинной лжи» Н. П. Осипова // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 183–193.

²⁶ См.: Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 162–182.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Ниже приводится перечень тех изданий, в которых были впервые опубликованы собранные в настоящей книге статьи и заметки. Здесь они появляются в заново просмотренном и уточненном виде с дополненной библиографией.

Имя на дереве. (Из истории идиллического мотива) // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 46–65.

Куручка протопопа Аввакума и выдра Яна Пасека // *Russica Romana*. (Roma). 2003. Vol. 10. P. 35–43.

Новелла в «Дневнике путешествия в Московию» И. Г. Корба // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 162–167.

Рыцарь на похоронах Федора Головина. (Из церемониальной эстетики Петровской эпохи) // История культуры и поэтика. М., 1994. С. 83–88.

Притча о немцах, французах и русских у Н. Лескова // *Slavia Orientalis*. 1994. № 1. S. 15–23.

Мотив «посох с деньгами» в псковском предании // *Круги времён: В память Елены Константиновны Ромодановской*. М., 2015. Т. 2: Исследования. Посвящения и воспоминания. С. 441–450.

«Стихов российских механизм» в контексте исторической поэтики // *Литературный факт*. 2019. № 4 (14). С. 269–281.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А. И.* 134, 149
Аввакум, протопоп 4, 52–54, 59,
60, 61, 62, 67–71
Агапкина Т. А. 41
Александр II, имп. 95
Александр III, имп. 95
Александра Федоровна, вел. кн.
16
Алексеев М. П. 85, 154–155
Алексеева М. А. 94
Алексеева Н. Ю. 20, 158
Алексей Михайлович, царь 84,
91, 117
Анастасевич В. Г. 27
Андреев А. 105
Андрушкевич О. В. 53
Антоний Радивиловский 143,
146–147
Апраксин Ф. М. 91–92
Ариосто Л. 14–15
Баевский В. С. 153–154
Бантыш-Каменский Д. Н. 91
Барклай Д. 106
Бароний Ц. 60
Батюшков К. Н. 13–14
Бахтин М. М. 33
Белоброва О. А. 117
Белова О. В. 67
Белоусов А. Ф. 7
Бельский М. 65
Бенедиктов В. Г. 29–30
Бенуа А. Н. 95–96, 100, 111
Берков П. Н. 104
Берхгольд Ф. В. 99, 108
Бессонов П. 117
Бион 10
Биржакова Е. Э. 90
Блюмбаум А. 110
Богоявленский С. К. 91
Боева Л. 52

- Бойль Р. 160
Боккаччо Д. 78
Болотов А. Т. 8–9
Бох И. 84
Браччолини П. 78
Бродский И. 33
Брокес Б.-Г. 31
Бронникова С. П. 53
Брусиллов Н. П. 38
Брюсов В. 28
Буланин Д. М. 103
Бунин И. А. 49, 51
Буслаев Ф. И. 133, 138, 148–149
Бутырский И. П. 136, 139, 149
Бычкова М. Е. 60
Ванеева Е. И. 68
Васильев, ученик 136
Вейде А. 162–163
Венгеров С. А. 51, 135
Венцовская О. В. 53
Вергилий Публий 10–12, 169
Веселитский В. В. 90
Веселова А. Ю. 9, 171
Вишенский И. 53
Вишневский А. А. 153
Владимиров П. В. 141
Водовозова Е. Н. 49
Водолазкин Е. Г. 65
Восейков А. Ф. 12
Война-Куринский П. 38
Войнова Л. А. 90
Волков И. 90
Востоков А. Х. 46, 153
Вуттон Д. 159–160, 169
Вяземский П. А. 86, 89, 131, 154
Гавриил Бужинский 105
Гай Светоний Транквилл 103
Галинковский Я. 32–33
Гартонг А. П. 29
Гендриков В. Б. 94
Герасимов Д. 83–84
Герберштейн С. 83–84
Герцен А. И. 124
Герье В. 163
Геснер С. 23–24
Гинзбург К. 3, 109
Глинка А. И. 32
Глинка С. Н. 8, 32, 43, 47
Глинка Ф. 31
Гоголь Н. В. 155
Годебский Ц. 26
Голенищев-Кутузов П. И. 25
Голиков И. 92–93
Голицын П. А. 73
Голицын П. М. 99
Головин И. Ф. 91
Головин Ф. А. 91–92, 98, 109
Горелов А. А. 115–116, 130, 132
Граман Г. 58
Гура А. В. 67
Гуревич А. Я. 102
Гусева А. А. 147

- Дезульер А. 28
 Декарт Р. 160
 Демин А. С. 67–68
 Демкова Н. С. 60
 Державин Г. Р. 158, 165
 Державина О. А. 87, 141
 Дмитриев И. И. 17
 Долгоруков И. М. 21–22
 Дурново Н. 65
 Душечкина Е. В. 7

Евангулова О. С. 107
 Евфимий Чудовский 155, 159, 162
 Екатерина I, имп. 109
 Екатерина II, имп. 94, 131
 Елагин И. 43
 Елизавета Петровна, имп. 94, 100
Еремин И. П. 65, 108, 147

Жабчиц Я. 119
 Жирарден Р. Л. 25
 Жончинский Г. 63

Загребин В. М. 94
Захаров В. 105
Зеленин Д. К. 13, 41

Иаков Ворагинский 147
 Ивакин И. 59
 Иван Грозный, царь 53, 84–85
 Иванов Вяч. И. 51

 Иванов И. А. 46–47
 Иванова Т. Г. 139
 Измайлов А. Е. 135
Ивинский Д. П. 154
Илюшин А. А. 52

Кавелин К. Д. 133–134, 137
Кагаров Е. 13
Казанский П. 91
Калугин В. В. 53
Каменева Т. Н. 147
 Кантемир А. Д. 20, 90, 161, 166–168
 Карамзин Н. М. 8, 16–17, 24, 44–47, 82, 90, 123–124, 131, 154, 167
 Карион Истомин 101
 Карл V, имп. 121–122
 Карл XII, король 89
 Карпинский Ф. 27
 Кастильоне Б. 84
Клейн И. 20
 Коллинз С. 84–85
 Комаров М. 12, 46
Комарович В. Л. 147, 149
 Корб И. Г. 4, 72–82, 85–87
 Костров Е. И. 31
 Кохановский П. 14
Кочеткова Н. Д. 7, 43, 158
Крекотень В. I. 143
 Крижанич Ю. 85, 117
 Кунст И. 91

- Куприянов Н.* 137–138
Курганов Е. 49
Курганов Н. Г. 122–123
Кутина Л. Л. 90
Кючарианц Д. А. 16
- Лаврецкий С. Ф.* 85
Лафонтен А. Г. Ю. 37
Лебедев Е. Н. 167
Левкиевская Е. Е. 152
Левшин В. 24
Лейбниц Г. В. 163
Лесков А. Н. 97
Лесков Н. С. 96, 97, 112, 114–116, 124–126, 128, 130, 132
Лефорт Ф. 91, 99
Липатов А. В. 55
Листов В. С. 153
Лихачев Д. С. 8, 132
Логинов К. К. 42
Логунова М. 94
Ломоносов М. В. 121–122, 165
Лотман Ю. М. 42, 103, 105
Львов П. Ю. 10
Люстров М. Ю. 107
Лютер М. 53
Лямина Е. Э. 131
- Мазепа И.* 55
Майков В. И. 122
Макаров В. К. 92
Малеин А. И. 76–77, 83
Маргарита Наваррская 78
- Марфа Матвеевна, царица* 94
Масанов И. Ф. 135
Массон Ш. 131
Мейерберг А. 162
Мельникова О. Н. 159
Меншиков А. Д. 108
Мерзляков А. Ф. 11–12, 28
Мечев К. 52
Милонов Н. П. 38
Мицкевич А. 54
Моисеева Г. Н. 79, 106
Монтескье Ш. 123
Морозова Н. П. 7
Мосх 10
Муравьева Е. Н. 55
- Н. Н.* 131
Набоков В. В. 32–33, 48–49
Нартов А. А. 20
Нарушевич А. 27
Настенко И. 105
Невский А. А. 41
Некрасов Н. А. 6–8, 49
Нестеров А. И. 57
Нестеров М. А. 57
Николаев С. И. 27, 55, 70, 100, 119
Николай I, имп. 94
Николай Спафарий 80, 117–119
Норов А. С. 58
- Обар И.* 55, 57
Обрадович Д. 53

- Овидий 13
Огаркова Н. А. 95
 Осипов Н. П. 170–171
Оссовская М. 102
- Павел Иовий Номоканонский**
 83
- Павел Петрович, вел. кн. 22, 33
Павленко Н. И. 105
 Палицын А. 25
 Панаев В. И. 28–29
 Панин Н. И. 33
Панов С. И. 153–154
Пановский Э. 7
Панченко А. М. 70, 72, 86, 171
 Пасек Я. 52–59, 61–64, 67–71
Пастернак Е. Е. 131
 Пеплие Ж.-Р. де 123
Перевлесский П. 138, 150
 Перри Д. 80
 Петр I, имп.
 Петр III, имп.
 Петрарка Ф.
Петухов Е. 105
Победоносцев С. П. 54–55
Погосян Е. А. 105
Покровский Н. Н. 71
Полонская И. М. 147
 Попов М. И. 13–14
 Попугаев В. В. 34
 Порошин С. А. 33
 Потоцкий В. 67, 125–128
- Пуссен Н. 7
 Пушкин А. С. 15–16, 33, 40,
 135, 153–155
Пыляев М. И. 111
Пытин А. Н. 106
- Рабле Ф.** 84
Рак В. Д. 121
 Рамлер К. В. 154
Ранчин А. М. 71
 Растрелли Б. 109
 Репин И. Е. 7
Репина Л. П. 3
 Рипа Ч. 67
Ровинский Д. А. 44
 Родостамов М. 90
 Руссо Ж.-Ж. 24
- Саккетти Ф.** 78
Семевский М. И. 73, 78
Семенова Л. Н. 81
 Сенкевич Г. 56
 Сервантес Сааведра М. де 17,
 52–53, 133, 138, 148
Серман И. З. 73, 167
 Симеон Полоцкий 65–66, 70–
 71, 79, 143, 146–147, 157,
 159, 162, 164–166
Симонов Р. А. 162
Скипина К. 33–34
 Собакин М. 104
 Собеский Ян, король 62–63
 Соколов Н. И. 43–44

- Софроний Врачанский 52–53
Софронова Л. А. 110
Срезневский И. И. 46
Станислав Август Понятовский,
король 95
Стебницкий М. 112
Степанов В. П. 7
Столянский П. 104
Стратановский Г. А. 69
Страшевский 62
Сумароков А. П. 18, 20–22, 31,
157–158
Супруненко Ю. 151
Тананаева Л. И. 55
Таннауэр И.-Г. 107
Таннер Б. 59
Тассо Т. 13
Татьяна Михайловна, царица
99
Тейлс И. А. 17
Теремицкий К. 93
Ткачѳв Ю. 71
Толстой Л. Н. 18–19, 149–150
Толстой П. А. 104–105
Томпсон С. 129
Топорков А. Л. 41
Топоров В. Н. 45, 152
Третьяковский В. К. 19–20, 121,
167–169
Тургенев А. И. 16, 47
Тынянов Ю. Н. 110
Тяжкогорский И. 85
Успенский Б. А. 103, 127
Устрялов Н. 74, 99
Фенелон Ф. 106, 166–167, 169
Феофан 9–11
Феофан Прокопович 69, 93, 99–
100, 107–108
Фолькельт И. 31
Фонвизин Д. И. 131
Фонтенелль 20
Фу Шэнь 53
Фюрст О. (Фиршт А.) 91–92, 109
Хансен У. 141
Хейзинга Й. 9, 102
Хованский В. А. 12
Хромов О. Р. 162
Цехановицкая Е. 59
Цехановицкий А. 59
Цицерон Марк Туллий 168–169
Чарнецкий С. 56
Черейский Л. А. 135
Черная Л. А. 90
Черняк И. Х. 7
Чеченская С. А. 135
Чиньяролли Д. 16
Чулков М. Д. 79
Шаликов П. И. 39
Шарая Н. М. 109
Шафиров П. П. 89
Шереметев Б. П. 104

- Шишкин А. Б.* 20
Шлионская И. 151
Штелин Я. 120–121
Шторх П. 42
Шапов Я. Н. 58
Эйдельман Н. Я. 109
Энгельгарт Б. 95
Энний 169
Эрль В. И. 7
Язвицкий Н. И. 154
- Aarne A.* 140
Abrams M. H. 170
Avvakum, archpriest 52
Balys J. 129
Bracciolini P. 78
Brzega W. 129
Bystroń J. S. 41
Cant C. B. 52
Chrościcki J. 110
Conon (Konon) 139–140
Curtius E. R. 9
Czapliński W. 56
Dworski A. 26
Feofan Prokopovič 69
Giesey R. E. 109
Godebski C. 26
- Gogol J. M.* 52
Grasshoff H. 166
Haltrich J. 129
Hammarberg G. 33
Hansen W. 141
Haur J. 68
Hauzer A. 9
Hippisley A. 66, 146, 157
Höfer U. 140
Hughes L. 94
Huizinga J. 102
Il'ušin A. 154
Jakubowski W. 59–60
Kejinski A. 117
Klein J. 20, 28
Kornilowicz N. 67
Kot S. 116, 129
Kraushar A. 59
Krčėk F. 129
Kroll W. 67
Krzyżanowski J. 56, 129
Kuhlmann Q. 52
Kukulski L. 65, 126
Korb J. G. 78
Lahmann R. 69
Lausberg H. 69
Lee R. W. 41
Lichačev D. S. 157
Łoziński W. 110

Malek E. 122

Mikulski T. 41

Ossowska M. 102

Pasek J. 56–59, 62, 64

Petrovič A. 129

Pigoń S. 59

Poggioli R. 9

Potocki W. 67, 126–127

Roback A. A. 117

Rzeczyński G. 64

Rok B. 110

Rotunda D. P. 79

Sazonova L. I. 66, 146, 157

Sienkiewicz H. 56

Siewinski A. 129

Simeon Polockij 66, 146, 157

Sokolski J. 67

Sparrow J. 40

Szyszek T. 130

Tatarkiewicz W. 71

Tazbir J. 64

Teucherus L. H. 140

Thompson S. 129, 140

Tubach F. C. 141

Uther H.-J. 140

Vries A. de 98

Walczak-Sroczyńska B. 141

СОКРАЩЕНИЯ

- БАН — Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)
- ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина, ныне — Российская государственная библиотека (Москва)
- ГРМ — Государственный русский музей (Санкт-Петербург)
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)
- РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Имя на дереве. (Из истории идиллического мотива)	6
Курочка протопопа Аввакума и выдра Яна Пасека	52
Новелла в «Дневнике путешествия в Московию» И. Г. Корба	72
Рыцарская идея в похоронном обряде Петровской эпохи	89
Притча о немцах, французах и русских у Н. Лескова	112
Мотив «посох с деньгами» в псковском предании	133
«Стихов российских механизм» в контексте исторической поэтики	153
Библиографическая справка	172
Указатель имен	173
Сокращения	181

Научное издание

С. И. Николаев

**ИМЯ НА ДЕРЕВЕ.
ЭТЮДЫ ПО МИКРОИСТОРИИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII–XVIII вв.**

*Издание утверждено к печати решением Ученого совета
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
протокол № 2 от 4 марта 2024 года*

Научное издательство «Альянс-Архео»

Художник Ю. П. Амбросов

Компьютерная верстка и дизайн Р. К. Жумабаев

Подписано в печать 14.03.2024. Формат 70×100 ¹/₃₂.

Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. изд. л. 12,0. Усл. печ. л. 6,0.

Тираж 300 экз. Заказ № 993

ИП Новикова О. Л.

ОГРНИП 319784700175460

194352, Санкт-Петербург, пр. Художников, д. 30, к. 1, пом. 437

тел./факс:

— в Москве (499) 165-31-87

— в Санкт-Петербурге (911) 254-74-40

E-mail: arheo@mail.ru

Отпечатано в ООО «Контраст».

192171, Санкт-Петербург, Железнодорожный пр., д. 20

ДЛЯ ЗАМЕТОК

